13169

М. Алиханов-Аварскій.

Князю Георгію Дмитріевичу Шервашидзе на добрую память, — отъ автора.

20 марта, 1898. Тифлисъ.

ВЪ ГОСТЯХЪ У ШАХА

ОЧЕРКИ ПЕРСІИ

(съ 18 иллюстраціями).

ТИФЛИСЪ.
Типографія Я. И. Либермана, Михайловская, 64.

1898.

Digitized by Google

Printed in Soviet Union.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
528872B
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1950 L

0198D1
22544

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

Дозволено цензурою Тифлисъ, 10 сентября 1897 г.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

I. Выступленіе. — Аннау. — Первый ночлегъ и разсказъ стараго аламана. 5

II. Вступленіе въ Персію. — Кельтичинаръ. — Сеидъ-Алиханъ. — Дурунгярскіе курды. 12

III. Даванъ-дара и Баба-дагъ. — Чибинли. — Письма принца и «Стрѣлы государства». — Шахбасъ и Молла-Мамедъ. — Отвѣтъ принцу. 22

IV. Движеніе на Кочанъ. — Встрѣча. — Каграманъ-ханъ и его всадники. — Блюстители порядка. — Пріѣздъ и угощеніе. — Торжественный въѣздъ принца. — Визитъ качанскаго хана и персидскій почетный караулъ. . . 32

V. Кочанъ и его достопримѣчательности. — Базаръ, торговля, дервиши. — Ханское правосудіе. — Минеральные источники. — Жемчужный холмъ и разсказъ объ убійствѣ Надиръ-шаха. — Ледники. — Посѣщеніе «Отваги государства» 43

VI. Торжественное представленіе принцу. — Исторія и значеніе «бабизма» въ Персіи. 55

VII. Назаръ-багъ. — Больные персы и ханскіе обѣды . . . 69

VIII. Достопримѣчательности и богатства восточнаго Хорасана. — Долина верхняго Атрека и феноменальный источникъ этой рѣки. — Положеніе населенія и домашнія животныя. — Ширванъ. — Обозъ принца . . 73

IX. Гюнаминскія пещеры и современное состояніе огнепоклонниковъ въ Иранѣ. 82

X. Зіаратъ. — Буджнуртскіе предѣлы. — Гермиханъ и его хозяинъ. — Встрѣча въ Буджнуртѣ. 92

XI. Буджнуртъ, его базаръ, населеніе и промышленность. — Характеристика иранцевъ. — Сеиды, опіофаги, евреи и цыгане въ Персіи. — Новое свиданіе съ «Опорой государства». — Жизнь въ Буджнуртѣ 99

FEB 6 -
Digitized by Google

СТР.

XII. **Насреддинъ-шахъ:** Каджарская династія. — Воспитаніе Насреддина, воцареніе и смуты въ началѣ царствованія. — Біографы шаха, его стремленія и реформы. — Характеристика приближенныхъ и персидскіе порядки. — Финансовая система и сокровища шаха. — Результаты путешествій шаха, его высокомѣріе, титулы и слабость. — Частная жизнь Насреддина, его гаремъ и дѣти 112

XIII. Парадное вступленіе шаха въ Буджнуртъ. — Шахскій обозъ и зять его величества. — Персидская армія. — Представленіе генерала 151

XIV. Парадный выѣздъ, шахскій лагерь и угощеніе. — Садъ Азаръ-багъ, его фонтаны и бельведеръ. — Аудіенція у шаха. — Визиты сановниковъ. — Персидская «иллюстрація» 162

XV. Стрѣла государства, его дворецъ и баня. — Визиты вельможамъ. — Фонари въ Персіи. — Переговоры съ принцемъ и приглашеніе на парадный обѣдъ. . . . 173

XVI. Ширъ-Магомедъ-ханъ и совѣтъ министровъ. — «Мечъ государства» и шталмейстеръ шаха. — Парадный обѣдъ. 183

XVII. Атаки больныхъ. — Десте-хатъ шаха. — Парадъ. — Ученіе пѣхоты и конвойнаго эскадрона. — Церемоніальный маршъ. — Эволюціи казаковъ и стрѣльба шахской артиллеріи. 195

XVIII. **Вооруженныя силы Ирана:** Составъ древнихъ армій и военныя качества персовъ. Устройство постоянныхъ войскъ и инструктора европейцы, военныя реформы шаха, численность и состояніе всѣхъ родовъ оружія. - Казачья бригада, корпусъ офицеровъ и дисциплина. — Смотры шаха и результаты боевыхъ испытаній. — Курьезная реформа и заключеніе . . . 206

XIX. Пожалованіе портрета и отъѣздъ изъ Буджнурта. — Хейра-бадъ. — Путь до Герана. — Чудовищный проходъ. — Фирюза и Асхабадъ 235

Digitized by Google

Насреддинъ-Шахъ
въ 1883 г.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

Digitized by Google

ВЪ ГОСТЯХЪ У ШАХА.

ОТЪ АВТОРА.

Въ началѣ іюня 1883 года, Насреддинъ-шахъ предпринялъ поѣздку въ Хорасанъ съ цѣлью, какъ говорили, поклоненія въ Мешедѣ праху мусульманскаго святого Имама-Ризы. Путь повелителя Персіи былъ назначенъ черезъ города Буджнуртъ и Кочанъ, лежащіе въ сосѣдствѣ съ нашимъ Ахалъ-Текинскимъ оазисомъ. По принятому въ подобныхъ случаяхъ обыкновенію, начальнику Закаспійской области ген.-лейт. А. В. Комарову, приказано было отправиться въ Хорасанъ и привѣтствовать шаха отъ имени Государя Императора.

Сопровождать генерала въ Персію назначена была сотня казаковъ 1-го таманскаго полка съ хоромъ трубачей и взводъ текинскихъ милиціонеровъ.

Digitized by Google

Свиту генерала составили нѣсколько офицеровъ, ординарцы, врачъ, топографъ и переводчики, всего 15 офицеровъ и 200 нижнихъ чиновъ съ 247 конями.

Участвуя въ этой поѣздкѣ, я велъ съ полнымъ безпристрастіемъ возможно обстоятельныя походныя записки. Говорю *съ безпристрастіемъ* потому, что наша литература, касающаяся Персіи, грѣшитъ обыкновенно или огульнымъ порицаніемъ всего персидскаго, или-же, напротивъ, совершенно незаслуженными дифирамбами въ угоду разнымъ заинтересованнымъ лицамъ. Истина, какъ и всегда, оказалась между этими крайностями, и ее-то рисуютъ мои записки, предлагаемыя въ настоящее время вниманію читателей, интересующихся оригинальнымъ бытомъ современной Персіи, ея военнымъ устройствомъ, роскошью двора, цивилизаціею и т. п. При этомъ считаю не лишнимъ прибавить, что нѣкоторые пробѣлы этихъ записокъ, неизбѣжные при неудобствахъ путешествія верхомъ и по незнакомой странѣ, по возможности пополнены впослѣдствіи изъ персидскихъ разсказовъ и новѣйшихъ свѣдѣній, появлявшихся въ европейской печати.

Digitized by Google

I.

27-го іюня 1883 года.

Выступленіе.—Аннау.—Первый ночлегъ и разсказъ стараго аламана.

Послѣ осмотра командующаго войсками, маленькій нашъ отрядъ тронулся въ путь сегодня, въ жаркій полдень.

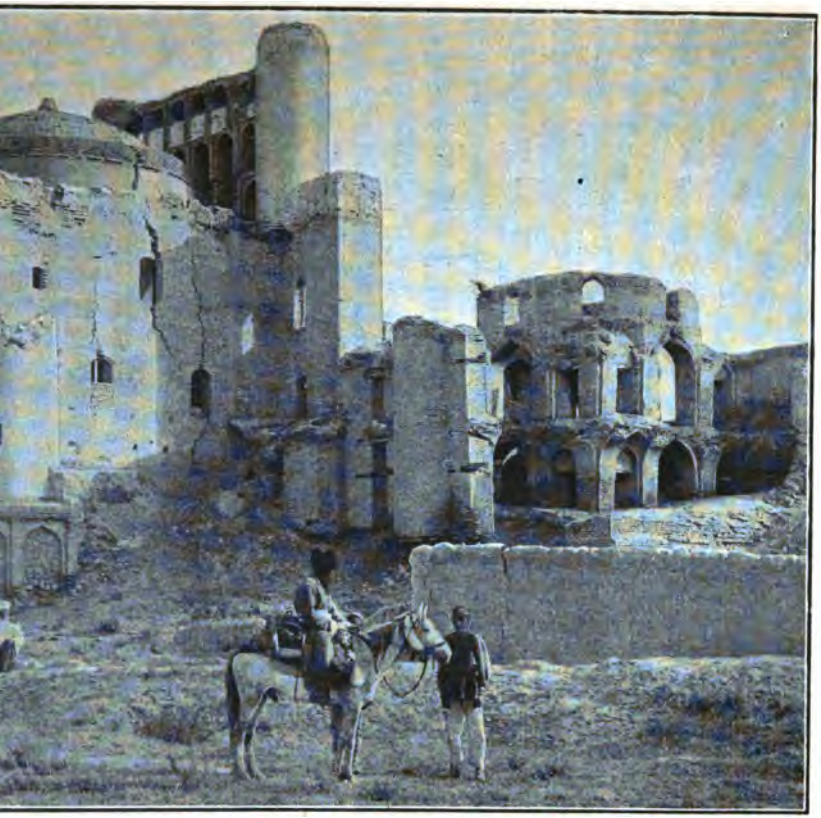
Кратчайшая дорога изъ Асхабада на Буджнуртъ, куда мы стремимся, идетъ на западъ, въ сторону Геокъ-Тепе и затѣмъ проходитъ черезъ пункты Гермабъ и Кулкулабъ. Такъ какъ эта дорога уже достаточно изслѣдована, генералъ избралъ для нашего движенія кружный путь, черезъ Дурунгяръ и Кочанъ, знакомство съ которымъ представляетъ интересъ какъ

Digitized by Google

въ торговомъ, такъ и въ военномъ отношеніи. Мы выступили поэтому на *Аннау*, т. е. въ сторону противоположную отъ Геокъ-Тепе.

На первыхъ 10—12 верстахъ путь не представляетъ ничего интереснаго. Онъ тянется по глинистой равнинѣ, стелющейся у подошвы сѣвернаго склона Копетъ-Дагскаго хребта, и, повернувъ затѣмъ на югъ, вступаетъ въ широкое ущелье *Аннау-дербентъ*. Здѣсь уже обстановка пріятно поражаетъ глазъ, утомленный однообразіемъ безжизненной Ахалъ-Текинской равнины. По ущелью между скалистыми берегами, поросшими гребенщикомъ, извивается бойкая рѣченка; небольшія прогалины по сторонамъ покрыты посѣвами кунжута и какъ-то привѣтливо зеленѣютъ среди обнаженныхъ скатовъ. Вдали, такъ сказать за воротами ущелья, виднѣется подернутая мглою равнина Ахала и на ней, въ неясныхъ очеркахъ, — силуэты безчисленныхъ полевыхъ башенъ Аннау, между которыми надъ большимъ курганомъ высится въ воздухѣ, точно средневѣковый замокъ, перенесенный сюда какимъ-то чудомъ, — мечеть надъ гробницею шейха *Джемалъ-эддина*,—грандіозное сооруженіе съ великолѣпными изразцовыми арабесками на фронтонѣ, и едва-ли не лучшій изъ памятниковъ эпохи процвѣтанія ирано-мусульманской архитектуры. Мечеть эта, какъ гласитъ прекрасно сохранившаяся надпись, построена въ срединѣ XV вѣка по повелѣнію внука великаго Тимура, *Баберъ-шаха*, завоевателя Индіи и основателя имперіи великихъ моголовъ.

Digitized by Google



Боковой видъ мечети въ Аннау.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

Digitized by Google

Проѣхавъ по ущелью нѣсколько верстъ, мы свернули съ дороги и расположились для ночлега на небольшой полянѣ. Здѣсь, въ ожиданіи ужина, все наше общество собралось вокругъ одного изъ бивачныхъ костровъ. Сюда-же любопытство привлекло нѣкоторыхъ изъ текинскихъ сардаровъ и разговоръ немедленно перешелъ на ихъ излюбленное *аламанство*, т. е. на разбойничій режимъ, такъ недавно еше царившій во всемъ краѣ и руководителями котораго были эти самые сардары...

До появленія русскихъ на Ахалѣ, мѣста, куда мы явились теперь почти мирными путешественниками, да и на многія сотни верстъ сѣверо-восточная граница Ирана, отъ береговъ Каспія до Авганскихъ предѣловъ, служили ареной почти ежедневныхъ кровавыхъ столкновеній между туркменами и персами. Все это было такъ недавно, всего два съ половиною года назадъ, слѣдовательно сардарамъ было что разсказать и они говорили безъ умолку... Изъ ихъ словъ слѣдовало, между прочимъ, что, помимо цѣлей грабительскихъ, поводомъ къ столкновеніямъ туркменъ съ персами весьма часто служили пограничныя пастбища и, въ особенности, вода, такъ какъ верховья всѣхъ рѣчекъ, направляющихся на Ахалъ и Атекъ и необходимыхъ для орошенія этихъ равнинъ, лежатъ въ предѣлахъ Хорасана и постоянно отводились персами не только для ирригаціи своихъ полей, но и въ видахъ мести къ туркменамъ. Внезапный наѣздъ со стороны послѣднихъ двухъ-трехъ сотенъ аламановъ, разрушеніе запруды

Digitized by Google

и ограбленіе застигнутыхъ врасплохъ деревень бывало обыкновенно отвѣтомъ на подобныя продѣлки персовъ. Но хорасанцы,—эти потомки пароянъ, заставлявшихъ нѣкогда дрожать римскіе легіоны, — весьма рѣдко играли доблестную роль въ подобныхъ столкновеніяхъ. При видѣ нападающихъ, они бросали оружіе, позволяли связывать себѣ руки, даже связывали своихъ товарищей, хотя не сомнѣвались, знали отлично, что имъ предстоитъ туркменское рабство болѣе тяжкое, чѣмъ смерть. Если же обстоятельства позволяли,— персы прятались въ полевыхъ башняхъ, десятки тысячъ которыхъ возведены именно съ этою цѣлью и, какъ мы видѣли вокругъ Аннау, продолжаютъ еще покрывать весь пограничный районъ Хорасана и Ахала. Они высиживали въ нихъ, пока не пронесется обратно ураганъ грозныхъ всадниковъ и затѣмъ, покидая свои убѣжища, спѣшили въ деревни, чтобы оплакивать свое разореніе, а зачастую, и потерю всѣхъ близкихъ, забранныхъ въ плѣнъ или перебитыхъ...

— Но бывали-же и неудачи? — спросилъ одинъ изъ насъ послѣ нѣсколькихъ разсказовъ объ успѣшныхъ набѣгахъ туркменъ.

— Конечно! — былъ отвѣтъ. — Но очень рѣдко: персы трусливы и, чтобы понести пораженіе отъ нихъ, намъ нужно было нарваться на слишкомъ большое превосходство силъ... Вотъ, *Акъ-Мурадъ-сардаръ* былъ героемъ одного изъ такихъ случаевъ, — насмѣшливо прибавилъ говорившій,—онъ лучше насъ разскажетъ о гостепріимствѣ персовъ...

Digitized by Google

ицевой щитъ мечети въ Аннау.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R C

Digitized by Google

— Ну, Акъ-Мурадъ, какъ васъ угостили?

— Въ этотъ разъ недурно... Да перебьетъ ихъ Создатель!—началъ онъ, добродушно посмѣиваясь,— Мы предприняли набѣгъ въ сторону Келатъ-и-Надира. Я былъ тогда молодымъ еще сардаромъ. Передъ разсвѣтомъ мы приблизились къ одной заранѣе намѣченной калѣ, какъ говорили, зажиточныхъ персовъ, и на которую рѣшено было напасть. Оставивъ лошадей въ полѣ, мы въ числѣ около 80 аламановъ потянулись, затаивъ дыханіе, къ толстой глиняной оградѣ этой калы. Казалось, все спитъ кругомъ. Мы подползли къ стѣнѣ и нѣкоторые уже полѣзли на нее, подсаживая другъ друга. Я былъ увѣренъ, что черезъ нѣсколько мгновеній кала огласится нашими криками, съ которыми, по обыкновенію, немедленно сольются страшные вопли ея обитателей, и уже видѣлъ себя скручивающимъ руки растерянному персу, застающимъ въ теплой постели его женъ и дочерей, какъ вдругъ... передъ глазами сверкнули огоньки, затрещали выстрѣлы и, съ раздробленнымъ бедромъ, я полетѣлъ со стѣны... Мы были осыпаны градомъ пуль. Многіе изъ аламановъ пали на мѣстѣ, а уцѣлѣвшіе кинулись было къ лошадямъ, но тутъ ихъ встрѣтилъ новый залпъ. Перебитые или перераненые наши люди очутились въ темнотѣ между сотнею перепуганныхъ и сорвавшихся коней и заварилась страшная каша... Человѣкъ 20 изъ нихъ пробило себѣ дорогу и разбѣжалось, а все остальное погибло или осталось въ рукахъ персовъ. Въ числѣ

Digitized by Google

послѣднихъ былъ и я... Оказалось, что мы попали въ ловушку. Отъ людей, служившихъ обѣимъ сторонамъ, какихъ у насъ было не мало въ тѣ дни, персы провѣдали о намѣреніи нашей партіи и ожидали насъ, устроивъ засады, въ которыхъ участвовали многіе курды и почти весь гарнизонъ Келата...

— Три года я провелъ въ плѣну у персовъ,— продолжалъ разсказчикъ послѣ нѣкоторой паузы,— и все это время, въ лѣтній жаръ и въ зимній холодъ, меня держали на цѣпи, днемъ—на дворѣ рядомъ съ собакою, а ночью — въ грязной подземной ямѣ, гдѣ я, страшно разслабленный отъ плохой пищи, въ добавокъ еще задыхался отъ нестерпимаго зловонія... Бывали, словомъ, дни, когда смерть я встрѣтилъ-бы какъ особую милость неба. Но не суждено было умереть. Я дождался выкупа и едва не разорился, такъ какъ мой благодѣтель, близкій родственникъ, согласился выкупить меня съ тѣмъ, что я выплачу ему 120 тумановъ*), и тогда вымѣнялъ меня на плѣннаго перса, купленнаго въ Мервѣ всего за 20 тумановъ...

— Почему-же такъ много взяли съ тебя?

— Мы, текинцы, говорится у насъ, происходимъ отъ *теке* (дикій козелъ), который былъ отродьемъ собаки. Правда-ли это—не знаю, но нравъ у нашего народа дѣйствительно собачій. Изъ-за каждаго крана у насъ, даже братья родные, грызутся какъ голодные

*) Мервскій туманъ—40 крановъ или 11 р. 20 к.

Digitized by Google

псы надъ костью, и только рѣдкій въ нашей странѣ задумается пожертвовать дружбой или родствомъ, когда можно что-либо сорвать хотя бы и съ отца родного. Будучи не больше какъ однимъ изъ такихъ собакъ, мой родственникъ не упустилъ, конечно, случая положить въ карманъ лишнихъ сто тумановъ; а мнѣ, чтобы получить свободу, ничего не оставалось какъ только согласиться на его, хотя и тяжкія, условія, тѣмъ болѣе, что на плѣнникахъ у насъ всѣ барышничали какъ и на всякой скотинѣ: иной персъ разъ двадцать продавался изъ рукъ въ руки, прежде чѣмъ попадалъ на родину... Но ничего!—воскликнулъ въ заключеніе Акъ-Мурадъ,—вернувшись изъ плѣна, я занялся аламанствомъ пуще прежняго и долгъ свой заплатилъ персидскими же деньгами, добытыми въ новыхъ набѣгахъ на хорасанскія деревни...

Много еще разсказывали туркмены изъ быта аламановъ... Но уже поздно и приходится сложить перо, въ виду предстоящаго ранняго выступленія.

Digitized by Google

II.

29-10 іюня.

Вступленіе въ Персію.—Кельтичинаръ.—Сендъ-Али-ханъ.—Дурунгярскіе курды.

Съ ночлега мы выступили на разсвѣтѣ и ровно три часа ѣхали до границы Персіи. Путь, уже не позволяющій колеснаго движенія, снова потянулся по ущелью и по берегу рѣчки, поднимаясь все выше и выше. Камыши, перемѣшанные съ гребенщикомъ, составляли въ началѣ единственную растительность береговъ, надъ которыми возвышались въ нѣкоторомъ отдаленіи обнаженные скаты ущелья; но вскорѣ ихъ смѣнили лиственныя деревья — фисташковое и караагачъ. По мѣрѣ удаленія отъ *Маниша,* гдѣ распо-

Digitized by Google

ложенъ послѣдній нашъ казачій постъ, деревья становились выше, скаты—круче; горы приняли наконецъ характеръ отвѣсныхъ скалъ, сдвинулись тѣснѣе и образовали узкій проходъ съ богатою растительностью, перевитою дикимъ виноградникомъ, и прозрачная рѣчка побѣжала по ложу, усыпанному мелкимъ щебнемъ. Вся обстановка, словомъ, приняла совершенно горный характеръ... Недалеко отъ границы дорога превратилась въ узкую тропу и потянулась подъ роскошнымъ сводомъ густой зелени, едва позволявшей движеніе даже и одному. Свѣжій утренній воздухъ и тѣнь, падавшая отъ громадныхъ скалъ, заставляли забыть близость непривѣтливаго и жгучаго Ахала, и, вмѣстѣ со всею обстановкой, невольно переносили воображеніе къ самымъ живописнымъ уголкамъ Кавказа.

Но вотъ неожиданно разступились утесы и передъ нами сталъ на противоположномъ берегу рѣчки высокій холмъ, на вершинѣ котораго красовались развалины бывшаго здѣсь пограничнаго персидскаго укрѣпленія *Шамхалчи* *). Здѣсь оканчиваются новыя наши владѣнія въ Средней Азіи и начинается Персія, именно—Дарайгезскій округъ, Хорасанской провинціи.

Послѣ небольшого привала и легкаго завтрака на границѣ, мы довольно торжественно вступили на

---

*) *Шамхалчи*—названіе арабскаго племени, переселеннаго въ Персію въ началѣ прошлаго столѣтія изъ окрестностей Багдада. Арабы эти были водворены въ пограничныхъ пунктахъ Хорасана съ цѣлью составленія наблюдательнаго кордона, и всѣ ихъ укрѣпленія носятъ названіе племени.

Digitized by Google

территорію «шахинъ-шаха», т. е. царя-царей. Открывали шествіе почетные текинцы въ цвѣтныхъ бархатныхъ халатахъ и туркмены—милиціонеры съ своимъ значкомъ. За ними въ нѣкоторомъ отдаленіи ѣхалъ генералъ со свитой, въ которой развѣвался его бѣлый значекъ. Далѣе тянулась сотня казаковъ, также со значкомъ и съ трубачами во главѣ. Въ хвостѣ колонны шелъ вьючный обозъ.

Вслѣдъ за пограничнымъ столбомъ развернулось передъ нами роскошное *Кельтичинарское* *) ущелье со своими многочисленными садами. Пріютившіяся на нѣсколькихъ холмахъ деревни, точно старинные замки, эффектно выступали изъ зелени своими башнями и зубчатыми стѣнами. Но это была только иллюзія, и замки по мѣрѣ нашего приближенія быстро превращались въ грязныя, глинобитныя сакли, предназначенныя... трудно сказать, для людей или коровъ съ телятами, такъ какъ тѣ и другіе живутъ въ нихъ вмѣстѣ, какъ равноправные хозяева.

Преданія кельтичинарцевъ очень живо характеризуютъ недавнія еще условія существованія на Ахалѣ. Населеніе ущелья—бывшіе аборигены Ахала и выселились сюда изъ Аннау. Они тюркскаго происхожденія и очень мало имѣютъ общаго какъ съ туркменами, такъ и съ персами. Живя въ Ахалѣ, они около полустолѣтія ладили со своими новыми сосѣдями-текинцами, пришедшими сюда съ Балханскихъ горъ, и только въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, по про-

*) Въ переводѣ съ тюркскаго – «высокіе чинары».

Digitized by Google

искамъ хорасанскихъ хановъ, пожелали переселиться въ Персію. Это вызвало вражду къ нимъ текинцевъ. Послѣдніе, собравшись въ числѣ около тысячи кибитокъ изъ разныхъ ауловъ Ахала, построили *калу* у подошвы горъ передъ Аннау и лишили этотъ пунктъ воды и сообщенія съ Персіею. Возникшая такимъ образомъ вражда длилась, съ ежедневными кровопролитіями, около двухъ лѣтъ и привела аннауцевъ на край гибели: поля ихъ запустѣли; роскошные сады, покрывавшіе около 20-ти квадратныхъ верстъ, были вырублены; цѣна на пшеничную муку поднялась до 16-ти рублей за пудъ и начался страшный голодъ со своими обычными послѣдствіями. Набѣги хорасанской конницы, съ цѣлью помочь осажденному и погибающему населенію Аннау, приводили нѣсколько разъ только къ пораженію самихъ персовъ. Наконецъ, въ силу особаго повелѣнія шаха, правители Кочана, Буджнурта и Дарайгеза одновременно явились съ войсками къ границѣ Ахала и путемъ переговоровъ склонили текинцевъ пропустить жителей Аннау въ Персію. Такимъ образомъ, коренные жители этого пункта разселились по разнымъ уголкамъ Дарайгеза и около 300 семействъ изъ нихъ раскинулись мелкими аулами по холмамъ Кельтичинарскаго ущелья. Это было въ 1861 году.

Около перваго изъ этихъ ауловъ мы были встрѣчены населеніемъ ущелья и его старшинами. Послѣдніе, послѣ обычнаго привѣтствія, обратились къ генералу съ просьбою о возвращеніи имъ той части

Digitized by Google

Аннау-дербентскаго ущелья, выше Маниша, которою они владѣли до паденія Геокъ-Тепе.

Генералъ отвѣтилъ, что было бы несправедливо входить въ разборъ ихъ правъ на эти земли, при отсутствіи другой претендующей стороны — текинцевъ, и предложилъ обратиться къ особой комиссіи, которая соберется здѣсь осенью нынѣшняго года для рѣшенія всѣхъ пограничныхъ вопросовъ и будетъ состоять изъ представителей Россіи и Персіи.

Старшины удовлетворились отвѣтомъ, и мы тронулись далѣе.

Узкой извилистой лентой потянулись по ущелью сады и посѣвы кельтичинарцевъ. Бойкая рѣченка бурлитъ между ними, врывшись въ землю и густо окутавшись камышами. Надъ ущельемъ встаютъ справа обнаженныя горы, слѣва—отвѣсныя скалы... За послѣдними садами начался восьмиверстный подъемъ по узкой каменистой тропкѣ, настолько неудобной для движенія, что наша маленькая колонна растянулась здѣсь на добрую версту, если не болѣе. Въ этой обстановкѣ мы шли около двухъ часовъ, дотянулись наконецъ до вершины перевала *Геокъ-Гедикъ*, лежащаго на высотѣ около 4 т. футовъ, и остановились почти невольно: съ вершины сразу открылась очаровательная *Дурунiярская* долина, и единодушный восторгъ охватилъ всѣхъ нашихъ спутниковъ.

— Эхъ, да и гарная сторонка,—послышалось между казаками, большинство которыхъ потомки запорожцевъ,—вотъ гдѣ бы нашей сотнѣ стоять!...

Digitized by Google

— Вотъ куда бы налетѣть съ десятками аламановъ! — хватилъ по-своему одинъ изъ текинскихъ сардаровъ.

Недалеко отъ меня остановился старый дагестанецъ, ѣхавшій со значкомъ генерала. Точно пораженный неожиданностью, онъ мѣрно покачивалъ своей головою съ широко раскрытыми глазами.

— А что, какова страна?! — обратился я къ нему по-лезгински.

— Клянусь, — былъ отвѣтъ, — это должно быть тотъ уголокъ, который Аллахъ при дѣлежѣ земли оставилъ лично для себя...

Да и въ самомъ дѣлѣ, было чѣмъ восхищаться. На днѣ глубокой и обширной котловины, образуемой крутыми склонами горъ, какъ одинъ сплошной зеленый коверъ съ разводами всевозможныхъ оттѣнковъ, лежала поразительно гладкая равнина, покрытая садами и нивами, облитая яркими лучами солнца. Ее прорѣзывала, сверкая и извиваясь между многочисленными фруктовыми и виноградными садами, широкая рѣчка, выбѣгающая тутъ-же изъ трещины одного изъ утесовъ. Наконецъ глиняныя постройки съ башнями, разбросанныя по долинѣ, едва высматривали своими зубцами въ рѣдкія прорѣхи между волнами густой зелени... Эта богатая и плодородная долина занимаетъ площадь въ нѣсколько квадратныхъ верстъ и населена курдами, оперсіянившимися въ такой степени, что, кромѣ языка, ничего не имѣютъ общаго съ коренными обитателями Курдистана. Ихъ здѣсь около 300 семействъ.

Digitized by Google

На Геокъ-Гедикѣ мы имѣли небольшой привалъ во время котораго со стороны Дурунгяра подъѣхалъ русскій агентъ въ Дарайгезѣ и съ нимъ Сеидъ-Али-ханъ, братъ дарайгезскаго правителя, въ сопровожденіи живописной толпы мѣстныхъ всадниковъ.

Сеидъ-Али-ханъ—старый знакомый всего Асхабада. Это весьма разумный молодой человѣкъ, хорошо знакомый съ персидскою литературою, а нѣсколько даже и съ русскимъ языкомъ. Онъ управлялъ Лютфъ-абадомъ, когда вслѣдъ за геокъ-тепинскимъ погромомъ его занялъ Скобелевъ. Обвиненный персидскими властями въ особенныхъ любезностяхъ, оказанныхъ въ это время русскимъ войскамъ, Сеидъ-Али-ханъ спасъ свою голову только бѣгствомъ въ Асхабадъ, гдѣ прожилъ цѣлый годъ, прежде чѣмъ разъяснилось дѣло и послѣдовало помилованіе шаха. Ранѣе, въ 1878 году, онъ ѣздилъ въ Мервъ съ дипломатическимъ порученіемъ склонить его необузданное населеніе къ принятію персидскаго подданства. Хотя миссія эта и потерпѣла полное фіаско, Сеидъ-Али-хану пожаловали, однако, орденъ и званіе серхенга или полковника. Теперь онъ пріѣхалъ, чтобы встрѣтить генерала вмѣсто своего брата, правителя Дарайгеза, выѣхавшаго на встрѣчу шаха, что и выразилъ въ нѣсколькихъ напыщенныхъ фразахъ, съ которыми обратился къ генералу *).

---

*) Вскорѣ послѣ возвращенія изъ Персіи мы узнали, что этотъ самый Сеидъ-Али-ханъ получилъ 200 палочныхъ ударовъ и скованный цѣпями брошенъ въ яму за... одну исторію. хотя и слишкомъ обыкновенную въ Персіи, но, благодаря маленькой случайности, сдѣлавшейся достояніемъ цѣлаго базара..

Digitized by Google

— По повелѣнію Государя Императора,— былъ отвѣтъ хану,—я ѣду привѣтствовать его величество шаха. Вамъ, конечно, извѣстны дружескія отношенія, издавна существующія между нашими повелителями. «Чувствами царей проникаются и сердца ихъ подданныхъ», говоритъ ваша персидская поговорка, и это вѣрно. Проникнутый ими и увѣренный, что дружескія отношенія послужатъ на пользу обѣимъ сторонамъ, я употреблю все, отъ меня зависящее, для установленія такой пріязни между населеніями Ахала и Дарайгеза, представителемъ котораго вы сюда явились. Передайте это при случаѣ вашему брату, правителю... Я не мастеръ говорить,—продолжалъ генералъ,—и потому прибѣгаю къ вашему гимну, чтобы болѣе понятно выразить тѣ чувства, съ которыми мы вступаемъ во владѣніе его величества шаха.

Раздались звуки персидскаго гимна, и въ заключеніе три оглушительныхъ «ура» громовыми раскатами пронеслись по ущелью и черезъ нѣсколько мгновеній отразились вдали на груди молчаливыхъ утесовъ...

У подошвы Геокъ-Гедика насъ встрѣтило населеніе Дурунгярской долины. Обступивъ насъ сплошной толпой, курды наперерывъ другъ передъ другомъ подносили намъ воду со льдомъ и разные плоды, получая, конечно, за все это щедрое вознагражденіе... При дальнѣйшемъ слѣдованіи вся эта толпа повалила за нами, разсыпавшись по сторонамъ дороги, и вмѣстѣ со всадниками Сеидъ-Али-хана, гарцовавшими

Digitized by Google

впереди, какъ-бы дополняла характерную картину нашего шествія...

Для ночлега мы остановились на краю посѣвовъ. Пока люди возились съ вьюками, ханъ пригласилъ насъ въ куртинскій шатеръ, въ которомъ часа два угощалъ шербетомъ и разными сладостями. На берегу рѣчки уже выросъ за это время чистенькій лагерь нашего отряда, началось поголовное купанье, а вскорѣ раздались и русскія пѣсни. Группы смуглыхъ курдовъ перемѣшались съ казаками и до поздняго вечера сновали по лагерю, съ чисто дѣтскимъ любопытствомъ осматривая все русское, начиная съ берданки и кончая чуть не конской торбой. Достаточно было заговорить съ любымъ изъ нихъ, чтобы наслушаться въ три короба о персидскихъ властяхъ и порядкахъ, и долго скрываемая безсильная злоба неудержимо лилась въ этихъ разсказахъ...

— Земля у васъ плодородная?—спрашиваютъ, между прочимъ, одного изъ курдовъ.

— Очень,—былъ отвѣтъ.—Да что въ плодородіи, когда все равно не стоитъ работать!... Три четверти урожая, да и вообще всего нажитаго, такъ или иначе, перейдутъ въ карманы хановъ... У васъ, мы знаемъ, не то и т. д.

Господствующіе иранцы, конечно, знаютъ объ озлобленіи курдовъ и отвѣчаютъ имъ полною ненавистью, считая ихъ не выше вьючныхъ животныхъ. На холмѣ противъ нашего расположенія бѣлѣла небольшая постройка, увѣнчанная куполомъ,

Digitized by Google

какъ оказалось, гробница какого-то святого Джанъ-Азиса.

— Изъ какого племени былъ этотъ святой,— спросилъ я,—не курдъ-ли?

— Нѣтъ. «*Изъ золы не бываетъ горы*»,—отвѣтилъ мѣстной поговоркой одинъ изъ персовъ,—«*не бываетъ изъ дерева печки, и святого изъ племени курдовъ*»...

Вечеръ въ Дурунгярѣ закончился ужиномъ, на которомъ, благодаря присутствію Сеидъ-Али-хана, добрые два часа пролетѣли за тостами и любезностями отмѣнно персидскаго свойства.

Digitized by Google

III.

1-10 іюля.

Даванъ-дара и Баба-дагъ. — Чибинли. — Письма принца и «стрѣлы государства».—Шахбасъ и Молла-Мамедъ.—Отвѣтъ принцу.

Переходъ изъ Дурунгяра былъ выходящимъ изъ ряда по своей грандіозной обстановкѣ. На разсвѣтѣ мы снялись съ лагеря, а въ шестомъ часу уже тронулись въ путь, при утреннемъ холодѣ, пронизывавшемъ насквозь, несмотря на время года. Переходъ предстоялъ безводный. На краю долины люди запаслись водой и мы вступили затѣмъ въ дикое каменистое ущелье *Даванъ-дара,* образуемое громаднымъ массивомъ Аллахъ-акбарскаго хребта съ одной стороны

Digitized by Google

и обрывистыми, совершенно обнаженными горами—съ другой. До входа въ это ущелье насъ провожалъ съ своими всадниками Сеидъ-Али-ханъ, получившій передъ выступленіемъ въ подарокъ отъ генерала изящный серебряный сервизъ.

Ущелье, открытое въ началѣ, вскорѣ приняло характеръ извилистой тѣснины между чудовищными утесами; казалось, они подпираютъ самое небо *). Кустарникъ и лиственныя деревья, красовавшіеся рѣдкими группами на уступахъ этихъ сѣрыхъ громадъ, постепенно замѣнялись представителями хвойнаго лѣса: то свѣсившись надъ грудой утеса, то выскочивъ изъ его трещины, то, наконецъ, разсыпавшись по крутымъ склонамъ, они запестрили вскорѣ всю тѣснину. Пейзажи, одинъ эффектнѣе, очаровательнѣе другого, мѣнялись передъ нами какъ въ калейдоскопѣ, съ каждымъ поворотомъ тропки, съ каждымъ новымъ шагомъ. Казалось, никогда не наскучатъ эти виды... Но по мѣрѣ того, какъ мы углублялись въ тѣснину, утренняя прохлада постепенно смѣнилась лѣтнимъ зноемъ, все болѣе чувствовался солнечный жаръ и удушливое дыханіе накалившихся скалъ, а вмѣстѣ съ ними быстро испарялась и наша отзывчивость къ

*) Ущелье это замѣчательно и въ томъ отношеніи, что конфигураціи его сторонъ поразительно дополняютъ другъ друга или, другими словами, всѣ отступленія отъ вертикальной плоскости одного изъ боковъ въ такой степени соотвѣтствуютъ выступамъ другого, что, кажется, достаточно ихъ сдвинуть на встрѣчу, чтобы они сошлись безъ промежутковъ. Очевидно, что ущелье это возникло отъ разлома почвы, а не вслѣдствіе медленнаго подмытія, тѣмъ болѣе, что Даванъ-дара безводна на всемъ своемъ протяженіи.

Digitized by Google

окружающимъ красотамъ... Растянувшись на нѣсколько верстъ и извиваясь между обломками скалъ, мы уже двигались въ этой обстановкѣ болѣе трехъ часовъ, когда съ послѣднимъ поворотомъ дороги тѣснина окончилась сразу, точно недорытый каналъ, и передъ нами сразу всталъ величественный конусъ *Баба-дага*. Гора эта имѣетъ около 7-ми тыс. футовъ надъ уровнемъ моря и замыкаетъ съ юга только-что пройденное ущелье.

Послѣ небольшого привала у подножія Баба-дага мы потянулись къ его вершинѣ. По крутымъ зигзагамъ каменистой тропки подъемъ тянулся болѣе двухъ верстъ и заставилъ нашихъ казаковъ вспомнить, давно забытое въ степяхъ, кавказское обыкновеніе,—подниматься на крутыя горы, уцѣпившись руками за хвостъ лошади... Однако, впечатлѣнія труднаго подъема быстро изгладились и смѣнились невольнымъ восторгомъ, когда, добравшись до вершины, мы почувствовали легкій вѣтеръ и вдохнули свѣжій горный воздухъ. Послѣ удушливой неподвижной атмосферы ущелья, это было тѣмъ упоительнѣе, что чудному воздуху вполнѣ гармонировала и открывшаяся передъ нами картина. Направо и налѣво на всемъ пространствѣ, доступномъ глазу, волновалась, какъ одна сплошная нива, душистая трава, покрывшая вершину и южный склонъ Баба-дага, а впереди какъ-то покойно и привѣтливо лежала обширная впадина, точно устланная на нѣсколько верстъ то зелеными, то желтѣющими коврами посѣвовъ. На противоположномъ скатѣ, какъ сѣрое пятно

Digitized by Google

выдѣлялась изъ общаго фона обнесенная оградой деревушка курдовъ *Чибинли*. Это былъ первый заселенный пунктъ, встрѣченный нами въ Кочанскомъ ханствѣ на протяженіи почти 40 верстъ.

Стянувшись къ Чибинли около 2-хъ часовъ пополудни, мы застали тамъ только-что пріѣхавшаго изъ Кочана агента нашего г. Таирова, который вручилъ генералу письма буджнуртскаго хана и принца Мамедъ-Таги-Мирза, занимающаго постъ хорасанскаго намѣстника. Первый изъ нихъ въ весьма вычурныхъ выраженіяхъ излагалъ по персидски свои чувства, вызванныя недавнимъ пріѣздомъ генерала на Ахалъ и предстоящимъ съ нимъ свиданіемъ въ Персіи. Письмо это было подписано: «Яръ-Магомедъ-ханъ, Сагамуддовле (стрѣла государства), эльхани племени Шадинлу, правитель Буджнурта, Гюргяна, Джаджерма и т. д.».

«Изъ донесенія правителя кочанскаго ханства Шуджа-и-довле (отвага государства),—писалъ принцъ, я узналъ, что ваше превосходительство имѣете прибыть въ Хорасанъ для привѣтствованія его величества царя-царей. По этому извѣстію, доставившему мнѣ большое удовольствіе, я приказалъ правителямъ пограничныхъ округовъ встрѣчать и принимать васъ съ подобающими почестями. Вмѣстѣ съ тѣмъ считаю необходимымъ извѣстить васъ, что Кочанъ я считаю пунктомъ наиболѣе удобнымъ для вашего представленія его величеству. Болѣе не утруждаю». Приложена печать съ надписью «*Рукнудъ-довле*», т. е. *опора*,

Digitized by Google

вѣрнѣе, *краеугольный камень государства*,—титулъ принца, пожалованный шахомъ *).

Отъ его высочества было и второе посланіе такого содержанія:

«Два дня тому назадъ я рекомендовалъ вашему превосходительству представиться шахинъ-шаху въ Кочанѣ. Теперь утруждаю васъ извѣстіемъ, что его величество изволилъ утвердить выборъ этого пункта, и въ немъ будетъ ожидаться ваше представленіе. Пріѣхать въ Кочанъ вамъ будетъ несравненно удобнѣе черезъ Гермабъ и Кулкулабъ, а не черезъ Дарайгезъ, и первый изъ этихъ путей я рекомендую тѣмъ болѣе, что власти Дарайгеза заняты въ настоящее время инымъ дѣломъ и не ожидаютъ вашего пріѣзда. Дастъ Богъ, вы не пожалѣете о принятіи во вниманіе моего объясненія. Болѣе не утруждаю».

Объясненіе, конечно, было принято *во вниманіе*, но и только: мы уже приблизились къ Кочану по дарайгезской дорогѣ, слѣдовательно цѣль принца, *въ чемъ-бы она не заключалась*, уже не могла быть достигнута. Оставалось согласиться пока на представленіе въ Кочанѣ, въ надеждѣ, конечно, что персы не будутъ особенно настаивать на этомъ въ виду такого аргумента: въ Кочанѣ шахъ будетъ *тремя недѣлями позже, чѣмъ въ Буджнурдѣ*, куда изъ перваго пункта можно

*) Всѣ сановники Персіи получаютъ, помимо другихъ наградъ, личные титулы по усмотрѣнію шаха въ родѣ *стрѣлы*, *меча*, *отвли*, *надежды государства* и т. п., и въ общежитіи эти прозвища почти устраняютъ употребленіе собственныхъ именъ.

Digitized by Google

проѣхать въ два дня. Все это время мы принуждены будемъ сидѣть сложа руки, что было-бы тѣмъ болѣе не удобно, что генералъ уже вызванъ въ Петербургъ, и долженъ ѣхать туда вслѣдъ за окончаніемъ его миссіи въ Персіи...

Населеніе убогой деревушки Чибинли снабжается водою изъ единственнаго своего, да къ тому-же маловоднаго, колодца. Чтобы обезпечить себя водою, намъ пришлось, несмотря на общую усталость лошадей, передвинуться къ слѣдующей деревнѣ *Шахбасъ*, отдѣленной отъ Чибинли небольшимъ переваломъ.

Шахбасъ-Кала, деревушка, столь-же безотрадная, какъ Чибинли, лежитъ въ оврагѣ, на берегу рѣчки *Инча*. Населеніе ея состоитъ изъ 20-ти семействъ разоренныхъ курдовъ. Они разсказывали, между прочимъ, что за нѣсколько дней до паденія Геокъ-Тепе текинцы напали на нихъ послѣдній разъ и увели изъ калы всѣхъ дѣвушекъ, которыя находятся въ плѣну и до сего времени. Подобно персамъ, курды этой деревни почти поголовно принадлежатъ къ опіофагамъ и имѣютъ по этому крайне болѣзненный, истощенный видъ. Женщины,—въ невозможныхъ лохмотьяхъ, украшены тяжелыми бронзовыми браслетами, страшно грязны и покрыты вмѣстѣ съ дѣтьми разными коростами. Они до того дики, что приходили въ ужасъ при видѣ механизма карманныхъ часовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ обращались къ нашему врачу за средствомъ отъ безплодія.

Digitized by Google

— Самое вѣрное средство, — отвѣчалъ докторъ, — до полусмерти избить мужа, каждый разъ когда у него явится пагубное поползновеніе курить или глотать *опіумъ*...

Переночевавъ около Шахбаса, на слѣдующій день мы сдѣлали верстъ 12 и черезъ деревню Шахъ-Мамедъ прибыли *въ Молла-Мамедъ-келята*, гдѣ расположились лагеремъ въ нѣсколькихъ садахъ.

Сегодня имѣемъ здѣсь дневку. Воздухъ превосходный, вода также; въ колоннѣ нѣтъ ни одного больного. Крайне бѣдное населеніе состоитъ изъ тѣхъ-же курдовъ и помѣщается въ мрачныхъ, тѣсно скученныхъ глиняныхъ сакляхъ, которыхъ наберется, быть можетъ, до 30. Здѣсь также охотно распространялись о ханскихъ поборахъ.

— Можешь судить объ остальныхъ, — разсказывалъ мнѣ одинъ изъ курдовъ, — у насъ есть бѣдная старушка, имѣющая только одну корову, крошечный садикъ и небольшое поле. Несмотря на то, что овдовѣла 26 лѣтъ тому назадъ, она выплачиваетъ хану до 200 крановъ *) ежегодно!...

Подобные случаи передавались нерѣдко со слезами на глазахъ и сопровождались весьма прозрачнымъ намекомъ, или еще чаще прямымъ увѣреніемъ въ томъ, что всѣ живутъ здѣсь только въ ожиданіи избавленія, и именно *съ той стороны*... откуда еще

*) Кранъ — 28 копѣекъ.

Digitized by Google

недавно былъ положенъ предѣлъ кровавымъ туркменскимъ набѣгамъ...

— Вотъ васъ здѣсь болѣе 200 чужихъ людей,— разсказывалъ тотъ-же старый курдъ,—и никто не взялъ даже щепки безплатно. Но достаточно хоть на полчаса появиться здѣсь нѣсколькимъ сарбазамъ, чтобы была обобрана вся деревня, чтобы поднялись плачъ и вой отъ разныхъ насилій и безобразій. Сколько разъ на своемъ вѣку я былъ свидѣтелемъ сарбазскаго произвола!... Разъ,—это было лѣтъ 15 тому назадъ,—сарбазы, которыхъ я принялъ и угостилъ какъ родныхъ, отплатили мнѣ тѣмъ, что, уходя, повели со двора мою-же ослицу съ осленкомъ. За воротами я догналъ сарбазовъ и началъ укорять ихъ. Они подняли меня насмѣхъ.

— Спасибо за угощеніе, но будь-же справедливъ старикъ,—возразилъ одинъ,—ты видишь, что намъ не на чемъ везти наши хурджины (сумки).

— Если вѣруете въ пророка, оставьте мнѣ хоть осленка!—воскликнулъ я, теряя самообладаніе.

Сарбазы разразились хохотомъ.

— Мы добрѣе тебя старикъ,—глумился старшій изъ нихъ:—вѣдь осленокъ погибнетъ безъ матери.— Кровь бросилась въ голову и я огрѣлъ насмѣшника валявшимся на землѣ полѣномъ. На меня бросилось человѣкъ восемь, я упалъ, и что было далѣе—не знаю... Когда я очнулся, не было и осла моего, да и сарбазы, вѣроятно, были не ближе трехъ переходовъ... Жаловаться ханамъ?! Это было бы все равно, что взывать

Digitized by Google

о милосердіи къ грозовымъ тучамъ на небесахъ!— воскликнулъ старикъ и безнадежно махнулъ рукой...

До принятіи ислама у курдовъ существовалъ особый *культъ поклоненія дьяволу*, религія такъ называемыхъ *езидовъ*, сохранившаяся и до настоящаго времени въ Арменіи, въ горахъ около Арарата. Тѣмъ сильнѣе они борются теперь съ бывшимъ своимъ кумиромъ. Нѣтъ обстоятельства въ жизни персидскаго курда, которое не сопровождалось бы тѣмъ или другимъ суевѣрнымъ обычаемъ, направленнымъ противъ нечистой силы. Существуетъ цѣлый рядъ безсмысленныхъ обрядовъ для удаленія злого духа при свадьбахъ и рожденіяхъ, при засѣваніи полей, передъ выступленіемъ въ дорогу и т. д. Между прочимъ передъ каждой деревней насъ обыкновенно встрѣчали одинъ или нѣсколько курдовъ, держа въ рукахъ мѣдное блюдо съ горячими углями, на которыхъ дымился пучекъ какой-то травы. На вопросъ объ этомъ, курды отвѣчали такъ:

— При проѣздѣ важнаго лица, у насъ принято выкуривать этой травой несчастія, разостланныя на его пути нечистыми силами *).

За такую заботливость очиститель дороги, конечно, вознаграждался нѣсколькими кранами. Надежда получить эти-же краны привлекаетъ къ намъ цѣлую толпу людей, которые подносятъ то лепешки, то кусокъ сыру или чашку молока.

*) Впрочемъ, нѣкоторые полагаютъ, что этотъ обычай не больше, какъ остатокъ древне-персидскаго огнепоклонства.

Digitized by Google

Изъ *Молла-Мамеда* генералъ послалъ съ нашимъ агентомъ отвѣтъ на письма хорасанскаго намѣстника.

«Ваше высочество!—писалъ онъ.—Вчера, въ Чибинли я имѣлъ честь получить ваши письма. Подчиняясь волѣ его величества шаха, я готовъ ожидать его въ Кочанѣ. Весьма сожалѣю при этомъ, что не могу точно также исполнить и желаніе вашего высочества относительно пути моего слѣдованія: я уже проѣхалъ въ Кочанскій округъ черезъ Дарайгезъ до полученія вашихъ писемъ. Яхья-бекъ Таировъ, агентъ нашъ, будетъ имѣть счастіе выразить вамъ мой привѣтъ и доложить подробнѣе объ обстоятельствахъ моего проѣзда.

Пользуясь этимъ случаемъ для того, чтобы выразить вашему высочеству мою глубокую преданность, имѣю честь быть, моего Августѣйшаго Повелителя, Государя Императора генералъ-лейтенантъ А. Комаровъ».

Digitized by Google

IV.

2-10 іюля.

Движеніе на Кочанъ.—Встрѣча.—Каграманъ-ханъ и его всадники.—Блюстители порядка.—Пріѣздъ и угощеніе.— Торжественный въѣздъ принца.—Визитъ кочанскаго хана и персидскій почетный караулъ.

Сказочный міръ, обѣщанный намъ разсказами нашего агента, все еще впереди. Тѣмъ не менѣе послѣдній день развернулъ передъ нами цѣлую серію болѣе или менѣе своеобразныхъ картинъ, характеризующихъ современную Персію.

До Кочана оставалось верстъ 20. Выступивъ по обыкновенію рано утромъ, мы потянулись по перво-

Digitized by Google

бытной каменистой дорогѣ, извивающейся между обнаженными холмами до самой долины верхняго Атрека. На половинѣ пути мы завидѣли передъ собою пеструю толпу болѣе чѣмъ ста всадниковъ, торопливо выстраивавшихся на краю дороги. Въ то-же время нѣсколько конныхъ помчались къ намъ на встрѣчу съ двумя богато убранными заводными конями. Впереди ихъ несся типичный бородатый персъ, имѣя въ правой рукѣ серебряную булаву на подобіе палки тамбуръ-мажора, какъ намъ сказали, *ясаулъ-баши* или начальникъ конной стражи кочанскаго хана. Круто осадивъ своего прекраснаго коня, онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ передъ генераломъ.

— *Шуджа-и-довле* (отвага государства),—произнесъ онъ,—прислалъ этихъ коней въ распоряженіе *сардара*, своего высокаго гостя.

Это было выполненіе древняго персидскаго этикета. На встрѣчу высокопоставленныхъ лицъ, ѣдущихъ изъ-далека, въ старину высылали на всемъ Востокѣ свѣжихъ заводныхъ коней или *гедекъ-аты*, чтобы облегчить дальнѣйшее слѣдованіе этихъ вельможъ. Въ настоящее время этотъ обычай соблюдается при торжественныхъ встрѣчахъ, только какъ формальность для выраженія особаго вниманія и почета, и обыкновенно пару такихъ коней ведутъ непосредственно передъ чествуемой особой.

И такъ, предшествуемые ясауломъ-баши вмѣстѣ съ заводными конями, мы приблизились къ персидской конницѣ. Раздалось нѣчто вродѣ команды и за-

Digitized by Google

тѣмъ подъѣхалъ къ генералу стоявшій впереди всадниковъ сартибъ Каграманъ-ханъ, помощникъ кочанскаго правителя, человѣкъ атлетическаго сложенія и притомъ черный, точно отлитый изъ чугуна. Поверхъ короткаго персидскаго кафтана, выложеннаго галунами, онъ былъ обвѣшанъ лентой и нѣсколькими богатыми перевязами, на которыхъ висѣли драгоцѣнная сабля, тульская пороховница, сумочка для пуль и пистоновъ и разныя принадлежности боевого персидскаго снаряженія. Орденъ на шеѣ и пистолеты за поясомъ дополняли его нарядъ, и подъ этимъ живымъ арсеналомъ кипѣлъ въ богатой сбруѣ великолѣпный туркменскій конь. Казалось, все было прекрасно, но предательскіе панталоны безъ штрипокъ, поднявшись чуть не до колѣнъ, не совсѣмъ художественно обнаруживали черныя мускулистыя икры сартиба...

— За отсутствіемъ «*отваги государства*» (Шуджа-и-довле), выѣхавшаго на встрѣчу его высочества, валія хорасанскаго,—началъ Каграманъ-ханъ, остановившись передъ генераломъ и приложивъ свою мощную руку въ бѣлой нитяной перчаткѣ къ громадному козырьку, привязанному къ персидской шапкѣ,—я, наибъ (помощникъ) его, имѣю счастіе привѣтствовать на кочанской землѣ *сардара* великаго русскаго Императора,—стариннаго друга его величества «царя-царей».

Отвѣтъ состоялъ изъ нѣсколькихъ фразъ въ томъ-же духѣ и сопровождался представленіемъ свиты и рукопожатіемъ, для чего ханъ соскочилъ съ коня и подошелъ къ генералу...

Digitized by Google

Послѣ всего этого мы тронулись далѣе. Шествіе по обыкновенію открыла группа текинскихъ милиціонеровъ съ берданками и развернутымъ значкомъ. За ними, по знаку наиба, разсыпалась пестрая кочанская конница, пользующаяся громкою боевою репутаціею среди персидскаго воинства. Она гарцовала, дѣйствительно, на превосходныхъ коняхъ, но вооруженіе ея ограничивалось кривыми саблями, допотопными ружьями всевозможныхъ величинъ и типовъ, не исключая даже фитильныхъ. Уже не говоря о казакахъ, даже наши текинцы выдѣлялись отъ этой безпорядочной массы, какъ нѣчто организованное...

Медленно спускаясь въ облакахъ пыли, мы подошли, наконецъ, къ гребню послѣднихъ предгорій и увидѣли передъ собою широкую долину верхняго Атрека, посреди которой зеленѣлъ *Кочанъ* съ своими обширными садами, ограды которыхъ были точно унизаны толпами любопытныхъ персовъ. Изъ садовъ этихъ выскочили человѣкъ 20 съ длинными палками въ рукахъ и потянулись передъ генераломъ двумя вереницами по сторонамъ дороги; это были *ясаулы* или полицейскіе. Къ нашему удивленію, добрая половина ихъ была съ *кожаными носами*, приклеенными взамѣнъ отрубленныхъ за разныя прегрѣшенія. Вслѣдъ за этими несчастными блюстителями порядка и окруженные со всѣхъ сторонъ толпами пѣшихъ и конныхъ персовъ, мы прошли съ пѣснями и музыкой мимо городскихъ воротъ, гдѣ уже тѣснился весь Кочанъ, и направились къ одному изъ загородныхъ са-

Digitized by Google

довъ, который былъ приготовленъ для нашего расположенія. Генерала ожидалъ здѣсь роскошный персидскій шатеръ громадныхъ размѣровъ, съ нѣсколькими отдѣленіями, одинаково убранными шелкомъ и дорогими коврами, какіе теперь составляютъ рѣдкость и въ самомъ Хорасанѣ. Три стороны шатра были подняты горизонтально въ видѣ навѣсовъ, отороченныхъ разноцвѣтной шелковой бахромой, и составляли родъ галлереи вокругъ большой пріемной залы, въ тѣни которой красовался длинный столъ, заставленный фруктами, сластями, прохладительными напитками и льдомъ прозрачнымъ, какъ хрусталь, и все это въ китайскихъ чашкахъ, на серебрѣ или въ высокихъ раззолоченныхъ богемскихъ графинахъ...

Запыленные и усталые, изъ-подъ жгучихъ лучей іюльскаго солнца, мы съ невыразимымъ удовольстіемъ вошли въ этотъ чудный шатеръ, манившій и своимъ убранствомъ, и еще болѣе своею тѣнью. Человѣкъ десять придворной прислуги кочанскаго хана, съ *мих-мандаромъ**) во главѣ, отвѣсили при этомъ глубокіе поклоны. Чинно размѣстившись затѣмъ на коврахъ, передъ громаднымъ серебрянымъ самоваромъ, окруженнымъ богатой разнообразной посудой, они застучали сервизомъ. Угощеніе началось... Неизбѣжный въ Персіи *шербетъ* въ раззолоченныхъ хрустальныхъ бокалахъ открылъ собою длинный рядъ разныхъ лакомствъ и напитковъ, которые подавались намъ по этикету

*) Распорядитель пріема, дворецкій.

Digitized by Google

страны, послѣдовательно, съ строгимъ соблюденіемъ нашихъ ранговъ. Персы недолго ломали свои головы надъ опредѣленіемъ нашихъ іерархическихъ ступеней: одному изъ ординарцевъ поручено было достать изъ ящика деньги. Персы видѣли это и рѣшили поэтому, что онъ *сундуктаръ* или хранитель казны. Другой, назвавшій себя *адъютантомъ*, попалъ въ начальники конюшни по сходству словъ *адъютантъ и атъ-тутанъ*, что по ихнему значитъ—коноводъ и т. д. Казаковъ и милиціонеровъ угощали на дворѣ тѣмъ-же шербетомъ и пловомъ.

Посидѣвъ съ нами около получаса, Каграманъ-ханъ откланялся и уѣхалъ, извиняясь, что долженъ спѣшить на встрѣчу принца-намѣстника, котораго ожидали вскорѣ со стороны Мешеда. Обѣдъ между тѣмъ продолжался. Подъ именемъ *супа* и другихъ блюдъ намъ подали безконечное число курьезнѣйшихъ измышленій ханскаго повара, который въ ожиданіи русскихъ гостей, оказывается дня три усердно фантазировалъ на тему «*европейскій обѣдъ*». Обѣдъ, конечно, вышелъ самый невозможный съ точки зрѣнія европейской гастрономіи, такъ какъ персидскія приправы съ немилосерднымъ количествомъ масла, сахара и всевозможныхъ пряностей не оставляли никакого сходства съ нашими блюдами. Тѣмъ не менѣе генералъ потребовалъ повара и выразилъ ему похвалу за его кулинарное искусство вообще, и за знакомство съ европейской кухней,—въ особенности. Персъ былъ на верху блаженства...

Digitized by Google

По дорогѣ изъ Мешеда уже часа три тянулся мимо насъ громадный вьючный обозъ принца и его окружающихъ, когда около пяти часовъ пополудни дали знать, что приближается и его высочество. Казаки выстроились для его встрѣчи на краю дороги, въ пѣшемъ строю, съ музыкой и съ текинскими милиціонерами на лѣвомъ флангѣ. Громадная толпа персовъ, все время тѣснившаяся около нашего лагеря, теперь разрослась, какъ сѣрая туча и, утопая въ облакахъ пыли, обступила русскихъ пуще прежняго.

Но вотъ показались передовые всадники, раздались какіе-то крики, толпа разступилась по сторонамъ дороги, и передъ фронтомъ сотни проѣхалъ въ красной курткѣ громадный персъ, на лошади котораго мѣрно покачивался сзади какой-то длинный шестъ и цѣлый ворохъ «березовыхъ» прутьевъ; это былъ палачъ хорасанскаго валія, открывавшій по обычаю торжественное шествіе своего повелителя. За нимъ потянулись послѣдовательно: толпа всадниковъ съ серебряными булавами и небольшой отрядъ конницы, три мальчика въ рядъ съ красными пиками въ рукахъ, два *байрактара* съ знаменами, изъ коихъ одно, какъ намъ объяснили, служитъ символомъ военной власти хорасанскаго валія, а другое, увѣнчанное вмѣсто копья серебрянымъ изображеніемъ кисти руки,—правителя мешедской святыни. Вслѣдъ за этими знаменоносцами проѣхали двумя вереницами по сторонамъ дороги конные съ булавами и посрединѣ между ними—*кальянчи*, самый существенный членъ

Digitized by Google

параднаго персидскаго кортежа. У передней его луки, какъ литавры, были прикрѣплены большіе кожаные кобуры, въ которыхъ возится разобранный кальянъ, а по сторонамъ сѣдла свѣшивались почти до самой земли кожаный сосудъ съ водою и желѣзный котелокъ съ постояннымъ огнемъ,—все, что нужно для того, чтобы ароматическій дымъ ширазскаго табаку могъ явиться во всякую минуту къ услугамъ хорасанскаго валія. За *кальянчи* прошли попарно ясаулы съ длинными прутьями,—тѣ самые *кожаные носы*, которые утромъ парадировали передъ нами. Наконецъ, за парой богато убранныхъ заводныхъ коней, на великолѣпномъ сѣромъ жеребцѣ, блиставшемъ золотымъ уборомъ, показался кочанскій ханъ, *Шуджа-и-довле*. Онъ ѣхалъ непосредственно передъ каретой принца, запряженной цугомъ шестью кровными лошадьми и окруженной толпою скороходовъ въ черныхъ расшитыхъ золотомъ ливреяхъ. Экипажъ медленно приближался къ флангу казаковъ, какъ вдругъ наша музыка грянула персидскій гимнъ, лошади шарахнулись въ сторону и карета готова была опрокинуться въ громадный ровъ, лежавшій съ боку дороги, но скороходы во время схватили коней и все ограничилось однимъ переполохомъ...

Не выходя изъ кареты, принцъ выслушалъ рапортъ полковника Муратова и медленно проѣхалъ передъ строемъ, привѣтствовавшимъ его криками «*ура*». Поровнявшись съ текинцами милиціонерами, онъ воскликнулъ съ добродушной улыбкой, обращаясь къ

Digitized by Google

нашему агенту:—«Русскіе сдѣлали людей даже изъ текинцевъ!..».

Освѣдомившись затѣмъ о числѣ казаковъ и объявивъ, что жалуетъ имъ по два рубля на каждаго, принцъ прослѣдовалъ далѣе къ приготовленному для него саду. За нимъ во второй каретѣ проѣхалъ его министръ *мусташаруль-мулькъ*, и все шествіе закончилось нестройными толпами конныхъ персовъ, вызванныхъ на этотъ случай изъ попутныхъ деревень.

Черезъ часъ послѣ проѣзда принца, генерала навѣстилъ *Шуджа-и-довле*, Амиръ-Гусейнъ-ханъ, наслѣдственный правитель Кочана. По своей живости и энергіи—это рѣдкій изъ персовъ, почти аномалія между сановниками Ирана, большинство которыхъ Обломовы, но только въ дорогихъ восточныхъ халатахъ. Несмотря на свои 50 съ лишнимъ лѣтъ, онъ считается, между прочимъ, лучшимъ стрѣлкомъ и наѣздникомъ прославленнаго въ этомъ отношеніи Хорасана. Зато по страсти къ напыщенно-безсодержательнымъ фразамъ и умѣнью высказывать образцово персидскія любезности, онъ сынъ своей родины вполнѣ. Было бы безцѣльно, да и трудно, приводить здѣсь многое, надъ чѣмъ этотъ краснобай изощрялся въ бесѣдѣ съ генераломъ. Онъ «*радъ давно желанному свиданью, какъ истомившаяся роза первымъ лучамъ весенняго солнца*», и т. д. въ этомъ-же родѣ. Эта *роза*, однако, если вѣрить мѣстной молвѣ, оказывается съ убійственными шипами, которые немилосердно колютъ въ теченіе десятковъ уже лѣтъ бѣд-

Digitized by Google

Кочанскій ханъ и его дворъ.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R

Digitized by Google

ное тѣло кочанскаго округа... Завтра мы еще вернемся къ *Шуджа-и-довле*, а теперь въ заключеніе свиданія онъ объявилъ генералу, что его высочество намѣстникъ Хорасана будетъ ждать его превосходительство завтра «*за три часа до заката солнца*».

— Надѣюсь, *джанаби сардаръ* не откажетъ посѣтить и его министра, *мусташаруль мулька*,—продолжалъ ханъ.—Это мужъ почтенный, украшенный орденомъ «Льва и Солнца» первой степени, портретомъ *шахинъ-шаха* съ брилліантами и халатомъ съ алмазными застежками, съ собственныхъ плечъ нашего повелителя солнца...

Проговоривъ все это и раскланявшись, Амиръ-Гусейнъ-ханъ вышелъ къ ожидавшимъ его персамъ, ловко вскочилъ на коня, какъ истый кавалеристъ съ мѣста взялъ препятствіе въ видѣ широкой оросительной канавы и скрылся...

Вслѣдъ за отъѣздомъ хана къ ставкѣ генерала подошелъ и вытянулся въ линію присланный принцемъ *почетный караулъ отъ регулярной персидской роты*, сопровождающей его высочество. Онъ состоялъ изъ 20-ти сарбазовъ съ старыми ударными ружьями и двухъ *векилей* или унтеръ-офицеровъ, имѣвшихъ въ рукахъ однѣ палки. Куртки австрійскаго покроя изъ синей бязи и такіе-же панталоны сидѣли на нихъ точно чужіе и плохо гармонировали съ персидскими шапками; обувь была разнообразная и даже разноцвѣтная. Люди выглядѣли крайне истощенными. Эти воины Ирана, представлявшіе собою настоящую па-

Digitized by Google

родію на европейскихъ солдатъ, навѣрное были-бы смѣшны, если-бы не были такъ жалки и такъ голодны. Говорятъ, что на ихъ продовольствіе положено 3 съ чѣмъ-то копѣйки въ сутки и часть этихъ денегъ, конечно, таетъ по пути слѣдованія.

По командѣ одного изъ *векилей* сарбазы взяли «на караулъ», ни на секунду не прекращая разговоровъ, и отвѣтили поклонами на привѣтствіе генерала. Послѣ заката солнца генералъ отпустилъ сарбазовъ, подаривъ каждому по нѣсколько крановъ и, конечно, похваливъ ихъ «воинственный, молодцоватый» видъ...

Digitized by Google

V.

3-го іюля.

Кочанъ и его достопримѣчательности.—Базаръ, торговля, дервиши.—Ханское правосудіе.—Минеральные источники.—Жемчужный холмъ и разсказъ объ убійствѣ Надиръ шаха.—Ледники.—Посѣщеніе «отваги государства».

Сегодня утромъ многіе изъ насъ изъѣздили или исходили Кочанъ вдоль и поперекъ. По словамъ персовъ, онъ состоитъ почти изъ 4 т. домовъ и имѣетъ до 20 т. населенія, преимущественно курдовъ. За рѣдкими исключеніями, дома одноэтажные, такъ какъ мѣстность подвержена частымъ

Digitized by Google

землетрясеніямъ *). Всѣ постройки, кромѣ мечетей,—изъ сырой глины. Глухія стѣны непрерывно тянутся по обѣимъ сторонамъ улицъ, кривыхъ и узкихъ настолько, что двумъ всадникамъ почти невозможно ѣхать рядомъ. Мечетей въ городѣ 15; лучшая между ними,—*месжиды Пачинаръ*. Особенно замѣчательна по архитектурнымъ украшеніямъ гробница или, вѣрнѣе, мечеть съ гробницею *Султана Ибрагима*, одного изъ сыновей святого *Имама-Ризы*, могила котораго ежегодно привлекаетъ въ Мешедъ сотни тысячъ паломниковъ съ разныхъ концовъ мусульманскаго міра. Лицевой щитъ этой высокой постройки, увѣнчанной куполомъ и возведенной въ XV вѣкѣ внукомъ Тимура, *Байсунгуромъ*, какъ и внутреннія ея стѣны вмѣстѣ со сводомъ, сплошь покрытъ цвѣтными, точно эмальированными, изразцовыми арабесками и вязевыми надписями изъ корана, и ослѣпительно переливаетъ на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. Гробница эта была реставрирована недавно матерью кочанскаго хана, но плоды новѣйшаго персидскаго искусства легли на ней грубыми пятнами, подобно тому, какъ если-бы кисть суздальскаго богомаза заполнила стертыя мѣста въ произведеніи Рафаэля... Городъ имѣетъ также одно медрессе, въ которомъ до 100 учащихся усердно на-

*) Описанный здѣсь Кочанъ уже не существуетъ теперь. Въ 1893 году, ровно черезъ 10 лѣтъ послѣ нашего путешествія, землетрясеніе превратило весь городъ въ груду развалинъ, подъ которыми погибло и болѣе трехъ четвертей его населенія, вмѣстѣ съ семействомъ Шуджа-и-довле, который умеръ еще ранѣе. Новый Кочанъ, выростающій въ сторонѣ отъ прежняго, теперь представляетъ только небольшую деревню. *Примѣчаніе 1897 года.*

Digitized by Google

бивают свои головы персидскими сказками въ родѣ «Лейли-Маджнунъ»...

Кочанъ лежитъ на высотѣ 4200 футовъ и обнесенъ толстой глиняной оградой съ двумя массивными башнями у каждыхъ воротъ. Ограда эта была возведена во времена Фатали-шаха и разрушена Аббасъ-Мирзою въ тридцатыхъ годахъ, послѣ одной изъ тѣхъ неудачныхъ попытокъ къ независимости, которыя дѣлались неоднократно даже за время настоящаго хана. Съ тѣхъ поръ она уже не возобновлялась и представляетъ теперь груду развалинъ. Вокругъ ограды раскинуты превосходные сады, — лучшее достояніе города.

Улицы Кочана мертвы и безжизненны въ обыкновенное время; въ нихъ рѣдко можно встрѣтить прохожаго. Дневная жизнь населенія, по обыкновенію всѣхъ восточныхъ городовъ, сосредоточивается на базарѣ, имѣющемъ около 300 лавокъ, расположенныхъ по сторонамъ базарной улицы, узкой и грязной какъ и всѣ остальныя. Сушеные плоды, туземная обувь, посредственные войлоки, мѣдная и глиняная посуда, конскій уборъ и дешевый русскій ситецъ составляютъ предметъ торговли едва-ли даже одной четверти всѣхъ лавокъ; остальныя завалены разными дынями, огурцами, абрикосами и т. д. Кочанъ не производитъ ничего достойнаго вниманія по оригинальности или изяществу, и ведетъ свою скромную торговлю преимущественно съ Мешедомъ и Асхабадомъ. Съ ранняго утра и до поздняго вечера по базару

Digitized by Google

снуетъ пестрая толпа и въ ней прежде всего обращаютъ на себя вниманіе *дервиши*,—эти духовные фокусники Востока, которыхъ можно встрѣтить здѣсь на каждомъ шагу. То тамъ, то здѣсь поминутно раздаются ихъ неистовые крики, призывающіе правовѣрныхъ дать подаяніе «*бѣдному отшельнику во имя Аллаха и Алія*», и затѣмъ, вы видите истомленную фигуру съ длинными всклокоченными волосами, мѣрно выступающую съ тупымъ блуждающимъ взглядомъ и съ неизбѣжными атрибутами своего званія,—съ топорикомъ и съ кокосовой скорлупой для сбора подаянія. *Дервиши*—это странствующіе мусульманскіе монахи. Почти всѣ 16 орденовъ, этихъ тунеядцевъ Персіи и главныхъ двигателей фанатизма, имѣютъ въ Кочанѣ толпы своихъ представителей, далеко не пользующихся симпатіями населенія; всѣ они безцеремонно эксплоатируютъ народъ именемъ религіи и нерѣдко прибѣгаютъ къ обманамъ и ухищреніямъ *).

На кочанскомъ базарѣ нельзя также не обратить вниманія на массу истощенныхъ опіофаговъ и людей *искалѣченныхъ*,—безносыхъ, безрукихъ, съ отрубленными ушами и т. д. Намъ передавали, что въ самомъ городѣ, не считая провинціи,—около 30 человѣкъ безносыхъ, болѣе 200 съ отрубленными ушами и нѣсколько десятковъ лишенныхъ ногъ, пальцевъ или

*) Уже послѣ выѣзда изъ Персіи мы узнали, что въ Кочанѣ шахъ приказалъ обезглавить среди базара одного дервиша за ограбленіе и убійство *сеида*, т. е. потомка пророка.

Digitized by Google

всей кисти руки *), и все это, несчастныя жертвы «правосудія» *Шуджа-и-довле*, той самой «истомившейся розы», которая наканунѣ разливала свой ароматъ передъ нашимъ генераломъ. Если вѣрить мѣстнымъ разсказамъ, наказаніямъ этимъ подвергаются здѣсь въ большинствѣ случаевъ люди зажиточные, такъ какъ уродованія эти влекутъ за собою конфискацію имущества пострадавшаго въ пользу хана...

Нѣкоторая жестокость совершенно понятна въ такой странѣ, какъ Персія. Но дѣло въ томъ, что по сознанію самихъ персовъ, Шуджа-и-довле является между правителями Ирана высшимъ олицетвореніемъ полнаго произвола, такъ сказать, любителемъ варварства. Разсказываютъ, между прочимъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ кочанцевъ открылъ гдѣ-то за городомъ кувшинъ съ нѣсколькими тысячами древнихъ золотыхъ монетъ *и добровольно представилъ свою находку* Амиръ-Гусейнъ-хану.

— Монеты временъ имама Гусейна,—объявилъ ханъ, обращаясь къ счастливцу, ожидавшему вознагражденія.—Если обнаружится, что ты скрылъ хотя бы одну изъ нихъ,—помни, я тебѣ сниму голову... Ступай.

---

*) Справедливость требуетъ прибавить, что этимъ ампутаціямъ разныхъ конечностей тѣла подвергаютъ, съ разрѣшенія шаха, во всѣхъ провинціяхъ Персіи за такія преступленія, какъ кражи, грабежи, прелюбодѣянія и т. п. Гражданскія дѣла рѣшаются здѣсь духовными по *шаріату*, а всѣ уголовныя—безапелляціонно властью мѣстнаго хана, при чемъ *почти во всѣхъ случаяхъ торжество остается на сторонѣ болѣе заплатившаго.*

Digitized by Google

Говорятъ, что спустя годъ послѣ этого, ханъ, узнавъ, что этотъ кочанецъ продалъ на базарѣ шесть золотыхъ, буквально исполнилъ свою угрозу...

Окрестности Кочана не богаты достопримѣчательностями. На разстояніи одного фарсага на западъ отъ города существуютъ горячіе минеральные источники. Народъ приписываетъ имъ необыкновенныя цѣлебныя свойства и, тѣмъ не менѣе, купаетъ въ нихъ только больную скотину, такъ какъ не только не сдѣланы никакія приспособленія для леченія людей, но еще запущены до состоянія болота. На противоположной сторонѣ и на такомъ-же разстояніи отъ города указываютъ *Мирваридъ-тепе*, или жемчужный холмъ, на которомъ, по мѣстному преданію, покончилъ свою бурную жизнь знаменитый покоритель полусвѣта, Надиръ-шахъ.

Персы довольно хорошо знаютъ исторію своихъ государей, особенно за послѣднія два-три столѣтія, и о смерти Надира мы слышали въ Кочанѣ такой разсказъ:

«Растерзанный, истекающій кровью Иранъ лежалъ на краю могилы, когда Надиръ, этотъ «сынъ меча», этотъ «великій туркменъ-волшебникъ», своимъ появленіемъ и желѣзной волей не только вдохнулъ въ него новую жизнь и поставилъ на ноги, но еще возвеличилъ и покрылъ славой, которая затмила блескъ всѣхъ властелиновъ, когда либо появлявшихся на нашей почвѣ. Но многовѣковое нравственное растлѣніе пустило при слабыхъ и развратныхъ предшественни-

Digitized by Google

кахъ этого государя слишкомъ глубокіе корни въ среду иранцевъ, для того, чтобы ихъ можно было вырвать въ одно короткое царствованіе. И Надиръ, конечно, не успѣлъ въ этомъ. Въ его время онъ только одинъ имѣлъ въ виду интересы *отечества*, а такъ называемая *справедливость*, какъ и теперь у насъ, составляла лишь пустое слово въ устахъ большинства, совершенно не приложимое къ дѣяніямъ въ особенности царедворцевъ и другихъ властныхъ людей, руководствовавшихся во всѣхъ случаяхъ только личными выгодами. При такомъ общемъ направленіи, наши иранцы, какъ и нужно было ожидать, не задумались отвѣтить черною неблагодарностью и тому, кто избавилъ ихъ отечество отъ многихъ бѣдствій, между которыми грозившее странѣ авганское порабощеніе, быть можетъ, явилось-бы наименѣе тяжкимъ... Постоянныя интриги и козни окружающихъ въ такой степени повліяли на Надира, что въ послѣдніе годы своего царствованія онъ сталъ совершенно другимъ человѣкомъ: всѣ лучшія стороны его характера смѣнились раздражительностью, жестокостью и недовѣріемъ даже къ членамъ собственной семьи. Такъ, однажды, когда Надиръ, направляясь съ арміею въ Закавказье, пробирался черезъ мазандеранскій лѣсъ и ѣхалъ въ авангардѣ рядомъ съ своимъ сыномъ-наслѣдникомъ, Ирза-Кули-мирзой, прекрасныя качества котораго восхваляются до сего времени, вдругъ изъ чащи раздался выстрѣлъ и пуля пробила насквозь руку самого шаха. Наслѣдникъ съ своей свитой бро-

Digitized by Google

сился въ лѣсъ и вернулся послѣ безплодныхъ поисковъ злоумышленника...

Враги принца, главнымъ образомъ придворные, находившіе не выгоднымъ для себя воцареніе этого любимца народа, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы возстановить противъ него шаха, и начали распускать слухъ, что убійца былъ подосланъ самимъ наслѣдникомъ, яко бы добивающимся трона. Слухъ этотъ достигъ, конечно, своего назначенія и имѣлъ результатомъ полное охлажденіе шаха къ любимому сыну, интригамъ котораго тѣ-же враги приписали и послѣдовавшее вскорѣ пораженіе персидской арміи въ горахъ Дагестана.

Рядъ подобныхъ навѣтовъ повелъ къ тому, что по возвращеніи изъ похода Надиръ приказалъ выколоть глаза своему наслѣднику. Когда съ этою цѣлью явился палачъ, Ирза-Кули-мирза, говорятъ, просилъ передать отцу, что онъ не его ослѣпляетъ, а все государство... Тѣмъ не менѣе, ужасная операція была совершена, а вслѣдъ затѣмъ обнаружилась невиновность злополучнаго принца. Тогда, терзаемый глубокимъ раскаяніемъ и раздраженный до бѣшенства, Надиръ немедленно приказалъ казнить на глазахъ своихъ 50 главнѣйшихъ сановниковъ, заподозрѣнныхъ въ интригахъ противъ сына. Но этимъ не ограничилась месть отца. Казни, зачастую и незаслуженныя, слѣдовали одна за другою и до того уронили, громкую еще недавно, популярность шаха въ народѣ, среди духовенства и даже въ арміи, которой онъ былъ ку-

Digitized by Google

миромъ, что поднялся всеобщій говоръ о необходимости свергнуть тирана, составились заговоры, начались возстанія и многіе покидали отечество, чтобы только не быть свидѣтелями его новаго распаденія...

Разочарованный всѣмъ этимъ, Надиръ и самъ рѣшился, наконецъ, покинуть свое бурное поприще и поселиться навсегда вблизи своей туркменской родины, въ Келатѣ, куда онъ и выступилъ, но... поздно: дни его уже были сочтены въ это время.

При движеніи въ Келату, когда шахъ остановился на нѣсколько дней возлѣ Кочана и разбилъ свой лагерь на холмѣ *Мирваридъ-тепе*, между прочимъ, былъ обнаруженъ заговоръ трехъ близкихъ къ нему лицъ, Афшара, Салаха и Мамедъ-хана, которые, оказывается, еще въ день ослѣпленія своего благодѣтеля, Ирза-Кули-мирзы, поклялись отомстить за это Надиру и ждали только удобнаго случая. Лица эти были тутъ-же въ лагерѣ. Но почему-то шахъ не прибѣгъ къ немедленному ихъ аресту и расправу съ ними отложилъ на слѣдующее утро; тѣ, въ свою очередь, провѣдали объ этомъ и рѣшили не терять время. И вотъ, подкупивъ часовыхъ, заговорщики врываются въ ту-же ночь въ палатку спящаго шаха. Послѣдній просыпается, вскакиваетъ на ноги и ударами своего полновѣснаго кулака валитъ съ ногъ Мамедъ-хана и Афшара. Но въ то-же мгновеніе и самъ Надиръ падаетъ, пронзенный въ животъ кинжаломъ третьяго убійцы, Салаха...

Такъ, на 47 году своей жизни, въ цвѣтущемъ возрастѣ, хотя и съ поблекшей въ буряхъ энергіей,

Digitized by Google

безъ сожалѣнія народа и ни кѣмъ не оплакиваемый, погибъ знаменитѣйшій изъ властелиновъ нашей страны. Послѣ его смерти, въ теченіе ровно столѣтія, именно до воцаренія нынѣшняго Насреддина, Иранъ представлялъ невообразимую арену разбоевъ, грабежей, междоусобій и почти непрерывныхъ кровопролитій изъ-за трона. За то-же время у насъ смѣнились съ лишнимъ два десятка «шахинъ-шаховъ» и каждому изъ нихъ, въ большей или меньшей степени, мы обязаны теперешнимъ состояніемъ нашего государства,—*безцвѣтнымъ и безсильнымъ*,—въ которомъ все продажно по прежнему и измѣнились, на болѣе мягкіе, только пріемы ограбленія. Но за то и рѣдкій изъ этихъ шаховъ,—заключилъ разсказчикъ, какъ-бы въ утѣшеніе,—сходилъ въ могилу безъ проклятій народа, не пронзенный кинжаломъ или безъ пули въ сердцѣ!. »

Но возвратимся къ Кочану.

Коснувшись хотя бѣгло этого города, нельзя пройти молчаніемъ прекрасные ледники, разбросанные по его садамъ. Это огромныя и оригинальныя постройки, выступающія изъ зелени въ видѣ цилиндрическихъ башенъ и оканчивающіяся конусомъ на высотѣ около 8 саженъ. Ледъ хранится подъ почвою въ обыкновенныхъ погребахъ, а башни имѣютъ назначеніе только парализовать дѣйствіе солнечныхъ лучей на погребъ. Благодаря этимъ немудрымъ постройкамъ, возведеннымъ изъ сырой глины, кочанцы все лѣто пользуются превосходнымъ льдомъ. Вотъ и всѣ достопримѣчательности Кочана.

Digitized by Google

Сегодня около полудня генералъ отдалъ визитъ правителю Кочана. Амиръ-Гусейнъ-ханъ принялъ насъ въ саду, въ роскошной палаткѣ, разбитой на платформѣ передъ большимъ бассейномъ. При входѣ въ садъ мы были встрѣчены ясаулами, которые съ булавами въ рукахъ предшествовали до самой палатки. Здѣсь, у ступеней платформы, ожидалъ насъ Шуджа-и-довле, опоясанный поверхъ форменнаго кафтана золотою саблей, осыпанной драгоцѣнными камнями. Едва мы усѣлись, какъ толпа прислуги, стоявшая въ почтительномъ отдаленіи, уже начала подавать чай, кофе, шербетъ, кальяны и вскорѣ покрыла весь столъ различными сластями. Бесѣда съ неизбѣжными персидскими любезностями коснулась на этотъ разъ нѣкоторыхъ сторонъ азіатской жизни, причемъ на сцену не замедлили, конечно, явиться герои всѣхъ восточныхъ разсказовъ анекдотическаго характера, Керъ-оглу и Молла-Насреддинъ... Амиръ-Гусейнъ-ханъ разсказалъ, между прочимъ, о милостяхъ, оказанныхъ ему шахомъ. Кромѣ множества орденовъ и титула «*Шуджа-и-довле*» или «*отвага государства*», онъ получилъ въ разное время коллекцію драгоцѣннаго оружія, — 13 сабель и кинжаловъ, составляющихъ цѣлое богатство. Одинъ золотой превосходной работы кинжалъ, показанный намъ, былъ по меньшей мѣрѣ на 30 т. рублей осыпанъ крупными драгоцѣнными камнями. Помимо всего этого Амиръ-Гусейнъ-ханъ считается однимъ изъ богатѣйшихъ людей Персіи. Въ скромномъ Кочанѣ онъ проживаетъ ежегодно не менѣе двухсотъ

Digitized by Google

тысячъ на наши деньги и часть ихъ идетъ, по слухамъ, на тайныя жертвоприношенія Бахусу, котораго онъ усердный поклонникъ. Какъ подобаетъ самовластному хану, онъ любитъ *кейфъ*, знаетъ ему цѣну, и вполнѣ чуждъ тому, что называютъ «просвѣщеніемъ». Европу и ея цивилизацію онъ представляетъ себѣ не хуже любого зулуса, а потому и не сторонникъ ея, хотя отдаетъ полную справедливость усовершенствованіямъ, сдѣланнымъ гяурами въ Шампаньи и въ особенности на островѣ Ямайка...

Амиръ-Гусейнъ-ханъ, между прочимъ, былъ особенно радъ знакомству съ нашимъ медикомъ Вагнеромъ. Персы ловятъ его всюду, да это и понятно: больныхъ здѣсь чуть не столько же, сколько населенія, а врачъ, если не считать туземныхъ знахарей,— одинъ на все государство, и тотъ состоитъ при особѣ шаха... Пока мы слушали разсказы Шуджа-и-довле, въ его саду уже столпились жаждущіе исцѣленія отъ всевозможныхъ недуговъ и конецъ нашего визита принялъ характеръ медицинскаго осмотра. При нашемъ отъѣздѣ, ханъ просилъ Вагнера остаться, чтобы посовѣтоваться съ нимъ на счетъ своей персоны.

— Замѣчательный у васъ врачъ!—воскликнулъ ханъ при новомъ свиданіи съ нами,—онъ *самъ* опредѣлилъ мою болѣзнь!...

Digitized by Google

VI.

4-10 іюля.

Торжественное представленіе принцу.—Исторія и значеніе «бабизма» въ Персіи.

Вчерашній день закончился аудіенціей у принца. Къ 4 часамъ пополудни въ нашъ лагерь прибылъ *мирахуръ* или шталмейстеръ его высочества съ двумя каретами и почетнымъ конвоемъ. Нарядившись въ парадныя формы, мы вышли къ экипажамъ, запряженнымъ шестеркой превосходныхъ бѣлыхъ коней съ форрейторами въ расшитыхъ ливреяхъ. Первый экипажъ занялъ командующій войсками, полковникъ Муратовъ, нашъ агентъ Таировъ и шталмейстеръ принца, во второмъ размѣстилась свита. Остальные

Digitized by Google

офицеры поѣхали верхами. Во главѣ поѣзда тронулись десятка два конныхъ служителей принца въ красныхъ кафтанахъ съ серебряными булавами въ рукахъ, а за ними два мальчика съ красными пиками, неизбѣжный *кальянчи* и двѣ заводныя лошади въ золотыхъ уборахъ. Кареты были окружены скороходами и поѣздъ замыкался полусотнею конныхъ персовъ. Въ такомъ порядкѣ мы проѣхали мимо городской ограды въ лагерь принца, расположенный въ садахъ на западъ отъ Кочана.

«Послащенныя уста льютъ сладкія рѣчи», говоритъ персидская поговорка; «къ сердцамъ властелиновъ пробирайтесь сладкими рѣчами», совѣтуетъ одинъ изъ мусульманскихъ іезуитовъ. Надо полагать, что совокупность этихъ двухъ изрѣченій, понятыхъ, конечно, буквально, повела на Востокѣ къ обычаю подслащать уста обыкновенныхъ смертныхъ, имѣющихъ предстать передъ сильными міра. Въ Персіи, какъ и въ остальныхъ азіатскихъ государствахъ, существуетъ обыкновеніе угощать сладостями передъ всякой аудіенціей. Для этого, какъ только мы вышли изъ экипажей, насъ повели къ министру принца, *Мусташарульмульку*, который встрѣтилъ генерала у крыльца своей роскошной палатки вмѣстѣ съ Шуджа-и-довле и Каграманъ-ханомъ. Послѣ нѣсколькихъ привѣтственныхъ словъ онъ пригласилъ насъ въ свою палатку, состоящую изъ нѣсколькихъ отдѣленій, подбитыхъ шелкомъ, убранныхъ коврами и обнесенныхъ вокругъ галлереею подъ узорчатымъ навѣсомъ, съ богатой

Digitized by Google

бахромой изъ разноцвѣтнаго шелка. Послѣднее отдѣленіе выходило открытой стороной къ бассейну и здѣсь былъ накрытъ столъ со всевозможными обсахаренными фруктами и персидскими печеніями. Едва мы размѣстились, — началось угощеніе шербетомъ и кофе, мороженымъ и кальянами...

Мусташаруль - мулькъ — фактическій правитель Хорасана,—почтенный старикъ, и—что большая рѣдкость въ болтливой Персіи,—одинъ изъ тѣхъ людей, которые полагаютъ, что рѣчь — серебро, молчаніе—золото. Тѣмъ легче сладкій говорунъ Шуджа-и-довле овладѣлъ бесѣдой, которую трудно передать по ея образцовой безсодержательности... Спустя около часа дали, наконецъ, знать, что его высочество готовъ принять насъ и мы откланялись министру.

Принцъ занималъ большой отдѣльный садъ. У воротъ его тѣснилась толпа разной придворной челяди и тутъ-же стояло до сотни сарбазовъ. Пройдя мимо этой роты, взявшей генералу «подъ козырекъ», мы вошли въ садъ. Точно мгновенно спала завѣса, скрывавшая за собою одну изъ картинъ сказочнаго Востока, и чудная, чтобы не сказать фантастическая, палатка-монстръ, расшитая цвѣтными арабесками и обнимавшая огромное пространство, словно выросла передъ нами. Можно было подумать, что осуществился одинъ изъ волшебныхъ чертоговъ «тысячи и одной ночи»,—въ такой степени эффектъ и роскошь обстановки затмили собою все, что мы видѣли до сихъ поръ въ томъ же родѣ!... Подъ тѣнью шатра

Digitized by Google

журчалъ обширный бассейнъ затѣйливой формы, а вокругъ все возвышеніе, расположенное красивыми ломанными линіями, было устлано дорогими коврами и цвѣтными шелковыми тканями. Подъ первымъ впечатлѣніемъ этой картины невольно рождался вопросъ,—что-же должно быть у самого шаха, хоть въ лѣтней резиденціи гдѣ нибудь около Тегерана, если подобныя жилища создаются для принца во время путешествія, въ глуши Хорасана и на какіе нибудь нѣсколько часовъ?!.. Но было не до отвѣта.

Въ ту минуту, когда мы входили въ этотъ шатеръ, съ противоположной открытой его стороны, передъ которою тянулась длинная аллея сада, показался брюнетъ лѣтъ 45-ти, очень маленькаго роста и необыкновенно тучный. Его матовый цвѣтъ лица, черные усы, густыя брови и всѣ вообще черты, довольно выразительныя, напоминали самого шаха, и онъ былъ бы не дуренъ собой и даже красивъ, еслибы не полнота, перешедшая всякую мѣру: теперь онъ походилъ на гигантскую грушу, установленную на двухъ короткихъ тумбахъ. Персидская шапка, короткій кафтанъ изъ тонкаго верблюжьяго сукна и черезъ плечо сабля, усыпанная драгоцѣнными камнями, составляли его нарядъ; онъ былъ безъ сапогъ въ бѣлоснѣжныхъ нитяныхъ чулкахъ. Схвативъ эфесъ сабли правою рукой, а лѣвою приподнявъ ея ножны, онъ остановился въ довольно комичной позѣ, точно собирался обнажить свое оружіе... Не трудно было догадаться, что передъ нами стоитъ самъ хорасанскій вали,

Digitized by Google

его высочество *принцъ Мамадъ-Таги-Мирза*, родной братъ шаха, носящій титулъ *Рукнудъ-довле* *). Мы остановились въ нѣсколькихъ шагахъ. Генералъ подошелъ къ нему.

— Имѣю счастіе представиться вашему высочеству,—произнесъ онъ:—начальникъ и командующій войсками Закаспійской области генералъ-лейтенантъ Комаровъ.

— Добро пожаловали,—отвѣтилъ принцъ, протягивая руку и приглашая садиться. — Очень радъ случаю съ вами познакомиться... Какъ здоровье вашего превосходительства, какъ вамъ ѣздилось въ нашихъ предѣлахъ?

Опускаясь при этомъ въ кресло, движеніемъ руки онъ указалъ на два стула и нашимъ штабъ-офицерамъ...

Аудіенція продолжалась около часа. Сначала были высказаны съ обѣихъ сторонъ надежды и пожеланія, чтобы личное знакомство двухъ пограничныхъ властей послужило въ пользу управляемыхъ ими странъ, къ устраненію нерѣдко возникающихъ недоразумѣній и тѣмъ самымъ къ скрѣпленію дружбы, издавна существующей между Россіей и Персіей. Послѣ такого пролога на сцену явились чай въ крошечныхъ рюмкахъ и кальянъ для принца; генералу подали папиросы, за неимѣніемъ настоящихъ, кѣмъ-то скрученныя изъ почтовой бумаги на подобіе солдатскихъ «цыгарокъ» Подавая и принимая все это, прислуга

*) Опора государства.

Digitized by Google

отвѣшивала каждый разъ глубокіе поклоны и затѣмъ пятилась назадъ, не оборачиваясь спиною къ принцу. Дальнѣйшій разговоръ принялъ характеръ частной бесѣды. Принцъ весьма усердно разспрашивалъ о коронаціонныхъ празднествахъ и вообще о послѣднихъ событіяхъ европейской жизни. Въ итогѣ онъ обнаружилъ себя человѣкомъ, хотя и не вкусившимъ отъ благъ европейской цивилизаціи, но весьма разумнымъ и интересующимся. Между прочимъ, онъ недавно читалъ въ персидской *Рузнаме* *) о какихъ-то злоумышленникахъ, собиравшихся взорвать весь Лондонъ. Зашла по этому рѣчь о соціалистахъ.

— Эти канальи есть и у насъ,—замѣтилъ принцъ.— Лѣтъ 30 тому назадъ здѣсь образовалась цѣлая секта послѣдователей какого-то шарлатана, *Баба*, который отвергалъ мусульманство, проповѣдывалъ равенство людей и тому подобный вздоръ. Тогда-же, по приказанію шаха, въ короткое время перебили болѣе 700 послѣдователей этого ученія. Но они есть и въ настоящее время, хотя скрываются...

О бабистахъ и объ основателѣ ихъ секты персы охотно разсказываютъ массу вещей, совершенно невѣроятныхъ. Такъ, говорятъ, что однажды шахъ пожелалъ лично поговорить съ однимъ изъ бабистовъ для того, чтобы вывѣдать отъ него сущность ихъ ученія и политическія цѣли. Ссылаясь на клятву о строгой тайнѣ, обязательной для всѣхъ принявшихъ новое ученіе, бабистъ отказывался отвѣчать, но бу-

*) Вѣстникъ, газета.

Digitized by Google

дучи подвергнутъ страшнымъ пыткамъ, онъ сдѣлалъ яко бы такое предложеніе:

— Я не могу преступить клятву, но удовлетворю желаніе шаха съ условіемъ. Я напишу требуемое и положу бумагу подъ языкъ. Пусть мнѣ отрубятъ голову и затѣмъ прочтутъ.

Согласились и... отрубили. На бумажкѣ было написано: «Я выдамъ тебѣ свою голову, но не выдамъ своей тайны». Прибавляютъ, что за этимъ эпизодомъ послѣдовало повелѣніе шаха объ избіеніи всѣхъ бабистовъ.

Другой разсказъ относится къ области совершенныхъ вымысловъ:

Бабъ объявилъ себя высшимъ пророкомъ міра и для того, чтобы доказать это своимъ послѣдователямъ, пожертвовалъ будто бы жизнью.

— Если ты пророкъ, — обратились къ нему его сторонники,—предскажи намъ время своей смерти.

— Душа не умираетъ, — отвѣтилъ Бабъ, — она только отдѣлится ровно черезъ 10 дней отъ моего тѣла, которое, въ отличіе отъ обыкновенныхъ смертныхъ, исчезнетъ безслѣдно.

— Въ назначенный день,—продолжалъ разсказчикъ,—Бабъ собралъ своихъ послѣдователей и при нихъ заперся въ глухую комнату, въ которой стоялъ только громадный чанъ съ какою-то жидкостью. Было условлено, чтобы бабисты стерегли комнату со всѣхъ сторонъ и вошли въ нее только по истеченіи трехъ сутокъ. Когда это было исполнено, въ комнатѣ оказался только чанъ...

Digitized by Google

Это мнимое исчезновеніе Баба, въ которое, однако, вѣрятъ и его противники, объясняется послѣдними тѣмъ, что герой разсказа влѣзъ въ чанъ, содержавшій въ себѣ какую-то кислоту, безслѣдно растворяющую и мясо, и кости...

Но оставимъ эти вымыслы и обратимся къ достовѣрнымъ извѣстіямъ о бабизмѣ, которыя несравненно интереснѣе.

Теологія персовъ имѣетъ свою обширную литературу. Изъ знакомства даже только съ нѣкоторою ея частью можно сдѣлать тотъ выводъ, что, несмотря на оффиціальную принадлежность къ общинѣ шіитовъ, большинство персовъ тайно проповѣдуетъ идеи, весьма различныя съ тѣми, какія преподаетъ Коранъ. Хотя духовенство и оставило за собой право истолкованія священныхъ книгъ, каждый персъ воображаетъ себя теологомъ и нисколько не боится затрогивать самые отвлеченные вопросы, хотя-бы они даже привели его къ ереси. Сочиненія персидскихъ сектантовъ имѣютъ, какъ и сочиненія многихъ философовъ среднихъ вѣковъ, два совершенно противоположныхъ значенія: одно значеніе оффиціальное и прямое, которое во всѣхъ пунктахъ соотвѣтствуетъ богословію, преподаваемому въ школахъ, а другое скрытное, мистическое, отъ котораго ключъ у его учениковъ и которое истолковывается въ тайныхъ собраніяхъ. Невозможно поэтому слѣдить въ Персіи за движеніемъ сектъ; онѣ извѣстны только въ общихъ чертахъ, и было бы напраснымъ трудомъ стараться ихъ пере-

Digitized by Google

числить тѣмъ болѣе, что это и не можетъ входить въ программу нашихъ походныхъ записокъ. Достаточно сказать, что главная масса персовъ, считающаяся оффиціально мусульманами, принадлежитъ къ многоразличнымъ сектамъ, не признающимъ въ сущности ни Магомета, ни его Корана. Важнѣйшее мѣсто между ними принадлежитъ бабистамъ, какъ сектѣ, которая въ текущемъ столѣтіи сильнѣе всего взволновала персовъ, потому что она не ограничилась одной религіозной пропагандой, а вліяніе ея отразилось и на политической жизни народа и имѣло послѣдствіемъ кровопролитныя междоусобныя войны.

Основателемъ секты бабистовъ явился въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія уроженецъ Мазандерана, нѣкто *Мирза-Али-Магомедъ*, болѣе извѣстный подъ именемъ *Баба* (дѣда). Онъ задался цѣлью создать одну всемірную религію для всего человѣчества. Магомета и его Коранъ онъ объявилъ отслужившими человѣчеству и въ настоящее время—анахронизмомъ. «Какъ созданія единаго Бога,—проповѣдывалъ Бабъ,—люди равны, несмотря на случайно укоренившіяся въ нихъ тѣ или другія религіозныя воззрѣнія. Рознь въ этихъ взглядахъ составляетъ главную язву человѣчества». Признавая Бога въ смыслѣ нравственной основы міросозданія, Бабъ утверждалъ, говорятъ персы, что ни одна религія не можетъ дать, кромѣ проповѣди добра и истины, непреложныхъ законовъ, пригодныхъ всегда и для всѣхъ. Всякая религія имѣетъ въ виду чистоту совѣсти и благопо-

Digitized by Google

лучіе своихъ послѣдователей; но такъ какъ мѣняются условія существованія человѣчества, то сообразно съ ними должны мѣняться и требованія религіи. Только та религія можетъ быть сильна и удотвлетворить все человѣчество, которая не заключаетъ въ себѣ ничего непостижимаго для разума. Ученіе требуетъ поэтому полнаго милосердія ко всѣмъ, терпимость и дружбу къ невѣрнымъ и иноплеменникамъ, отрицаетъ посты, молитву, омовенія и т. п., какъ вещи формальныя и никому не нужныя. Всѣ подобныя основы своего ученія Бабъ развилъ въ особой книгѣ, называемой «Духовные совѣты» и замѣняющей у бабистовъ Коранъ. Книга эта, какъ строго преслѣдуемая въ Персіи, вращается только въ рукописяхъ и составляетъ большую рѣдкость. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось достать ея экземпляръ, а потому да позволено будетъ сказанное о бабистахъ дополнить весьма интересными свѣдѣніями автора «Земля и люди».

«Ученики Баба, — говоритъ Элизе Реклю, ссылаясь на авторитетные источники, — создали полный идеалъ новаго общества и этотъ идеалъ они осуществляли въ ихъ собственныхъ группахъ. Между собой они не знали другого способа управленія, какъ милость, взаимное уваженіе, вѣжливость, и только въ важныхъ случаяхъ допускали обращеніе къ третейскому суду. Они запрещали бить дѣтей и наблюдали за тѣмъ, чтобы во все время ученія ни смѣхъ, ни игры и ничто, что могло сдѣлать ихъ счастливыми, не отнималось-бы у нихъ. Бабъ осуждаетъ по-

Digitized by Google

лигамію, разводъ, обычай водить женщинъ подъ покрываломъ; онъ совѣтуетъ правовѣрнымъ заботиться о счастіи ихъ женъ, о доставленіи имъ удовольствій и никогда не отказывать въ нарядахъ, которые идутъ къ ихъ красотѣ. Женщины приняли большое участіе въ пропагандѣ бабизма, и между проповѣдниками секты никто не пріобрѣлъ такой громкой извѣстности своею преданностью, твердостью и даромъ краснорѣчія, какъ прекрасная Зарринъ-Таджъ или «Золотая корона», прозванная «Ея Высочество Непорочная», или Гурретъ-уль-Аинъ «Утѣха очей». Многіе европейскіе писатели поставили Баба въ разрядъ сектаторовъ-коммунистовъ, но это не вѣрно: онъ никогда не совѣтовалъ дѣлать собственность общимъ достояніемъ, но увѣщевалъ богатыхъ смотрѣть на себя, какъ на казначеевъ бѣдныхъ и отдавать свой избытокъ тому, кто нуждался въ необходимомъ. Краснорѣчіе Баба было до такой степени обаятельно, что оно стало легендарнымъ: разсказываютъ, что ему достаточно было дать одинъ финикъ любому изъ слушателей, чтобы сдѣлать его своимъ послѣдователемъ».

«Въ эпоху, когда появилось ихъ ученіе, Бабъ и его послѣдователи ничуть не помышляли захватить въ свои руки власть: ихъ первоначальныя проповѣдыванія были совершенно миролюбиваго свойства; но преслѣдованія со стороны священниковъ, доходамъ которыхъ наносила большой ущербъ народившаяся секта, довели новаторовъ до мятежа. Въ 1848 году, памятномъ народными волненіями и междоусобными

Digitized by Google

войнами какъ на крайнемъ Востокѣ, такъ и въ Западной Европѣ, въ Персіи происходили также междоусобныя распри. Послѣ кровопролитныхъ сраженій, всѣ бабисты Мазандерана были переколоты; затѣмъ возставшій городъ Зенджанъ, находящійся на границахъ Азербейджана, былъ преданъ огню и жестокой расправѣ надъ жителями, а самъ Бабъ былъ умерщвленъ. Нѣсколько сектантовъ, избѣгнувшихъ участи своихъ товарищей, попробовали было отомстить шаху, а тотъ отдалъ приказъ истребить всѣхъ оставшихся въ живыхъ послѣдователей ученія Али-Магомета. Ужасную мысль возымѣли верховные совѣтники правителя—раздѣлить плѣнныхъ между высшими сановниками государства, дабы шахъ могъ наглядно судить о преданности своихъ подданныхъ, объ ихъ искренней вѣрности, по тѣмъ наказаніямъ, которымъ они будутъ подвергать свои жертвы... Каждый изъ сановниковъ принялъ это къ свѣдѣнію, и начались пытки, отъ которыхъ становится волосъ дыбомъ. Одинъ изъ придворныхъ приказывалъ рѣзать перочиннымъ ножикомъ своихъ плѣнныхъ; другой ихъ медленно душилъ или разрубалъ на части, третій заковывалъ руки и ноги въ кандалы, а тѣло приказывалъ рвать на куски плетьми. Дѣти и женщины проходили между фалангой палачей, которые жгли имъ тѣло зажженными фитилями. Среди безмолвія обезумѣвшей отъ страха толпы, только раздавались крики мучителей и замиравшіе голоса мучениковъ, пѣвшихъ: «Во истину, мы пришли отъ Бога и возвращаемся къ Нему!»

Digitized by Google

«Но, несмотря на эти звѣрскія убійства, не удалось совершенно искоренить бабизмъ. По общему отзыву, секта эта стала многочисленнѣе, чѣмъ когда-либо, и тѣмъ болѣе опасной для правительства, что отнынѣ дѣятельность общины хранится въ тайнѣ».

Съ своей стороны, мы можемъ прибавить къ этому, основываясь на свидѣтельствахъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, что въ послѣднее время бабизмъ дѣлаетъ громадные успѣхи въ Персіи, что безъ всякаго преувеличенія *добрая половина этой страны, хотя тайно, но уже исповѣдуетъ новую религію*, прозелиты которой есть не только между оффиціальными представителями религіи государственной, но даже среди министровъ, окружающихъ шаха. Ученіе это проникло также въ Азіатскую Турцію, гдѣ, въ Неджефѣ, имѣетъ пребываніе преемникъ Баба, и въ нашъ Закаспійскій край, гдѣ главная масса персовъ-торговцевъ даже не скрываетъ того, что слѣдуетъ ученію Али-Магомета.

Бабизмъ является такимъ образомъ грозной силой, весьма опасной для мусульманства. Окончательное торжество этого ученія, безъ сомнѣнія, произведетъ крупный соціально-религіозный переворотъ въ Персіи, и торжество это многіе склонны считать вопросомъ не столь далекаго будущаго, на томъ основаніи, что бабизмъ заключаетъ въ себѣ множество симпатичныхъ идей, отрицаемыхъ мусульманствомъ. Персія, слѣдовательно, переживаетъ въ настоящее время критическій періодъ своей исторіи...

Digitized by Google

Чтобы покончить съ бабизмомъ, намъ остается прибавить нѣсколько словъ о кончинѣ основателя этого ученія. Въ 1848 году Али-Магометъ былъ разстрѣлянъ во рву тавризской крѣпости и при этомъ была такая случайность, что первый залпъ, произведенный въ него, перебилъ только веревку, которою онъ былъ связанъ. Развязанный, такъ сказать, Али-Магометъ, моментально воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, бѣжалъ съ мѣста казни и скрылся... Это произвело сильное впечатлѣніе на персовъ-зрителей, объяснившихъ случайность покровительствомъ свыше, и, надо полагать, такое-же впечатлѣніе было-бы произведено на персидскихъ солдатъ. Но въ Али-Магомета стрѣляли солдаты баталіона, состоявшаго изъ русскихъ бѣглецовъ, подъ начальствомъ бѣглаго вахмистра Нижегородскаго драгунскаго полка, прозваннаго въ Персіи Самсонъ-ханомъ. Они настигли бѣглеца, вторично привязали его къ столбу и разстрѣляли, уже безъ случайностей...

Пора, однако, вспомнить, что увлеченный бабизмомъ, я забылъ принца Рукнудъ-довле и его пріемъ.

Послѣ аудіенціи тѣмъ-же порядкомъ мы вернулись въ свой лагерь. По пути Мирахуръ передалъ генералу извиненіе принца, что онъ не могъ принять насъ въ парадномъ мундирѣ и въ орденахъ, такъ какъ они еще не получены изъ Мешеда. Это удовольствіе онъ намъ доставитъ при первой возможности...

Digitized by Google

VII.

5-го іюля.

Назаръ-багъ.—Больные персы и ханскіе обѣды.

Послѣдніе два дня въ Кочанѣ не представили ничего выдающагося.

Вчера генералъ принималъ министра Мусташа-руль-мулька, явившагося въ сопровожденіи массы людей, между которыми былъ и какой-то захудалый принцъ,—сборщикъ торговыхъ пошлинъ въ Хорасанѣ. Министръ сообщилъ генералу, что желаніе его превосходительства исполнено: шахъ приглашаетъ насъ представиться въ Буджнуртѣ, куда мы и выступаемъ завтра утромъ. Это рѣшеніе подтверждаетъ еще разъ справедливость того мнѣнія, что персы, несмотря на

Digitized by Google

свою подозрительность, народъ сговорчивый. Съ ними надо только не горячиться, но и не церемониться...

Сегодня утромъ мы ѣздили осматривать прелестный загородный садъ *Назаръ-багъ*, лучшее достояніе Кочана; онъ приготовляется для пребыванія шаха. Садъ занимаетъ на лѣвомъ берегу Атрека пространство около квадратной версты; расположенъ правильнымъ четыреугольникомъ съ прямыми шоссированными аллеями и весь переполненъ, точно выхоленными, фруктовыми деревьями и цвѣтниками. Садъ обнесенъ красивой зубчатой оградой и съ восточной стороны имѣетъ изящныя ворота, арка которыхъ увѣнчана рельефными и симметрично расположенными изображеніями льва и солнца. По срединѣ сада приготовлена для ставки шаха обширная кирпичная платформа, покрытая алебастромъ, а вокругъ крестообразно расположены четыре громадныхъ бассейна крайне затѣйливой формы. Работы по устройству сада еще продолжаются подъ руководствомъ особаго спеціалиста и показываютъ все стараніе Шуджа-и-довле, чтобы расположить къ себѣ своего повелителя. «Отвага государства», говорятъ, сильно нуждается въ этомъ, ибо, по слухамъ, всеобщее неудовольствіе кочанскаго округа скопило надъ его головой страшную грозовую тучу, готовую разразиться съ громомъ и молніей *).

---

*) Мы уже были въ Асхабадѣ, когда разнесся слухъ, что во время пребыванія шаха въ Кочанѣ, къ нему со всѣхъ сторонъ посыпались жалобы на Шуджа-и-довле, и что шахъ приказалъ хану ѣхать для разбора дѣла въ Мешедъ, въ экипажѣ подъ *чернымъ пологомъ*, — такъ возятъ въ Иранѣ осужден-

Digitized by Google

Слава русскаго врача росла въ Кочанѣ необыкновенно быстро. За всѣ эти дни его осаждали толпы больныхъ мужчинъ и женщинъ. Къ нему не разъ приводили или приносили людей, разбитыхъ параличемъ и нѣсколько лѣтъ уже не владѣющихъ руками и ногами. Несмотря на всѣ объясненія, что необходимо леченіе продолжительное и систематическое, всякій требовалъ лекарства во что бы то ни стало. Бывали такіе курьезы:

— У меня и жена больна,—шепчетъ персъ, только что получившій лекарство отъ своего недуга.

— Чѣмъ-же она нездорова?

— Да это все равно,—ты только дай лекарство...

Персы въ восторгѣ, что всѣ лекарства выдаются имъ безплатно.

— Наши знахари не такъ дѣлаютъ,—объяснилъ одинъ изъ паціентовъ:—даже больныхъ, которыхъ можно вылечить самыми простыми средствами, они приводятъ сначала на край могилы, а затѣмъ пользуютъ, какъ слѣдуетъ. Этимъ способомъ они вытягиваютъ съ больныхъ все, что можно и нерѣдко разоряютъ ихъ на разныя безполезныя травы...

Любезность къ намъ кочанскаго хана была безпредѣльна, хотя многіе изъ насъ не прочь были бы

ныхъ сановниковъ. По позднѣйшимъ-же извѣстіямъ, дѣло разыгралось гораздо проще: Амиръ-Гусейнъ-ханъ послалъ куда слѣдуетъ, конечно, не съ голыми спинами, по 50 верблюдовъ, муловъ, коней и 40 тыс. руб. золотомъ. Результатъ, говорятъ, вышелъ блестящій: ханъ получилъ благодарность шаха и портретъ, украшенный бриллiантами; ему-же выданы всѣ жалобщики. Справедливо или нѣтъ, но это, къ сожалѣнію, въ духѣ Ирана.

Digitized by Google

даже откупиться отъ нея. Два раза въ день толпа его слугъ аккуратно приносила намъ обѣдъ и ужинъ, неизмѣнно состоявшій изъ двухъ сортовъ плова съ разными приправами. Нечего и говорить, что этотъ рисъ съ масломъ и безъ масла надоѣлъ всѣмъ какъ нельзя болѣе. Въ знакъ особеннаго вниманія, вчера мы удостоились получить обѣдъ отъ самого принца, но и онъ состоялъ изъ тѣхъ-же двухъ сортовъ плова. Оказывается, что по персидскимъ понятіямъ это ежедневное пичканье рисомъ было, такъ сказать, признаніемъ за нами извѣстной важности. Какъ-то разъ михмандару, или распорядителю пріема, вздумалось спросить одного изъ насъ:

— Часто вашъ генералъ ѣстъ пловъ у себя дома?

— Раза два въ мѣсяцъ, а то и въ два мѣсяца разъ. А что?

— У насъ такъ нельзя. Въ Персіи тотъ *не важный человѣкъ*, кто два раза въ день не насытилъ свой голодъ именно пловомъ. Остальными блюдами здѣсь только забавляются...

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣтилъ одинъ изъ шутниковъ,—наши конюхи-текинцы имѣютъ всѣ права, чтобы никому не уступать въ важности: они ѣдятъ пловъ три разъ въ сутки, и каждый разъ съ волчьимъ аппетитомъ...

Михмандаръ не нашелъ, что и отвѣтить.

Digitized by Google

VIII.

8-го іюля.

Достопримѣчательности и богатства восточнаго Хорасана.— Долина верхняго Атрека и феноменальный источникъ этой рѣки.—Положеніе населенія и домашнія животныя.—Ширванъ.—Обозъ принца.

Отъ Кочана до Буджнурта около 120 верстъ. Мы оставили первый изъ этихъ пунктовъ почти одновременно съ принцемъ Рукнудъ-довле, утромъ 6-го іюля. Соображаясь съ движеніемъ его высочества и въ зависимости еще отъ нѣкоторыхъ причинъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, отрядъ нашъ шелъ малыми переходами и только на пятый день достигнетъ цѣли путешествія, Буджнурта. Страна, которую мы прорѣзали за послѣдніе три дня, соста-

Digitized by Google

вляетъ западную часть Хорасана, провинціи наиболѣе населенной и называемой обыкновенно «житницей Ирана и его лучшимъ перломъ». Она, однако, далеко не представилась намъ той идеальной страной, воспѣтой Гафизомъ и Саади, «гдѣ нельзя сдѣлать шага, чтобъ не наступить на цвѣты, гдѣ ароматные лѣса полны пѣвчихъ птицъ и хрустальные ручьи текутъ подъ кустами розъ». Всѣ эти чудеса—фантазія поэтовъ, искавшихъ въ своемъ воображеніи именно того, чего не доставало ихъ отечеству, или, быть можетъ, физіономія страны уже очень измѣнилась. Но по крайней мѣрѣ флора Хорасана несравненно бѣднѣе Закавказской и, проѣхавъ въ его предѣлахъ съ лишнимъ двѣсти верстъ, мы нигдѣ не встрѣтили никакого даже намека на лѣсъ.

Не богаче. говорятъ, природа и восточнаго Хорасана, представляющаго громадный интересъ въ другихъ отношеніяхъ. Тамъ, главнымъ образомъ, сосредочились ископаемыя богатства страны, своего рода чудеса, если хотите, и историческія достопримѣчательности. Останавливаться надъ ними мы, конечно, не будемъ, но хоть бѣгло укажемъ на нѣкоторыя:

Тамъ—столица Хорасана, многолюдный и священный городъ шіитовъ, *Мешедъ*, съ золоченной гробницей Имама-Ризы, ежегодно привлекающей не одну сотню тысячъ паломниковъ, оставляющихъ этому святому отъ 7 до 8 милліоновъ рублей, безъ остатка съѣдаемыхъ мѣстнымъ духовенствомъ. Нѣкогда городъ этотъ снабжалъ весь Востокъ своими прослав-

Digitized by Google

ленными клинками, панцырями съ золотой насѣчкой и вообще роскошными военными доспѣхами, а теперь снабжаетъ Востокъ и Западъ не менѣе роскошными коврами.

Тамъ-же—«благословенный Ормуздомъ райскій уголокъ Ирана», нѣкогда грозная парфянская столица *Нисса* *), а нынѣ маленькій городокъ Нишапуръ, о которомъ Якутъ, исходившій весь древній Востокъ, говоритъ, что «не видѣлъ города, который бы можно было сравнить съ нимъ» и разгромъ котораго считается «величайшимъ изъ бѣдствій, когда-либо постигшихъ исламъ», такъ какъ до нашествія монголовъ это «былъ самый цвѣтущій, самый богатый и самый многолюдный и торговый городъ во всемъ свѣтѣ»...

Между этими городами, въ горахъ *Биналудъ*, въ *Шандизѣ* и около *Мадана*, добывается золото, серебро, мѣдь, олово, свинецъ, желѣзо, селитра, каменная соль, превосходный мраморъ, прекрасныя разновидности малахита и лучшая въ мірѣ бирюза!.. Разсказываютъ, что при иныхъ порядкахъ эксплоатированія всѣ эти представители ископаемаго царства могли бы служить источниками доходовъ многомилліонныхъ; теперь-же они приносятъ лишь гроши казнѣ шахинъ-шаха **).

*) Обширныя развалины другого *Нисса*, называемаго также столицей парфянскаго царства, лежатъ въ 16 верстахъ на юго-западъ отъ Асхабада.

**) Кочанскій ханъ говорилъ, что ежегодная арендная плата съ 15 богатѣйшихъ рудниковъ бирюзы не всегда достигаетъ 20 тысячъ рублей.

Digitized by Google

Достойны также быть отмѣченными *Каинъ*, процвѣтавшій въ эпоху зороастризма и окруженный теперь не менѣе какъ 10 тысячами руинъ, между которыми сохранились еще «башни молчанія» его прежнихъ обитателей—гебровъ; незначительный въ наши дни *Тунъ*, въ которомъ «было во время владычества арабовъ тысяча мечетей и двѣ тысячи цистернъ»; развалины великолѣпнаго нѣкогда и разрушеннаго Чингисъ-ханомъ города *Тусъ*, родины извѣстнаго астронома Насреддина, гдѣ покоятся многія знаменитости Востока и между ними Гарунъ-аль-Рашидъ и величайшій изъ сыновъ Ирана, Фердоуси, авторъ неподражаемой персидской эпопеи «Шахъ-Наме», и т. д., и. т. д.

Быть въ Хорасанѣ и не видѣть этого—все равно, что не быть въ немъ. Тѣмъ не менѣе путь нашъ лежалъ на западъ, по широкой и возвышенной долинѣ верхняго Атрека, которую миновала монгольская гроза только потому, что ей нечего было разрушать здѣсь. Долина однообразно окаймлена съ юга предгоріями Иранскаго плато, съ сѣвера—тоже предгоріями такъ называемаго «Туркменскаго Кавказа», составляющаго естественную границу Ирана съ Туркестаномъ. Этотъ послѣдній хребетъ, простирающійся подъ разными названіями,—*Копетъ-дага*, *Кюренъ-дага*, *Кара-дага* и горъ *Гюлистанскихъ*,—до самаго Парапамиза въ предѣлахъ Авганистана, считается, не смотря на отдаленность и промежуточную бездну Каспійскаго моря, правильнымъ продолженіемъ нашихъ Кавказскихъ

Digitized by Google

горъ, такъ какъ возвышенное дно Каспія между противоположными мысами, *Апшеронскимъ* и *Красноводскимъ*, раздѣляя двѣ глубокія пропасти этого моря, указываютъ на существованіе соединительной вѣтви между большимъ Кавказомъ и этимъ «Кавказомъ Туркменскимъ или Хорасанскимъ».

Такъ или иначе, но большая часть нашего пути, до Ширвана и нѣсколько далѣе, неизмѣнно тянулась по долинѣ, первую достопримѣчательность которой составляетъ феноменальный *источникъ* самого Атрека. Подъ названіемъ *Кара-Казана* (чернаго котла) онъ лежитъ у подножія горъ, около деревушки Юсуфъ-ханъ, верстахъ въ 20 выше Кочана, и представляетъ обширный, почти 30-саженной ширины бассейнъ, со дна котораго бьютъ тысячи безпрестанно перемѣщающихся вертикальныхъ струй теплой воды. Разливаясь по поверхности и пересѣкаясь своею кольцеобразною рябью, всѣ эти ключи сразу образуютъ цѣлую рѣку, которая, безъ всякихъ побочныхъ притоковъ на первыхъ 40 верстахъ своего теченія, питаетъ Кочанъ и его округъ.

Пейзажи этой долины не отличаются разнообразіемъ. Мелкія, по преимуществу, деревни разбросаны у подошвы холмовъ, окружены фруктовыми и виноградными садами и напоминаютъ отдѣльные оазисы. За незначительными исключеніями, все пространство между ними покрыто посѣвами пшеницы и ячменя, или служитъ лугами съ превосходнымъ подножнымъ кормомъ.

Digitized by Google

Населеніе деревень состоитъ изъ смѣси курдовъ, татовъ и тюрковъ съ коренными иранцами. Всѣ они исключительно заняты хлѣбопашествомъ и до такой степени незнакомы съ какими бы то ни было ремеслами, что въ одной деревнѣ на вопросъ—имѣются-ли у нихъ *мастера*—послѣдовалъ самый серьезный отвѣтъ, что есть одинъ цирюльникъ, который превосходно брѣетъ головы... Даже кузнецы и плотники, и то очень плохіе, имѣются только въ городахъ. Населеніе здѣсь вполнѣ осѣдлое, но живетъ въ грязныхъ и темныхъ глиняныхъ сакляхъ, между которыми трудно отличить жилье хозяина отъ помѣщенія его скотины. Вообще страна производила двоякое впечатлѣніе. Мы видѣли съ удовольствіемъ плодородную землю, надѣленную почти всѣми условіями для развитія относительно высокой культуры и благосостоянія, и рядомъ съ этимъ,—узкія, неприглядныя рамки, въ которыя фактически замкнулась здѣсь жизнь довольно способнаго народа. Природа, словомъ, дала здѣсь все или очень много, а человѣкъ не хочетъ, вѣрнѣе *не можетъ*, пользоваться ея дарами и коснѣетъ съ незапамятныхъ временъ въ условіяхъ почти первобытной жизни. Но персъ сознаетъ и чувствуетъ причину своего положенія, и его скрытая злоба льется, точно сквозь прорванную плотину, когда онъ встрѣчаетъ сочувствіе или не боится за послѣдствія своего откровеннаго слова. На Ахалѣ, да и вообще за предѣлами своего отечества, персъ и выглядитъ, и держитъ себя совершенно иначе. Но у

Digitized by Google

себя на родинѣ, по крайней мѣрѣ въ Хорасанѣ, онъ просто жалокъ. Его приниженная, боязливая фигура напоминаетъ здѣсь какую-то безпомощную, скрученную жертву, надъ которою поднята палка, готовая разразиться оглушительнымъ ударомъ. Мы видѣли, словомъ, народъ безспорно разумный, красивый и обладающій многими симпатичными чертами, но почти обезличенный и впавшій въ апатію подъ гнетомъ деспотизма второстепенныхъ, главнымъ образомъ, правителей. Характерно, между прочимъ, что даже мелкіе персидскіе чиновники не называютъ сельскаго обывателя иначе, какъ *ябу*—рабочій меринъ.

На ночлегахъ и привалахъ насъ попрежнему обступали толпы любопытныхъ поселянъ, и, если только находился охотникъ послушать, раздавалась одна и та-же старая пѣсня, надоѣвшая и по пути къ Кочану, о Шуджа-и-довле и его административныхъ подвигахъ...

Персія нѣкогда славилась своимъ царствомъ животныхъ. Лѣса Мазандерана, говорятъ, были населены слонами; въ горахъ Курдистана водились дикіе быки, на которыхъ охотились ассирійскіе государи. Но все это давно отошло въ область преданій. Въ сторонѣ Шираза и Мазандерана, хотя рѣдко, но встрѣчаются еще безгривый левъ и тигръ. Собственно-же въ Хорасанѣ попадаются только серны, волки, лисицы, многочисленныя стада кабановъ и кулановъ и очень рѣдко — медвѣди и леопарды. Хорасанцы гордятся своими домашними животными и не безъ основанія.

Digitized by Google

Мы весьма часто встрѣчали здѣсь лошадей рослыхъ, красивыхъ и необыкновенно выносливыхъ; по преданію, они — арабскаго происхожденія, но приняли здѣсь формы, сильно напоминающія англійскую скаковую лошадь. Верблюды Хорасана принадлежатъ къ породѣ наиболѣе сильной, поднимающей до 15 пуд., и цѣнятся поэтому очень высоко. Овцы здѣсь крупныя и отличаются чрезвычайно тонкою шерстью. Также превосходной крупной породы рогатый скотъ и, въ особенности, ослы. Затѣмъ остается упомянуть необыкновенно изящныхъ *тази*, борзыхъ собакъ, и дрессированныхъ соколовъ, которыхъ мы встрѣчали почти въ каждой деревнѣ, такъ какъ охота съ ними въ большомъ еще ходу въ Хорасанѣ...

На второй день похода мы расположились для ночлега въ деревнѣ *Ханлы*, въ 4-хъ верстахъ отъ *Ширвана*, второго города, подвластнаго Амиръ-Гусейнъ-хану. Ширванъ мы видѣли только издали, но по разсказамъ персовъ онъ тотъ-же Кочанъ, да еще въ миніатюрѣ. Въ немъ около тысячи глиняныхъ построекъ, до сотни лавокъ, три мечети, три бани, изъ коихъ одна въ развалинахъ, а вокругъ всего этого старая глиняная ограда, изъ-за которой выглядываетъ большой сѣрый курганъ съ какими-то руинами на вершинѣ. За городомъ раскинуты многочисленные сады.

На переходѣ къ Ширвану мы догнали обозъ принца и его свиты. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ непрерывно тянулись лошади и мулы, навьюченные палатками и разнымъ походнымъ скарбомъ.

Digitized by Google

Каждое животное гремѣло множествомъ бубенчиковъ и колоколами на подобіе жестяныхъ ведеръ, а всѣ вмѣстѣ наполняли воздухъ невыразимо дикимъ шумомъ, которому трудно подыскать и сравненіе. Но всего интереснѣе было для насъ въ этомъ оригинальномъ караванѣ походное движеніе персидской регулярной роты, прикрывавшей транспортъ: сарбазы шли въ разбродъ, растянувшись мелкими группами, но безъ всякаго оружія, съ однѣми палками; ружья ихъ везлись на вьюкахъ...

Digitized by Google

IX.

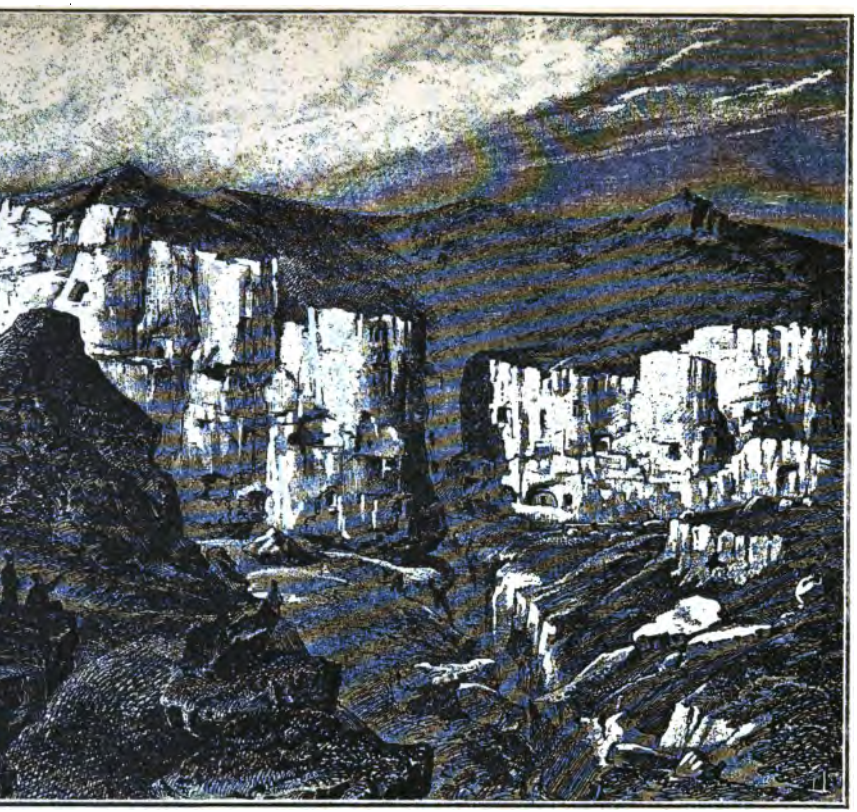
9-10 іюля.

Гюнаминскія пещеры и современное состояніе огнепоклонниковъ въ Иранѣ.

Въ *Ханлы* мы узнали, что недалеко отсюда, на склонахъ ущелья, по которому пробѣгаетъ въ Атрекъ Гюнаминская рѣчка, существуютъ *цѣлые лабиринты пещеръ, высѣченныхъ въ скалахъ* и приписываемыхъ огнепоклонникамъ—*гебрамъ*. Памятники, говорили, несомнѣнно глубочайшей древности. Любопытство загорѣлось, и вотъ, захвативъ проводника и свѣчи, я поскакалъ туда съ нѣсколькими текинцами.

Проѣхавъ верстъ двѣнадцать по извилинамъ ущелья, населеннаго нѣсколькими деревнями, мы подошли къ аулу *Гюнами*, расположенному амфитеатромъ, съ нѣсколькими башнями, на крутомъ склонѣ

Digitized by Google



й городъ гебровъ около деревни Гюнами въ Хоросанѣ.
(Съ рисунка автора).

ъ Хоросанѣ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R

Digitized by Google

лѣваго берега рѣчки. Гора, выступающая на нѣсколько сотъ футовъ надъ ауломъ, увѣнчана на верху отвѣсными утесами, вышиною около 150 футовъ и на ихъ сѣромъ фонѣ зіяютъ въ три яруса темныя отверстія нѣсколькихъ десятковъ въ безпорядкѣ разбросанныхъ пещеръ. Набросавъ карандашомъ этотъ наружный видъ, пока еще позволялъ свѣтъ уже догорающаго дня, я взялъ изъ Гюнами проводниковъ и направился къ самымъ пещерамъ. Насколько было возможно, мы поднялись верхами, а затѣмъ бросили коней и начали карабкаться къ подножію утесовъ мѣстами на четвереинькахъ, рискуя каждую секунду оборваться и полетѣть въ бездонную пропасть, которая быстро задергивалась тьмою наступающей ночи. Когда мы добрались до цѣли, уже совершенно стемнѣло. Съ нѣсколькими зажженными свѣчами мы вошли въ первую пещеру, искусственность которой внѣ всякаго сомнѣнія: стѣны почти вертикальныя и надъ ними довольно правильный сводъ съ явными слѣдами каждаго удара кирки или молота. При четырехсаженной глубинѣ, пещера имѣла три въ ширину и около полуторы сажени до вершины свода, и по тремъ сторонамъ ея тянулись ясли въ видѣ покоя. Три совершенно такія-же пещеры, покрытыя чернымъ слоемъ копоти, были расположены вѣеромъ у вогнутой части утеса и сообщались между собою посредствомъ отверстій, едва достаточныхъ для прохожденія одного согнувшагося человѣка. Проводники объяснили, что здѣсь помѣщались верблюды гебровъ.

Digitized by Google

— Почему-же не лошади?—спросилъ я.

— Аллахъ вѣдаетъ, но такъ гласитъ преданіе.

— Какъ-же могли взбираться сюда верблюды, когда и людямъ это едва удается?

— Прежде, вѣроятно, можно было,—отвѣтилъ персъ.—Всѣхъ комнатъ здѣсь болѣе 180. У насъ говорятъ, что они составляли три-четыре отдѣльныя группы и въ древности имѣли только нѣсколько входовъ. Впослѣдствіи лицевая часть утеса обрушилась. Вотъ почему наружу выглядываетъ теперь такая масса пещеръ, до которыхъ можно добраться развѣ сверху на веревкахъ. Обвалъ, надо думать, измѣнилъ и подступы къ пещерамъ; а что онъ былъ—вѣрно: внизу, около нашей деревни, до сихъ поръ валяются громадные обломки скалы, съ ясными слѣдами, что нѣкогда они составляли часть этихъ жилищъ.

Такъ или иначе, но изъ конюшни мы проникли боковымъ ходомъ въ четвертую пещеру, въ сводѣ которой виднѣлось круглое отверстіе въ толщину человѣка. Одинъ изъ нашихъ чичероне сталъ на спину другого и быстро юркнулъ въ это отверстіе; за нимъ послѣдовали и остальные. Мы очутились теперь въ закопченной пещерѣ второго яруса, уже менѣе правильной формы, но съ такимъ-же высѣченнымъ сводомъ, какъ у предъидущихъ. Въ углу ея былъ расположенъ рядъ очаговъ, а надъ нимъ большое продолговатое отверстіе, выходящее внаружу и, вѣроятно, служившее дымовой трубой и окномъ въ одно и то-же время. Толщина камня между ярусами не превышала трехъ чертвертей аршина.

Digitized by Google

Изъ этой пещеры мы вышли на уступъ скалы, висѣвшей съ наружной стороны надъ конюшнями гебровъ. Отсюда до входа въ цѣлый лабиринтъ, расположенный во второмъ ярусѣ, на разстояніи 5—6 саженъ тянется по скалѣ родъ полутоннеля; подошва ея мѣстами обвалилась и едва выступаетъ на футъ въ видѣ маленькаго стертаго и скользкаго карниза. Мѣсто чрезвычайно опасное. Я смотрѣлъ, затаивъ дыханіе, когда одинъ изъ персовъ началъ пробираться по ней, осторожно переставляя ноги. Мѣстами онъ просто висѣлъ надъ зіявшей внизу бездной, и, казалось, еще мгновеніе, и чичероне поплатится жизнью изъ за двухъ-трехъ ожидавшихъ его крановъ. Меня взяло невольное раздумье... прекратить дальнѣйшую экскурсію или рискнуть? Но страстное, почти болѣзненное желаніе осмотрѣть жилища, быть можетъ временъ самого Зороастра, восторжествовало: переживъ въ нѣсколько минутъ чуть не цѣлую вѣчность, я и не помню какъ добрался, наконецъ, до перса, стоявшаго со свѣчею у входа въ пещеру...

Пробираясь затѣмъ изъ одной глухой кельи въ другую, мы насчитали ихъ 18, почти одинаковыхъ по виду и размѣрамъ: четыре стѣны, сводъ и два отверстія для входа, что въ лабиринтѣ гебровъ устраняетъ возможность заблудиться и безъ нити Аріадны. Но эти сообщенія между пещерами расположены не всегда противоположно и мѣстами такъ узки, что приходилось ползти при помощи рукъ, и къ концу странствованія мы сбились въ направленіи. Дымовая копоть

Digitized by Google

въ такой степени насѣла и прилипла ко всѣмъ пещерамъ и ходамъ, что мракъ, царившій въ нихъ, едва разсѣвался при свѣтѣ нѣсколькихъ свѣчей. Воздухъ страшно спертый, почти удушливый, давалъ себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе..

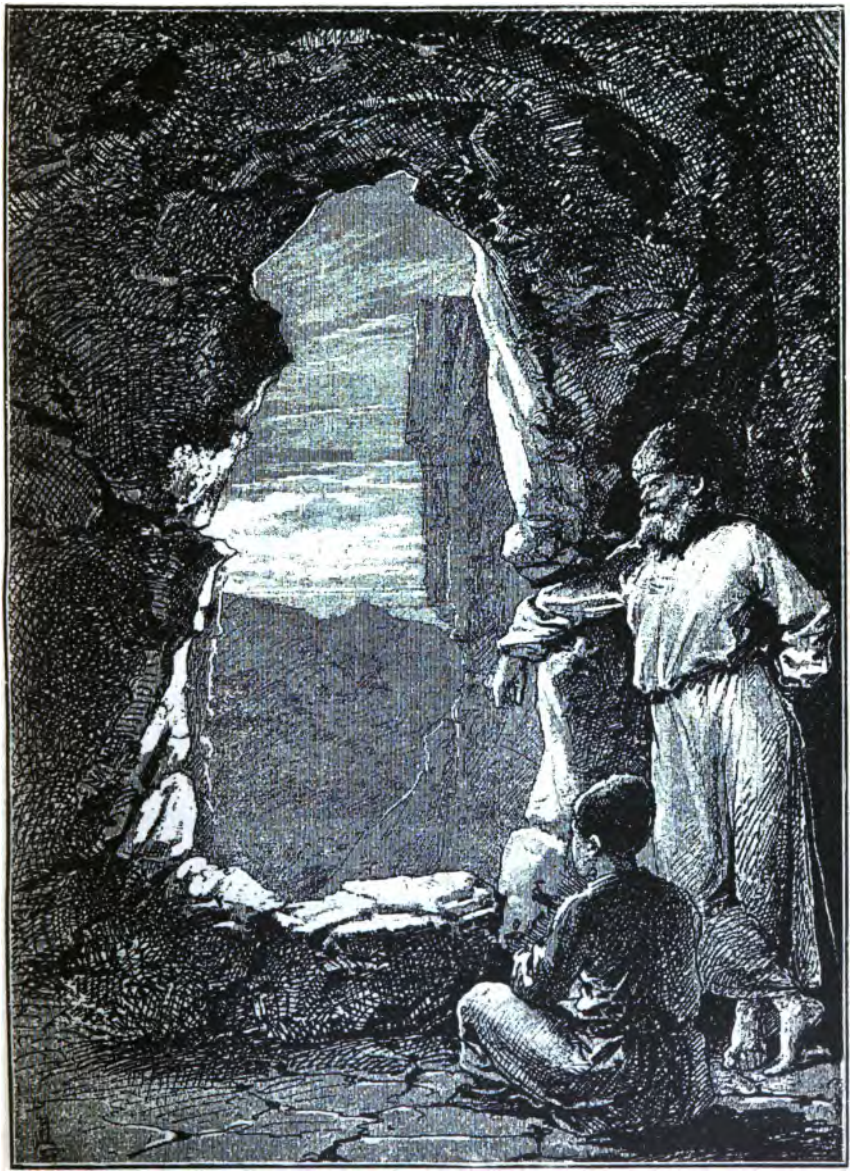
Послѣдняя или 19 пещера второго яруса, служившая водохранилищемъ, нѣсколько отличалась отъ предыдущихъ: она была обширнѣе, выше и не имѣла дальнѣйшаго сообщенія въ горизонтальномъ направленіи. На полу ея былъ высѣченъ небольшой бассейнъ, мѣстами еще сохранившій слѣды грубой штукатурки, а въ сводѣ виднѣлось круглое отверстіе для сообщенія съ третьимъ ярусомъ. Одинъ изъ персовъ поднялся по-прежнему и быстро исчезъ въ немъ, но минуты три было слышно какъ онъ кряхтѣлъ и карабкался. Но вотъ возня окончилась, персъ зажегъ свѣчу и я увидѣлъ надъ собой узкую вертикальную галлерею, поднимавшуюся аршинъ на 15, какъ дымовая труба или отверстіе колодца; по бокамъ ея лежали маленькія, едва замѣтныя гнѣзда для облегченія подъема.

— Ты не поднимайся сюда,—долетѣлъ сверху голосъ перса.—И босикомъ очень трудно, а въ твоихъ сапогахъ, да еще съ этими желѣзными «шпуками»— и вовсе нельзя.

Признаюсь, и безъ этого предупрежденія я не разсчитывалъ на успѣхъ подъема, хотя любопытство было возбуждено въ высшей степени.

— Да и не стоитъ,—продолжалъ персъ.—Здѣсь одна такая-же комната, какъ и нижняя. На полу высѣ-

Digitized by Google



Видъ на деревню Гюнами изъ пещеры гебровъ.

(Съ рисунка автора).

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
B

Digitized by Google

чены двѣ какія-то круглыя ямы,—дальше некуда идти.

— Ты смотри хорошенько,—крикнулъ я,—нѣтъ-ли какого нибудь отверстія, выхода для дыма?

— Ничего нѣтъ... духота страшная,—и персъ началъ спускаться...

Снова появившись между нами, гюнаминецъ указалъ на отверстіе въ стѣнѣ, походившее на простую трещину въ нѣсколько футовъ.

— Вотъ выходъ для дыма,—произнесъ онъ.—Отверстіе сквозное, выходитъ внаружу.

Я приподнялся и взглянулъ. Передо мною точно повисла изящная картина въ отвратительной рамѣ: сквозь сѣть мѣстами разодранной паутины на меня пахнула струя свѣжаго воздуха; затѣмъ я разглядѣлъ клочекъ неба, усыпанный яркими звѣздами; и внизу, на страшной глубинѣ, неясный очеркъ гюнаминскихъ кровель, съ кое-гдѣ мелькавшими огнями...

Послѣ этого началось обратное движеніе и черезъ четверть часа мы уже спускались къ подножію утеса... Этимъ, къ сожалѣнію, ограничилось мое знакомство съ гюнаминскими пещерами. Доступы къ остальнымъ ихъ группамъ представляли громадныя затрудненія, въ особенности ночью, и я поспѣшилъ въ лагерь, тѣмъ болѣе, что предстояло раннее выступленіе. Подобныя пещеры расположены и въ двухъ верстахъ на югъ отъ Гюнами, въ скалахъ около деревни Калача, но у жителей этой деревни, какъ и у гюнаминцевъ, не сохранилось даже преданія о вещахъ, когда-либо найденныхъ въ жилищахъ гебровъ.

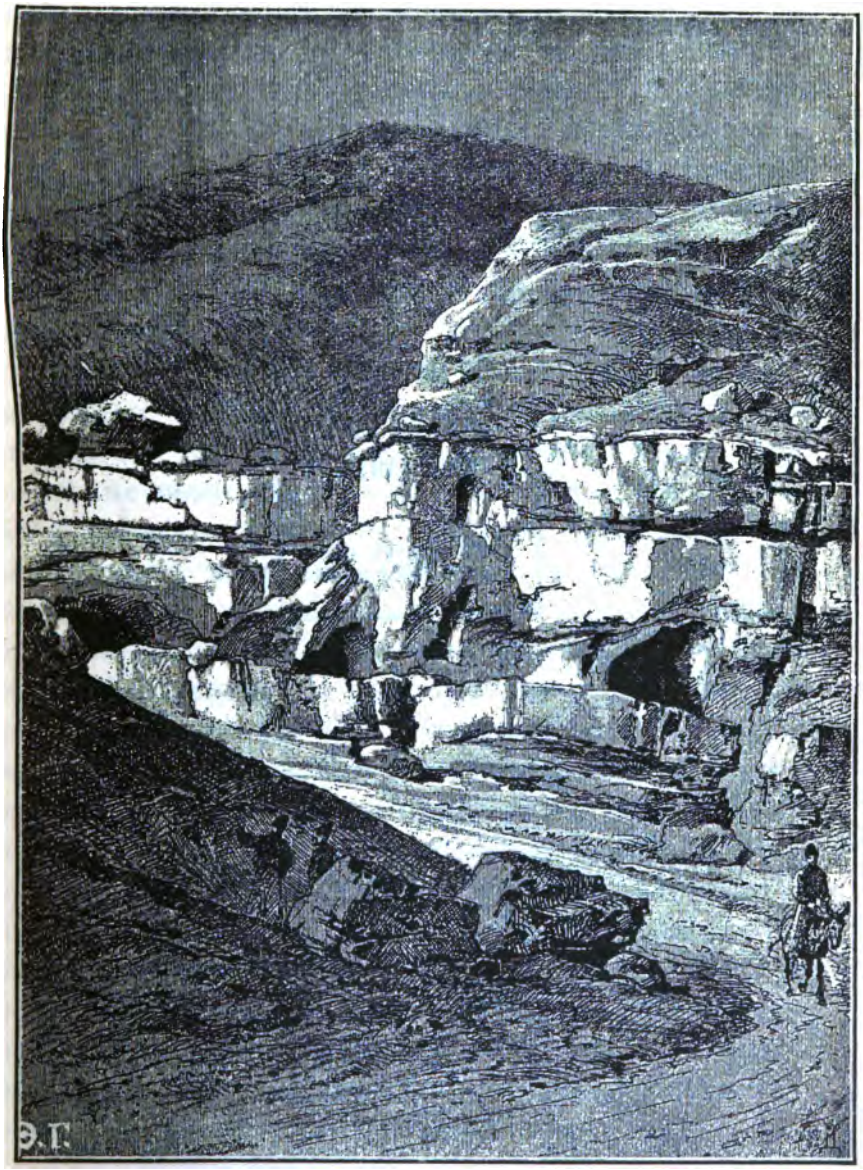
Digitized by Google

Посѣщеніе памятниковъ зороастризма даетъ намъ поводъ хоть бѣгло очертить и современное состояніе этого ученія въ Персіи.

Какъ извѣстно, главная масса сторонниковъ Зендъ-Авесты, или такъ называемые *парсы-зардушти*, пребываютъ въ Индіи. Въ Персіи-же,—и именно въ округѣ Іезда, въ Кирманѣ и въ небольшомъ количествѣ въ Тегеранѣ,—они сохранились въ числѣ не болѣе 10-ти тысячъ и оффиціально называются *атешъ-гязъ*, т. е. огнепоклонники. Въ первые вѣка ислама атешъ-гязы еще имѣли, почти въ каждой деревнѣ, свои храмы, красовавшіеся обыкновенно на вершинѣ холмовъ, свою священную книгу, и съ особою торжественностью зажигали свои огни двѣнадцати цвѣтовъ, изъ коихъ первый воспламенялся прямо солнцемъ, при помощи особыхъ стеколъ. Впослѣдствіи они подверглись гоненіямъ и всѣ ихъ «жертвенники» были разрушены, за исключеніемъ одного только, имѣющагося около Іезда, гдѣ служеніе огню хотя все еще и совершается, но уже тайно.

Въ теченіе почти трехъ тысячелѣтій и самое ученіе Зороастра настолько измѣнилось въ Персіи,—вѣрнѣе, чрезвычайно сложная и безсмысленная обрядность, разновременно введенная священниками, настолько отодвинула на задній планъ и затемнила доктрины Зендъ-Авесты, всю ея философію,—что религію нынѣшнихъ атешъ-гязовъ многіе находятъ не больше, какъ пародіей на древнее ученіе парсовъ. Словомъ, обряды религіи замѣнили здѣсь самую ре-

Digitized by Google



Пещера гебровъ около дер. Калачи въ Хоросанѣ.

(Съ рисунка автора).

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
B

Digitized by Google

лигію, и увлеченіе ея внѣшностью настолько упразднило сущность, что все богослуженіе священниковъ, или *мобедовъ*, сводится теперь къ принятію ими разныхъ позъ, къ порядку размѣщенія священныхъ очаговъ, чашъ, курильницъ, ступокъ и, наконецъ, къ тому или другому способу произношенія молитвъ и заклинаній на пехлевійскомъ языкѣ, въ которомъ ровно ничего не понимаютъ ни сами служители алтаря, ни ихъ слушатели...

Однимъ изъ послѣдствій такого направленія религіи было то, что послѣдователей зороастризма персы гнушаются теперь какъ идолопоклонниковъ и называютъ не иначе, какъ *гебръ* или *гебыръ*, что составляетъ только искаженіе арабскаго слова *гяуръ* или *кяфыръ*, т. е. невѣрный, безбожникъ. Не трудно понять, какъ должно быть безотрадно положеніе людей, отмѣченныхъ подобной кличкой, среди мусульманскихъ фанатиковъ. И дѣйствительно, гдѣ бы не показался гебръ,—онъ немедленно становится беззащитнымъ предметомъ всякихъ издѣвательствъ и поруганій; и для того, чтобы толпа не могла ошибиться въ подобныхъ случаяхъ, принявъ «истинно вѣрующихъ» за гебровъ, послѣдніе обязаны носить на платьѣ установленные для нихъ цвѣтные знаки. Даже самые богатые купцы-гебры могутъ ѣздить только на ослахъ и обязаны слѣзать при встрѣчѣ съ мусульманами. Персы безнаказанно похищаютъ ихъ дѣвушекъ, что ведетъ къ постепенному уменьшенію числа гебровъ, и если эти обездоленные люди еще не под-

Digitized by Google

верглись поголовному истребленію, то этимъ они обязаны, говорятъ, сохранившейся у нихъ грамотѣ калифа Али, обѣщавшаго имъ свое покровительство.

Одно только право сохранили за собою персидскіе гебры, это—хоронить своихъ умершихъ по обрядамъ своей религіи. Каждая община ихъ имѣетъ для этого на какой-нибудь уединенной скалѣ, *дакмé* или «башню молчанія», куда кладутъ своихъ покойниковъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ...

Несмотря, однако, на столь приниженное ихъ положеніе и окружающую вражду, нравственная физіономія гебровъ является весьма привлекательною даже подъ тѣмъ свѣтомъ, который проливаютъ на нихъ разсказы самихъ персовъ. «Нѣтъ надобности, говорятъ они, ни въ документахъ, ни даже въ свидѣтеляхъ, когда имѣешь дѣло съ гебрами: всякое слово или обѣщаніе они хранятъ свято, и такую репутацію они въ особенности завоевали себѣ, служа издавна посредниками торговыхъ сношеній Ирана съ Индіею. Въ общинахъ ихъ царитъ полная гармонія и благотворительность, такъ что особенно нуждающихся между ними почти не бываетъ. Въ дѣлахъ общественныхъ большая роль принадлежитъ *мобедамъ*, которымъ въ религіозномъ отношеніи всѣ подчиняются почти слѣпо; они-же руководятъ школами, содержимыми на общія средства. Гебръ никогда не вызываетъ спора: онъ добродушенъ, уступчивъ и неизмѣнно вѣжливъ».

Изъ разнообразныхъ обычаевъ, которыми обставленъ чуть не каждый шагъ въ жизни гебровъ, мы

Digitized by Google

отмѣтимъ самый симпатичный, по нашему мнѣнію, это — «обрядъ посвященія въ таинство» мальчиковъ, состоящій въ томъ, что въ извѣстномъ возрастѣ ихъ опоясываютъ шарфомъ, «который долженъ дать имъ силу и доблесть для совершенія добрыхъ дѣлъ»...

Достойно также вниманія еще одно обстоятельство. Между персами нерѣдкость люди, гордящіеся своей исторіей, а потому и чувствующіе симпатію къ гебрамъ, какъ къ людямъ, оставшимся вѣрными преданіямъ древняго Ирана и, между прочимъ, никогда не смѣшиваясь съ другими этническими элементами страны, вполнѣ сохранившимъ основной національный типъ *фарси*, считающійся идеально-красивымъ, и котораго они являются теперь самыми чистокровными представителями. «Между вновь возникшими на персидской почвѣ сектами, какъ утверждаетъ Ренанъ, есть такія, которыя стараются приблизиться къ древней религіи Зороастра и даже трудятся надъ возстановленіемъ древняго культа. Фердуси въ своей знаменитой «Шахъ-Наме» также чествуетъ культъ предковъ въ выраженіяхъ, почти не скрывающихъ нѣкоторую иронію надъ мусульманствомъ. «Наши отцы,— говоритъ онъ, — тоже чтили Бога. Арабы заставили насъ обращаться въ своихъ молитвахъ къ черному камню, а тѣ обращались къ огню, горѣвшему чудными цвѣтами радуги. Что-же достойнѣе поклоненія?!» — восклицаетъ онъ въ заключеніе...

Digitized by Google

X.

10-го іюля.

іаратъ.—Буджнуртскіе предѣлы.—Гермиханъ и его хозяинъ.—Встрѣча въ Буджнуртѣ.

Владѣнія кочанскаго хана тянутся еще верстъ 15 на западъ отъ Ширвана и долина верхняго Атрека, называемая персами Кочанскою, вполнѣ сохраняетъ на этомъ пространствѣ свой прежній характеръ. Между многочисленными деревнями этого района выдѣляется по величинѣ и громадному количеству садовъ—*Зіаратъ*, съ красивою гробницею сына имама Гусейна. Это—одинъ изъ священныхъ пунктовъ Персіи, куда въ извѣстное время года стекаются на поклоненіе даже изъ отдаленныхъ, южныхъ провинцій Ирана.

Digitized by Google

Около границы Буджнуртскихъ владѣній насъ догналъ *мирахуръ* принца Рукнудъ-довле. Онъ былъ присланъ передать, что его высочество имѣлъ ночлегъ въ деревнѣ Берза, недалеко отъ Ширвана, и очень сожалѣетъ, что разстояніе между двумя ставками не позволило ему провести вечеръ въ обществѣ русскихъ. Послѣ веселаго завтрака на берегу Атрека, во время котораго казаки удивляли столпившихся персовъ отчаянной лезгинкой, мирахуръ уѣхалъ въ восторгѣ отъ пріема, и въ особенности,—отъ «русскаго шербета», какъ онъ окрестилъ шампанское.

Дальнѣйшій путь нашъ лежалъ въ предѣлахъ Буджнуртскихъ. Вслѣдъ за послѣдней деревней Кочанскаго округа мѣстность принимаетъ совершенно новый характеръ: горы сдвигаются тѣснѣе и Атрекъ вступаетъ въ извилистое ущелье, составляющее почти непрерывный садъ между обнаженными склонами. Деревни встрѣчаются здѣсь еще чаще и нѣкоторыя изъ нихъ весьма живописно красуются на вершинахъ холмовъ, выступающихъ изъ-за густой зелени. Населяютъ ущелье курды. Несмотря на давнишнюю осѣдлость въ Хорасанѣ, они до сихъ поръ не могутъ отрѣшиться отъ своихъ традиціонныхъ черныхъ шатровъ; оригинальныя ихъ группы, раскинутыя на зеленыхъ прогалинахъ между садами, встрѣчались по пути столь-же часто, какъ и деревни.

Утромъ, 9-го іюля, мы выступили изъ деревни Багдемуръ, гдѣ имѣли ночлегъ въ фруктовыхъ садахъ, подъ гигантскими платанами, и часа черезъ два

Digitized by Google

снова остановились въ Гермиханѣ, несмотря на то, что къ полудню могли быть и въ самомъ Буджнуртѣ. Это было сдѣлано по желанію принца. Дѣло въ томъ, что генералъ при вступленіи въ Буджнуртъ долженъ быть встрѣченъ съ подобающими послу почестями. Но тамъ никого нѣтъ для этого; все выѣхало на встрѣчу шаха. На этомъ основаніи принцъ желаетъ прибыть въ городъ ранѣе насъ, чтобы имѣть возможность выслать свою конницу для встрѣчи генерала... Вслѣдъ за нами въ Гермиханъ пріхалъ персидскій *кяргузаръ*, или агентъ для пограничныхъ сношеній. Онъ явился къ генералу и объяснилъ причину задержки. Но у него была и другая цѣль: мусульмане постятся въ это время, такъ нельзя-ли, изъ уваженія къ религіи, чтобы русская музыка не играла въ пути и на ночлегахъ? Генералъ отвѣтилъ, что съ удовольствіемъ исполнитъ желаніе принца и что музыка наша будетъ играть только такія установленныя закономъ вещи, какъ вечерняя и утренняя зори. Персы, однако, плохо мотивировали свое желаніе. Постъ тутъ былъ *не причемъ*: несмотря на постъ, три хора музыки, какъ намъ сообщили, ежедневно услаждаютъ въ пути слухъ его величества шаха; да наконецъ насъ и сами персы встрѣчали въ нѣкоторыхъ деревняхъ зурной и барабаннымъ боемъ. Дѣйствительная причина заключалась просто въ нежеланіи, чтобы мы торжественно прошли по Хорасану, въ нежеланіи, чтобы русскіе оставили извѣстное впечатлѣніе среди населенія, которое открыто глумится надъ своимъ воинствомъ, которое

Digitized by Google

и безъ того... и т. д. Кяргузаръ пообѣдалъ съ нами и тоже уѣхалъ въ восторгѣ отъ «*русскаго шербета*», несмотря на великій мусульманскій постъ.

Ночлегъ въ Гермиханѣ, въ прелестныхъ садахъ на берегу Атрека, былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ. Деревня эта принадлежитъ *Ширъ-Магомедъ-хану*, сартибу и дядѣ нынѣшняго правителя Буджнурта. О немъ разсказываютъ не мало оригинальнаго. Одно время онъ самъ былъ правителемъ какого-то раіона, но отказался отъ власти, предпочитая всякимъ выгодамъ свободу и спокойствіе. Среди корыстолюбивыхъ персовъ подобная философія большая рѣдкость и потому Ширъ-Магомедъ-ханъ удивляетъ своихъ соотечественниковъ: онъ популяренъ, хотя его и называютъ чудакомъ. Теперь онъ живетъ въ своемъ буджнуртскомъ домѣ, преданный разведенію птицъ, собиранію рѣдкостей и окруженный толпою дервишей, которымъ отвелъ цѣлую половину своего дома. Видно по всему, что этотъ человѣкъ извѣстнаго склада ума и, во всякомъ случаѣ, нравственный. Его Гермиханъ разбитъ по плану и отличается широкими прямыми улицами и опрятнымъ видомъ, что составляетъ единственный примѣръ, по крайней мѣрѣ въ Хорасанѣ. Населеніе деревни пользуется благосостояніемъ и совершенно довольно своимъ ханомъ. Вообще въ Буджнуртскомъ округѣ мы уже не слышали тѣхъ жалобъ на злоупотребленія и поборы, которыя такимъ хоромъ раздавались въ Кочанскомъ.

Digitized by Google

Прогуливаясь вечеромъ по деревнѣ, я видѣлъ нѣсколько семействъ, ужинавшихъ подъ открытымъ небомъ передъ своими саклями. Въ каждой группѣ виднѣлись разостланные ковры, женщины и дѣти въ яркихъ бумажныхъ платьяхъ, и передъ ними на ситцевой скатерти,—пшеничный хлѣбъ, бѣлоснѣжный овечій сыръ, плоды и свѣжая зелень, и какое-то варево въ глиняныхъ чашкахъ. Эти признаки значительнаго благосостоянія здѣшняго простолюдина пріятно видѣть, въ особенности, когда вспомнишь другую знакомую обстановку,—курную избу съ лучиной и съ тараканами, черный хлѣбъ нерѣдко съ червями и родной прокислый квасъ...

Гермиханцы, по обыкновенію, все время тѣснились около нашего лагеря, то поднося генералу лепешки и плоды, то атакуя Вагнера просьбами о лекарствахъ. Кстати, онъ лишился вчера большей части своихъ медикаментовъ, такъ какъ при переправѣ черезъ одну глубокую канаву, аптечный вьюкъ свалился въ воду и сильно пострадалъ...

Сегодня утромъ мы выступили изъ Гермихана. Оставивъ въ сторонѣ Атрекъ, наша колонна пошла на юго-западъ и по отвратительной каменистой тропкѣ перевалила къ полудню черезъ горный хребетъ, отдѣляющій русло этой рѣчки отъ Буджнуртской долины. Трудно себѣ представить обстановку безотраднѣе этого сѣраго перевала! Все, что мы встрѣтили на пути въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, было одинокое фисташковое дерево, густо покрытое листьями и плодами,

Digitized by Google

почему-то причисленное къ категоріи священныхъ и обвѣшанное поэтому разноцвѣтными тряпицами. Нестерпимый жаръ нагонялъ сонъ среди этой обстановки. За то при спускѣ съ южнаго склона хребта всѣ пробудились при видѣ Буджнуртской долины. Она составляетъ дно обширной котловины, образуемой непрерывною цѣпью высокихъ горъ, охватывающихъ точно рамой цѣлую серію живописныхъ видовъ. Средину ея занимаетъ Буджнуртъ со своими многочисленными садами, изъ которыхъ кое-гдѣ выглядываютъ только башни, нѣсколько минаретовъ и боковой фасадъ пестраго ханскаго дворца съ нѣсколькими голубыми шпицами. Далѣе, до самой подошвы горъ раскинуты по зеленѣющей равнинѣ загородные сады и деревни. Словомъ, передъ нами неожиданно развернулась одна изъ тѣхъ картинъ, при видѣ которыхъ сразу валится съ плечъ и дорожная тоска, и утомленіе...

При выходѣ на равнину насъ ожидала съ неизбѣжной парой заводныхъ коней персидская конница, во главѣ которой стоялъ десятилѣтній сынъ буджнуртскаго хана, Нусратулла, выѣхавшій, по восточному обычаю, за отсутствіемъ своего родителя. Нѣсколько далѣе генерала встрѣтила также многочисленная толпа конныхъ армянъ, татаръ и текинцевъ, прибывшихъ изъ Ахала, кто въ погоню за наживой въ горячее время шахскаго проѣзда, а кто и просто,—ради предстоящихъ зрѣлищъ. Въ сопровожденіи этой пестрой массы, разсыпавшейся по равнинѣ, мы двинулись къ Буджнурту, гдѣ около городской ограды

Digitized by Google

тѣснилось почти все его населеніе. Полицейскіе съ длинными палками по обыкновенію открывали наше торжественное вступленіе въ городъ; но къ чести буджнуртскаго хана надо замѣтить, что носы у нихъ были на своихъ мѣстахъ и въ надлежащей исправности... Въ Буджнуртѣ мы расположились въ приготовленномъ для насъ домѣ нашего агента, а казаки разбили свой лагерь въ отведенномъ имъ саду, на краю города.

Digitized by Google

XI.

12-10 іюля.

Буджнуртъ, его базаръ, населеніе и промышленность.—Характеристика иранцевъ.—Сеиды, опіофаги, евреи и цыгане въ Персіи.—Новое свиданіе съ «Опорой государства».—Жизнь въ Буджнуртѣ.

Первые два дня въ Буджнуртѣ мы посвятили исключительно знакомству съ этимъ городомъ. Въ видѣ ханскаго дома, его бани и загородныхъ садовъ почти съ фантастическими лѣтними жилищами, онъ представляетъ не мало оригинальнаго, о чемъ мы и поведемъ рѣчь на своемъ мѣстѣ. Теперь-же коснемся только внѣшности города и его уличной жизни...

Буджнуртъ по величинѣ не уступаетъ Кочану, да и вообще напоминаетъ его во многихъ отноше-

Digitized by Google 528872B

ніяхъ, хотя производитъ несравненно лучшее впечатлѣніе. Городъ раскинутъ на равнинѣ почти правильнымъ четыреугольникомъ и съ трехъ сторонъ имѣетъ старую ограду съ нѣсколькими массивными воротами; западный фасъ открытъ, и здѣсь проходитъ глубокая канава съ проточною водою. Улицы довольно прямыя, но по обыкновенію узкія и глухія. Каждый дворъ окруженъ садомъ и снабженъ водою. Базаръ больше и богаче, чѣмъ въ Кочанѣ. Базарная улица, прямая, широкая, даже вымощенная и снабженная фонтаномъ, прорѣзываетъ городъ по срединѣ и выходитъ къ щегольскимъ бѣлымъ воротамъ у южнаго фаса ограды. Лавки имѣютъ весьма опрятный видъ, и онѣ гораздо многочисленнѣе, хотя товаръ, въ нихъ заключающійся, тотъ-же въ общихъ чертахъ, что мы уже видѣли въ Кочанѣ. Въ Буджнуртѣ вообще бросается въ глаза чистота, обыкновенно не свойственная какъ улицамъ на Востокѣ, такъ и въ особенности базарамъ. Эту относительно приглядную физіономію города всѣ приписываютъ заботливости нынѣшняго правителя, *Яръ-Магомедъ-хана*, человѣка, не лишеннаго способностей и архитектора по призванію. Выстроенный здѣсь подъ личнымъ его руководствомъ дворецъ, вмѣстѣ съ загороднымъ садомъ *Азаръ-бегъ*, можетъ служить, помимо другихъ достоинствъ, образцами чистоты безукоризненной. Едва-ли нужно говорить, что въ остальныхъ отношеніяхъ физіономія буджнуртскаго базара чисто восточная, персидская: тѣ-же толпы пѣшихъ и кон-

Digitized by Google

ныхъ, снующія по всѣмъ направленіямъ, и тѣ-же растрепанные дервиши въ лохмотьяхъ, кривляющіеся на всѣхъ перекресткахъ... Пріятно поражаетъ здѣсь, между прочимъ, манера торговцевъ. Каждый изъ нихъ сидитъ занятый своимъ дѣломъ и на васъ не обращаетъ вниманія до тѣхъ поръ, пока вы не вошли въ лавку и не поставили вопроса. Здѣсь нѣтъ назойливаго и отталкивающаго на нашихъ рынкахъ гостинодворскаго зазыванія. Отмѣтимъ, кстати, что и на базарѣ Буджнурта, гдѣ толпились тысячи людей, мы не видѣли ни одного кожанаго носа и вообще ни одного человѣка, изуродованнаго или искалѣченнаго варварскими наказаніями.

До появленія русскихъ на Ахалѣ, Буджнуртъ, вмѣстѣ съ Келатомъ и Сараксомъ, игралъ роль передоваго оплота Персіи на границѣ Турана и поэтому еще во времена Надира былъ заселенъ, какъ элементомъ храбрымъ и воинственнымъ, курдами. Они и составляютъ съ тѣхъ поръ главную массу населенія какъ этого города, такъ и всей пограничной полосы, идущей вдоль Копетъ-дага, но уже оперсіянились за полтора вѣка въ такой степени, что очень мало напоминаютъ своихъ, все еще статныхъ и гордыхъ, приараратскихъ собратьевъ.

Буджнуртскіе курды-горожане занимаются теперь мелкой торговлей и нѣкоторыми ремеслами. Они не дурно выдѣлываютъ, между прочимъ, мѣдные котлы; но въ дѣлѣ производства шелковыхъ тканей и ковровъ далеко уступаютъ своимъ согражданамъ-иран-

Digitized by Google

цамъ, успѣшно конкурирующимъ даже съ прославленными мешедскими мастерами. Въ сущности этими двумя-тремя отраслями и исчерпывается вся промышленность Буджнурта, если не считать небольшое количество сѣдельныхъ уборовъ, да такъ называемые *абширахуръ* или ажурныя пальмовыя ложки, служащія для разливанія шербета.

Постоянное населеніе Буджнурта опредѣляютъ тысячъ въ десять. Но теперь, въ ожиданіи шахскаго пріѣзда, сюда нахлынула изъ окрестныхъ деревень и провинцій такая масса искателей наживы и просто любопытныхъ, что число это по крайней мѣрѣ утроилось. Базаръ, всѣ улицы и ближайшія окрестности города кишатъ представителями чуть не всѣхъ племенъ, населяющихъ Персію. Коренные иранцы выдѣляются въ этомъ этнографическомъ собраніи какъ самые симпатичные. Большею частью брюнеты, съ правильными чертами и съ блѣдно-матовымъ цвѣтомъ лица, они не такъ мужественны на видъ, да и на самомъ дѣлѣ, какъ туркмены и курды, и уступаютъ этимъ смуглымъ и неповоротливымъ сынамъ природы своимъ сложеніемъ, ростомъ и вообще качествами солдата. Но большіе черные глаза ихъ блещутъ умомъ и сравнительная культурность проглядываетъ въ рѣчахъ и въ обращеніи даже простолюдиновъ; они изысканно вѣжливы, въ особенности съ иностранцами. Менѣе отличаются отъ иранцевъ арабы, давно уже утратившіе свой костюмъ, языкъ и даже типъ.

Digitized by Google

Характерную особенность всякаго персидскаго сборища, и базарнаго въ особенности, помимо вѣчно всклокоченныхъ и чуть не звѣроподобныхъ бродягъ-дервишей, составляютъ два еще типа, являющіеся двумя контрастами по физическому облику и внутреннимъ побужденіямъ, но въ то-же время почти въ равной степени подтачивающіе государственный организмъ Ирана. Это, если можно такъ выразиться, *сеиды*—собиратели личнаго и семейнаго благосостоянія, и, такъ называемые, *дирьякхоры*—его разрушители.

Сеиды, какъ извѣстно, выдаютъ себя за потомковъ мусульманскаго пророка и таковыми ихъ дѣйствительно признаетъ въ Персіи фанатическая часть населенія. Они отличаются необыкновенной благообразностью, упитанностью, а отъ остального духовенства—и своими традиціонными синими чалмами. Профессія этихъ людей—эксплоатированіе на религіозной почвѣ темнаго люда, или, другими словами, обираніе народа во имя заслугъ своихъ мнимыхъ предковъ. Увѣряютъ, что настоящихъ сеидовъ вовсе нѣтъ въ Персіи. Между тѣмъ, число величающихъ себя этимъ титуломъ уже простирается, говорятъ, до полутораста тысячъ и оно ростетъ постоянно, такъ какъ для того, чтобы быть признаннымъ въ этомъ званіи, достаточно удостовѣреніе 16 другихъ сеидовъ, а это легко пріобрѣтается за извѣстную плату. Сравнительно еще недавно, именно до воцаренія Надира, когда и персидская династія причисляла себя къ потомкамъ пророка, сеиды пользовались

Digitized by Google

здѣсь широчайшими правами и, между прочимъ,— даже говорить правду своему государю! Но теперешніе каджары не принадлежатъ къ этому роду и болѣе чѣмъ не долюбливаютъ сеидовъ. Тѣмъ не менѣе, искусно пользуясь слабостью хотя и деспотическаго, но неспособнаго правительства, и все еще составляя поэтому привилегированную духовную касту страны, сеиды являются элементомъ фанатизирующимъ народъ, а слѣдовательно и не послѣдней причиной его отсталости и враждебнаго отношенія ко всему европейскому. Мы здѣсь слышали, что, преслѣдуя интересы своей касты, они-же обыкновенно побуждаютъ чернь къ разнымъ смутамъ, такъ часто колеблющимъ спокойствіе Ирана.

Дирьякхоры или курильщики опіума составляютъ другую язву Персіи. Къ этимъ несчастнымъ людямъ, ищущимъ экстаза въ опьяненіи, здоровая часть населенія относится точно такъ-же, какъ у насъ къ отпѣтымъ алкоголикамъ. Поэтому ни одинъ опіофагъ никогда не признается въ этой пагубной страсти и причину истощеннаго состоянія своего организма объясняетъ обыкновенно обычнымъ яко-бы кровопусканіемъ при каждомъ новолуніи. Но ихъ легко, однако, отличить по мертвенно-блѣдному цвѣту лица, мутнымъ глазамъ и угнетенному состоянію духа, проглядывающему въ каждомъ ихъ движеніи... Персы разсказываютъ, что всякій собратъ ихъ, трижды попробовавшій опіумъ, уже не отстаетъ отъ него; а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ организмъ курильщика отрав-

Digitized by Google

ляется въ такой степени, что онъ и при желаніи не въ силахъ бросить опіумъ, не рискуя жизнью. Благодаря этой страсти, говорятъ, добрая четверть персидскаго населенія проматываетъ на опіумъ все свое состояніе, разоряетъ семью, дряхлѣетъ преждевременно и гибнетъ почти въ цвѣтѣ лѣтъ, не оставляя, конечно, никакого потомства...

Вездѣсущіе евреи тоже фигурировали на базарѣ Буджнурта, хотя обыкновенно они не живутъ здѣсь и появились изъ Мешеда, гдѣ ихъ главный притонъ, только на время пребыванія шаха. По словамъ этихъ сыновъ Израиля, они, хотя въ небольшомъ числѣ, не болѣе 30 тысячъ душъ, живутъ въ Персіи съ незапамятныхъ временъ и давно уже утратили здѣсь языкъ своихъ предковъ. Но типъ свой, характерный акцентъ, жесты и ужимки они сохранили въ такой степени, что при каждой встрѣчѣ съ ними, казалось, видишь передъ собой, ни дать—ни взять, гешефтмахеровъ хотя-бы изъ Бердичева, довольно неумѣло перерядившихся въ костюмъ иранцевъ. И занятія здѣшнихъ евреевъ тѣ-же, что и на всемъ земномъ шарѣ: они по преимуществу—ювелиры, часовщики, мѣнялы, маклера и ростовщики, при случаѣ охотно снабжающіе персовъ виномъ и водкой своей фабрикаціи, опіумомъ, средствами отъ безплодія, контрабандой всякой и т. д. Подъ вліяніемъ жестокихъ гоненій, большая часть персидскихъ евреевъ наружно приняла исламъ, но въ тайнѣ держится своей религіи и такъ сильно, что, по ихъ-же словамъ,

Digitized by Google

даже цѣлые вѣка не представили здѣсь ни одного примѣра искренняго обращенія еврея въ мусульманство. Зная это, персы питаютъ къ нимъ еще большее презрѣніе, чѣмъ къ гебрамъ. Между прочимъ, на евреевъ, какъ на людей отверженныхъ, возложено здѣсь погребеніе всѣхъ казненныхъ. Никогда не задумываясь надъ способомъ наживы, евреи умудрились даже и это обратить въ статью дохода!.. Они продаютъ трупъ родственникамъ казненнаго, угрожая въ противномъ случаѣ бросить его собакамъ...

За чертой города мы имѣли случай видѣть и небольшой таборъ здѣшнихъ цыганъ, называющихъ себя *лули*. Число ихъ въ Персіи возводятъ до ста тысячъ и въ сущности они не многимъ отличаются отъ своихъ европейскихъ соплеменниковъ. Приноравливаясь ко всякой религіи и не исповѣдуя почти никакой, они ведутъ здѣсь тотъ-же бродячій образъ жизни и ресурсами ихъ существованія служатъ, какъ и вездѣ, мастерства въ родѣ кузнечества и луженія посуды, барышничество и гаданіе, конокрадство да, по всей вѣроятности, и всѣ другіе виды кражи; по крайней мѣрѣ персы не называютъ ихъ иначе, какъ *карачи* (воръ) и здѣсь это названіе укоренилось за ними какъ этническое. Но при всемъ томъ, да еще въ добавокъ не смотря на грязь и лохмотья, столь свойственныя этой расѣ, давно признанная красота цыганъ поражаетъ въ Персіи еще болѣе чѣмъ въ Европѣ. Природный умъ сквозитъ въ каждомъ изъ нихъ. Тонкія черты ихъ исполнены не только выразительности,

Digitized by Google

но и чарующей прелести, и это въ особенности вѣрно относительно ихъ женщинъ, въ большинствѣ стройныхъ и обладающихъ блестящимъ взоромъ, загадочнымъ какъ и все ихъ племя... Благодаря необыкновенной представительности и красотѣ цыганъ, изъ нихъ, говорятъ, вербуются всѣ *шатыри* или скороходы, которые во время парадныхъ выѣздовъ шаха бѣгутъ впереди и по сторонамъ его экипажа, съ цвѣтами на шапкахъ, въ красныхъ кафтанахъ и длинныхъ бѣлыхъ чулкахъ...

И помимо всего этого, Буджнуртъ представляетъ въ эти дни огромный матеріалъ для всякихъ этнографическихъ наблюденій и замѣтокъ. Куда ни заглянешь, — вездѣ царитъ необычайное оживленіе. На всѣхъ улицахъ представляютъ, кривляются и шумятъ разные скоморохи съ обезьянами, фокусники, пѣвцы и плясуны, нахлынувшіе со всѣхъ сторонъ въ ожиданіи пріѣзда шаха, и волны пестраго люда то и дѣло переливаютъ, въ особенности по базару, стремясь отъ одного зрѣлища къ другому... Но надъ всѣмъ этимъ мы не будемъ останавливаться и вернемся къ впечатлѣніямъ болѣе субъективнаго характера.

Вчера-же въ 10 часовъ утра нашъ генералъ имѣлъ второе свиданіе съ принцемъ *Рукнудъ-довле*. Наканунѣ мирахуръ извѣстилъ нашего агента, что его высочество «*уже получилъ изъ Мешеда свои ордена и поэтому желаетъ еще разъ видѣться съ генераломъ*». Принцъ помѣстился здѣсь въ павильонѣ одного изъ загородныхъ садовъ, и мы поѣхали къ нему въ его-же каретахъ,

Digitized by Google

обставленныхъ обычною пышностью,—пикинерами, булавоносцами и скороходами. «Опора государства» былъ одѣтъ на этотъ разъ въ кафтанъ изъ пестрой шали, обшитый по гусарски золотыми шнурами, и на немъ дѣйствительно блистали большія брилліантовыя застежки съ жемчужными кистями, нѣсколько звѣздъ и портретъ шаха, осыпанный, какъ и сабля, крупными драгоцѣнными камнями. Черные панталоны съ широкимъ золотымъ лампасомъ дополняли его нарядъ; но сапогъ не было по прежнему. Онъ сидѣлъ во второмъ этажѣ павильона, передъ красивымъ журчащимъ бассейномъ, въ которомъ плавали сотни румяныхъ яблокъ, брошенныхъ туда для вящаго эффекта.

— Какъ здоровье *джанаби-сардара?* какъ ѣздилось?—началъ принцъ при входѣ генерала, протягивая ему руку и приглашая садиться.

— Благодаря вниманію вашего высочества, мы встрѣтили вездѣ одну заботливость о нашихъ удобствахъ и всѣ наши желанія предупреждались,—отвѣчалъ генералъ.—Пребываніе въ Хорасанѣ составитъ поэтому одно изъ моихъ пріятнѣйшихъ воспоминаній, и я не нахожу словъ для выраженія моей признательности... Надѣюсь, ваше высочество, также хорошо чувствуете себя послѣ путешествія?

— Благодареніе Аллаху!—воскликнулъ принцъ,—кальянъ!—добавилъ онъ, сдвинувъ свои густыя брови и бросивъ грозный взглядъ въ сторону прислуги.

Тамъ только этого и ждали. Гремя золотыми подвѣсками, драгоцѣнный кальянъ появился момен-

Digitized by Google

тально и также быстро зарокоталъ въ пухлой рукѣ принца, одѣтой въ бѣлую нитяную перчатку. Генералу опять поднесли «цыгарки» персидскаго издѣлія. Въ волнахъ ароматическаго дыма не полилась, однако, сколько-нибудь интересная для насъ бесѣда; не помогъ ей и другой ароматъ вскорѣ появившагося душистаго чая. Принцъ, какъ и первый разъ, предлагалъ наивные вопросы, дѣлая при этомъ самые неожиданные скачки отъ одного предмета къ другому, а затѣмъ, почти молча выслушивалъ объясненія генерала. Между прочимъ, онъ пожелалъ узнать устройство русской арміи вообще и регулярной кавалеріи въ особенности, и, выслушавъ цѣлый разсказъ о нашихъ драгунахъ, продолжалъ:

— Я вчера читалъ въ *Рузъ-наме*, что какіе-то люди хотѣли поджечь весь Лондонъ. Правда ли это?— Принцъ, конечно, забылъ, что этотъ вопросъ былъ уже предложенъ въ Кочанѣ и вызвалъ цѣлыя сужденія о соціалистахъ и бабизмѣ...

Въ отвѣтахъ на подобные вопросы прошелъ цѣлый часъ. Въ заключеніе пріема принцъ объявилъ, что черезъ нѣсколько часовъ уѣзжаетъ на встрѣчу шаха и предложилъ генералу осмотрѣть *Азаръ-багъ*, загородный садъ буджнуртскаго хана, приготовленный для пребыванія его величества.

— Достоинъ вниманія!—многозначительно воскликнулъ онъ по поводу этого сада...

По пути въ *Азаръ-багъ* мы зашли на нѣсколько минутъ въ шелковую палатку почтеннаго Мусташа-

Digitized by Google

руль-Мулька, освѣдомились подъ усыпляющій рокотъ нѣсколькихъ кальяновъ о состояніи его драгоцѣннаго здоровья послѣ путешествія, а затѣмъ отправились осматривать прелести ханскаго сада, къ которому мы еще вернемся.

Буджнуртская ханша прислала сегодня вечеромъ двухъ своихъ сыновей освѣдомиться о здоровьи генерала. Со старшимъ изъ нихъ, Нусратуллой, мы уже нѣсколько знакомы; второй такой-же хорошенькій и неуклюжій персюкъ, какъ и первый. Въ лицѣ этихъ мальчиковъ мы встрѣтили здѣсь первыхъ, хотя и маленькихъ, людей, относительно которыхъ сдѣлана хотя попытка привить къ нимъ плоды европейской мудрости. Къ нимъ былъ приставленъ гувернеръ-французъ, случайно найденный въ Асхабадѣ и вскорѣ, однако, прогнанный за безцеремонное вторженіе въ дѣла мѣстнаго управленія. Его замѣняетъ теперь какой-то подозрительный авантюристъ въ тюрбанѣ, выдающій себя за египтянина. Благодаря этимъ наставникамъ и если вѣрить послѣднему изъ нихъ, дѣти говорятъ по французски, но по застѣнчивости отдѣлываются пока одними *oui monsieur* и *non monsieur*. У насъ ихъ угостили разными сладостями, позабавили волшебнымъ фонаремъ и отправили домой въ восторгѣ отъ видѣннаго и еще болѣе отъ подарковъ, въ числѣ коихъ имъ дали и фонарь со всѣми картинками.

Наша буджнуртская жизнь составляетъ пока повтореніе жизни въ Кочанѣ, и дворъ нашъ, какъ и тамъ,

Digitized by Google

переполненъ съ утра до вечера толпою больныхъ мужчинъ и женщинъ. Разница лишь въ томъ, что два сорта плова присылаетъ намъ два раза въ сутки не «Отвага государства», а любезная жена Яръ-Магомедъ-хана, «Стрѣлы государства». Но здѣсь они больше фигурируютъ на нашемъ столѣ для успокоенія почтенной ханши, такъ какъ поваръ изъ Асхабада исправно работаетъ на кухнѣ нашего агента...

Digitized by Google

XII.

НАСРЕДДИНЪ-ШАХЪ *).

Каджарская династія.—Воспитаніе Насреддина, воцареніе и смуты въ началѣ царствованія.—Біографы шаха, его стремленія и реформы.—Характеристика приближенныхъ и персидскіе порядки.—Финансовая система и сокровища шаха.—Результаты путешествій шаха, его высокомѣріе, титулы и слабость.—Частная жизнь Насреддина, его гаремъ и дѣти.

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу о встрѣчѣ Насреддинъ-шаха, считаю не лишнимъ привести здѣсь, со словъ біографовъ, нѣкоторыя свѣдѣнія какъ о личности этого повелителя Персіи, такъ и о династіи, которой онъ служитъ представителемъ.

---

*) Въ настоящій очеркъ вошли нѣкоторыя свѣдѣнія, появившіяся въ печати и позже нашего путешествія въ Персію.

Digitized by Google

Послѣдній портретъ

Насреддинъ-Шаха.

1895.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

Digitized by Google

Насреддинъ, какъ извѣстно,—четвертый государь изъ династіи *Каджаровъ*, основанной «однимъ изъ самыхъ подлыхъ и кровожадныхъ негодяевъ всемірной исторіи», какъ выражается А. Мюллеръ въ своей «Исторіи Ислама»,—кастратомъ, а потому и ненавистникомъ человѣчества, Ага-Мухаммедъ-ханомъ. Воспользовавшись страшной неурядицей, раздиравшей Иранъ послѣ смерти Надиръ-шаха въ теченіи почти полувѣка, и поднявъ возмущеніе племени каджаровъ, къ которому принадлежалъ и самъ, Ага-Мухаммедъ, послѣ тринадцатилѣтняго междоусобія, восторжествовалъ, наконецъ, въ 1795 году, надъ послѣднимъ шахомъ изъ династіи Зендидовъ, Лютфъ-Али-ханомъ, и достигъ трона. Этотъ успѣхъ ненавистнаго каджара повергъ въ скорбь и печаль всю Персію еще и потому, по словамъ историковъ, что Лютфъ-Али-ханъ, необыкновенно храбрый юноша, которому не было еще и 25 лѣтъ, отличался самыми привлекательными качествами, и, послѣ неутомимой, достойной удивленія защиты Шираза, былъ раненъ и попалъ въ плѣнъ, только благодаря низкой измѣнѣ одного изъ хановъ. Тѣмъ не менѣе, день своего воцаренія кастратъ не могъ не ознаменовать дѣломъ, характеризующимъ его какъ нельзя болѣе: онъ велѣлъ казнить злополучнаго шаха передъ окнами своего дворца медленною смертью, и на шею молодого героя сперва надѣли раскаленный желѣзный таганъ, затѣмъ отсѣкли руку, выкололи глаза и, вволю поиздѣвавшись надъ несчастнымъ, мучитель приказалъ

Digitized by Google

отправить его въ Тегеранъ и тамъ довершить казнь...

Но не долго тиранилъ бездушный скопецъ, вознесенный на тронъ слѣпымъ счастіемъ. Черезъ два года онъ былъ заколотъ въ Шушѣ своимъ слугой, по его милости безвинно потерявшимъ наканунѣ свои уши, и «смерть его была,—говоритъ одинъ изъ біографовъ,—счастливымъ событіемъ для всѣхъ его подданныхъ. Не одни глаза несчастныхъ матерей осушились отъ слезъ по своимъ невинно погибшимъ дѣтямъ, ни одинъ житель Ирана обрадовался погибели злодѣя, такъ сильно жаждавшаго человѣческой крови». Сердцу его не было доступно милосердіе; имъ руководили только властолюбіе, жадность и месть, не знавшія предѣловъ. По свидѣтельству его-же перваго министра Хаджи-Ибрагима, «голова Ага-Мухаммеда ничего не позволяла дѣлать ему собственными руками. Любимые способы его дѣйствій заключились въ хитростяхъ и обманахъ, и я не знаю ни одного случая гдѣбы этотъ монархъ показалъ мужество»...

Таковъ былъ родоначальникъ династіи Каджаровъ. «Его преемникъ Фатали-шахъ, внукъ его Мухаммедъ-шахъ и сынъ этого послѣдняго, нынѣ царствующій Насреддинъ, — говоритъ историкъ «Ислама»,—вели себя не слишкомъ непростительно для восточныхъ деспотовъ; но это—династія, во-первыхъ, *не популярная*, какъ не принадлежащая къ сеидамъ и вышедшая изъ племени, имя котораго всегда считалось браннымъ словомъ въ Персіи; во-вторыхъ—*не-*

Digitized by Google

способная, такъ какъ въ трудныхъ вопросахъ, касающихся общаго обѣдненія страны, расшатанности финансовъ и войска, и угрожающаго вмѣшательства западнаго вліянія, оказывается еще болѣе безпомощной, чѣмъ ея смертельные враги и все-таки товарищи по несчастью, сунитскіе султаны Истамбула».

Такъ или иначе, Насреддинъ-шахъ родился въ 1829-мъ году и получилъ образованіе чисто персидское, т. е. лишенное всякой научной подкладки. Онъ хорошо знакомъ съ поэтической и псевдо-исторической литературой своей страны, такъ какъ *сочиненія* персидскихъ авторовъ, переполненныя вымыслами и напыщенными дифирамбами въ честь разныхъ шаховъ, конечно, не могутъ быть отнесены къ категоріи произведеній строго историческихъ. Затѣмъ, онъ нѣсколько владѣетъ французскимъ языкомъ, считается отличнымъ калиграфомъ, любилъ когда-то рисовать цвѣты, любитъ музыку и, по персидскимъ переводнымъ источникамъ, знакомъ въ общихъ чертахъ, и преимущественно съ анекдотической стороны, съ жизнью такихъ, сравнительно недавнихъ, государей Запада, какъ Людовикъ XIV, Петръ Великій, Екатерина II и Наполеонъ I. Наконецъ, съ политическимъ дѣленіемъ Европы, и вообще съ географіею этой части свѣта, на сколько это возможно сдѣлать въ экстренныхъ поѣздахъ, онъ познакомился во время своихъ заграничныхъ путешествій. Вотъ весь матеріалъ, на которомъ въ окончательной формѣ выработался умственный кругозоръ нынѣшняго персидскаго монарха.

Digitized by Google

Еще ребенкомъ, въ 1837-мъ году, Насреддину, какъ наслѣднику персидскаго престола, пришлось выѣхать изъ отечества, чтобы отъ имени своего родителя привѣтствовать Императора Николая Павловича, посѣтившаго въ этомъ году пограничную Эриванскую губернію. Это было первое заграничное путешествіе принца. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ отправленъ въ Тавризъ, въ традиціонное мѣстопребываніе персидскихъ наслѣдниковъ, управлять, подъ руководствомъ Мирза-Таги-хана, одного изъ даровитыхъ людей Персіи, важнѣйшею въ государствѣ Адербейджанскою провинціею. Пробывши здѣсь только до 17-ти лѣтняго возраста, онъ не могъ, конечно, набраться административной опытности, тѣмъ болѣе, что фактически и не управлялъ страною. Но восьмилѣтнее пребываніе въ дали отъ гарема и растлѣвающихъ интригъ Тегеранскаго двора, да, къ тому-же, въ постоянномъ общеніи съ разумнымъ совѣтникомъ, какимъ былъ, говорятъ, Мирза-Таги, не могло остаться безъ нѣкотораго вліянія на молодого принца, чему персы и приписываютъ сравнительную гуманность и любовь къ справедливости, довольно часто проглядывавшія въ поступкахъ нынѣшняго ихъ повелителя.

Насреддинъ воцарился въ 1846 году при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Послѣ смерти Мухаммедъ-шаха, одинъ изъ его братьевъ выступилъ въ Тегеранѣ въ качествѣ претендента на престолъ и немедленно принялъ мѣры, чтобы попутное населеніе воспрепятствовало проѣзду

Digitized by Google

наслѣдника изъ Тавриза въ столицу. Во время извѣщенный объ этомъ Аничковъ, тогдашній русскій консулъ въ Тавризѣ, говорятъ, разбудилъ Насреддина ночью, поздравилъ его шахомъ и предложилъ спѣшить съ собою въ Тегеранъ для воцаренія. Выѣздъ послѣдовалъ въ ту-же ночь и путь до Казвина былъ пройденъ безпрепятственно; но здѣсь населеніе преградило дорогу. О томъ, чтобы пробиться, не могло быть и рѣчи, по слабости конвоя и по личнымъ свойствамъ наслѣдника; оставалось одно средство получить пропускъ, это—всемогущее въ Персіи золото, котораго также не оказалось у Насреддина. Къ счастію, оно нашлось у Аничкова, и тогда казвинцы не только пропустили поѣздъ, но еще конвоировали его до Тегерана и отчасти способствовали здѣсь подавленію смутъ, затѣянныхъ претендентомъ, послѣ которыхъ Насреддинъ уже сталъ фактическимъ повелителемъ Ирана.

Этимъ, однако, не ограничились волненія, вызванныя воцареніемъ Насреддина. На первыхъ-же порахъ онъ едва не погибъ жертвою заговора. Затѣмъ, въ короткое время вспыхнули еще четыре возмущенія: въ Тегеранѣ—нѣкоего Мамадъ-Гасанъ-хана, успѣвшаго возбудить къ неповиновенію часть столичнаго населенія; въ Казвинѣ—новаго претендента на престолъ, принца Сейфуль-Мулька; въ Іездѣ—мѣстнаго губернатора Бежанъ-хана и, наконецъ, — затѣянное Саларомъ въ Хорасанѣ. Но всѣ эти безпорядки не имѣли серьезныхъ послѣдствій и смѣнились довольно

Digitized by Google

продолжительнымъ спокойствіемъ, позволившимъ молодому шаху отдаться дѣлу управленія, проявить свои индивидуальныя стремленія и способности...

О Насреддинѣ много писали и персы, и иностранцы. Но первые, въ видахъ огражденія своихъ пятокъ, а то и головы, поневолѣ примѣняютъ къ своимъ повелителямъ извѣстное правило, котораго римляне держались относительно мертвыхъ: они или ничего не пишутъ о шахѣ, или расточаютъ по его адресу напыщенные дифирамбы; истину, слѣдовательно, у нихъ напрасно искать. Съ неменьшею осмотрительностью нужно относиться и къ писаніямъ нѣкоторыхъ европейцевъ, слишкомъ щедрыхъ на восхваленія, очевидно, съ предвзятою цѣлью. Если вѣрить имъ,—Насреддинъ очень рано обнаружилъ симпатію къ западной культурѣ и, подражая Петру Великому, такъ энергично повелъ дѣло пересозданія всего персидскаго строя на современный европейскій ладъ, что вполнѣ заслужилъ репутацію реформатора своей страны. Они говорятъ, что шахъ много боролся и отстаивалъ, иногда съ опасностью жизни, свои начинанія и нововведенія, которыя возбуждали сопротивленіе фанатичной среды, наиболѣе вліятельной въ странѣ, и пришлись далеко не по вкусу закоснѣлымъ въ своеобразныхъ понятіяхъ персамъ, въ особенности сановникамъ и приближеннымъ шаха, не настолько развитымъ, чтобы понимать благія цѣли реформъ, или не столь безкорыстнымъ, чтобы предпочесть общее благо страны своимъ личнымъ выгодамъ. Они-же

Digitized by Google

увѣряютъ далѣе, что реформы свои новый шахъ началъ въ первый-же годъ своего царствованія рядомъ настоятельно необходимыхъ перемѣнъ въ системѣ высшаго управленія государствомъ и выказалъ при этомъ замѣчательную силу воли и характера, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, если видѣлъ, что предпринимаемое имъ можетъ принести пользу. Въ итогѣ слѣдуетъ, что все европейское находитъ настолько живое сочувствіе у нынѣшняго повелителя Персіи и такъ охотно и умѣло примѣняется имъ къ своему государству, что знавшій эту страну раньше не узналъ-бы ее теперь, или, по крайней мѣрѣ, будетъ пораженъ происшедшей въ ней перемѣной...

Какъ воспитанный въ сферѣ самой беззастѣнчивой лести, нынѣшній шахъ очень падокъ на подобный ѳиміамъ и обыкновенно щедро вознаграждаетъ авторовъ такихъ писаній; но правды въ нихъ не больше, чѣмъ въ дифирамбахъ придворныхъ поэтовъ. Совершенно иной свѣтъ проливаютъ на современную Персію и ея «реформатора» люди компетентные и не гоняющіеся за персидскими звѣздами.

По увѣренію послѣднихъ, Петръ Великій—дѣйствительно идеалъ Насреддина. Познакомившись съ краткой его характеристикой еще въ Тавризѣ, повелитель Ирана приказалъ впослѣдствіи перевести на персидскій языкъ болѣе обстоятельную его исторію и эта книга, какъ разсказываютъ, постоянно лежитъ въ шахской опочивальнѣ. Подражая своему идеалу, Насреддинъ первымъ изъ шаховъ сталъ брить бороду

Digitized by Google

и носить короткую одежду, и этимъ едва-ли не исчерпывается все сходство между преобразователемъ Россіи и его подражателемъ. Быть можетъ, Насреддинъ обуреваемъ и болѣе существенными петровскими стремленіями, но они не вышли у него изъ области желаній по весьма простой причинѣ,—вслѣдствіе недосягаемой разницы у этихъ государей въ способностяхъ, въ энергіи, въ умѣньи взяться за дѣло и настойчиво преслѣдовать цѣль. Въ этихъ отношеніяхъ не только великанъ Петръ, но даже другой его подражатель изъ мусульманскихъ государей, турецкій султанъ Махмудъ II,—съумѣвшій, между прочимъ, уничтоженіемъ янычаръ осуществить у себя подобіе избіенія стрѣльцовъ, устроить регулярную армію, замѣнить фесками чалмы, имѣвшія религіозное значеніе въ глазахъ народа, и, какъ безпощадный реформаторъ, поплатившійся наконецъ и жизнью,—отличается отъ нынѣшняго шаха какъ стальной молотъ отъ деревянной колотушки. Но это, оказывается, нисколько не мѣшаетъ Насреддиу считать себя Петромъ Ирана и виновникомъ «великихъ реформъ», къ которымъ мы теперь и обратимся.

Перемѣны шаха, въ системѣ высшаго управленія государствомъ, заключаются въ учрежденіи *министерствъ*, являющихся, однако, простымъ подражаніемъ Европѣ и нисколько не измѣнившихъ сущности дѣла, т. е. административнаго режима, господствовавшаго въ древнихъ сатрапіяхъ. Главными министерствами считаются военное, финансовъ, иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ,

Digitized by Google

почтъ и телеграфовъ, юстиціи. Затѣмъ, помимо множества министровъ *privé*, т. е. частныхъ или тайныхъ, имѣются почти номинальные,—богоугодныхъ заведеній, публичныхъ работъ, изящныхъ искусствъ или полезныхъ предпріятій, народнаго образованія и т. д. Достойно замѣчанія существованіе министерства *флота*, хотя всѣ морскія затѣи Ирана заключаются въ одномъ старомъ пароходикѣ, купленномъ въ Баку за 30 тысячъ рублей и безъ всякаго движенія гніющемъ на Энзелинскомъ рейдѣ, красуясь, впрочемъ, своею знаменитою надписью по борту, почти аршинными золоченными буквами: «Народы вселенной благоденствуютъ съ той поры, какъ послѣдовало зачатіе царя-царей Насреддинъ-шаха»! Еще болѣе курьезенъ министръ, называемый «*Везири лампеи элетрикіи houmayouni*», т. е. министръ, вѣдающій единственную электрическую лампу, поставленную передъ тегеранскимъ дворцомъ для потѣхи шаха!..

Не слѣдуетъ, однако, думать, что министерства персидскія, даже и самыя необходимыя, представляютъ, подобно европейскимъ, цѣлые механизмы разныхъ департаментовъ и отдѣленій, съ легіономъ писцовъ и чиновниковъ, гдѣ все регламентировано и дѣйствуетъ какъ заведенная машина. Ничего подобнаго!..

Въ Персіи нѣтъ ни законовъ, ни какихъ-либо писанныхъ инструкцій. Нѣкоторыя министерства, какъ напримѣръ просвѣщенія, настолько трудно, говорятъ, розыскать въ Тегеранѣ, что европейцы сомнѣваются даже въ ихъ существованіи; а дѣйствительно суще-

Digitized by Google

ствующія изъ нихъ представляютъ не больше, какъ двѣ-три пустыя комнаты, въ которыхъ нѣсколько писарей, или мирзы, сидятъ прямо на полу и пишутъ очиненными камышинами, согнувшись въ три погибели или держа бумагу надъ своимъ колѣномъ; но пишутъ, къ слову, такъ искусно, несмотря на эту варварски-неудобную обстановку, что всякая ихъ бумага является, въ калиграфическомъ отношеніи, почти совершенствомъ. Весь архивъ такого министерства заключается въ нѣсколькихъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ мѣшечкахъ, въ которые опускаютъ свернутыя въ трубочки дѣловыя бумаги. Весь накопившійся такимъ образомъ хламъ, съ теченіемъ времени, предается уничтоженію, такъ что архивовъ въ нашемъ смыслѣ въ Персіи и быть не можетъ.

Дѣлопроизводство въ Персіи, если хотите, самое натуральное и канцелярщина Запада, съ безчисленными формами и марками на каждомъ шагу, къ счастію персовъ, еще не заразила ихъ отечества. Прибѣгая къ бумагѣ только въ крайности, министры сами выслушиваютъ здѣсь всякаго просителя и тутъ-же на словахъ объявляютъ свое рѣшеніе. Весь ходъ дѣлъ, слѣдовательно, зависитъ отъ этихъ столповъ Ирана и, при ихъ добросовѣстности, простота административнаго механизма могла-бы составить существенное его достоинство. Но въ томъ-то и дѣло, говорятъ компетентные люди, что «въ Персіи легче найти гарнецъ драгоцѣнныхъ камней, чѣмъ пару безкорыстныхъ людей» и что самъ шахъ не только плохой сыщикъ

Digitized by Google

послѣднихъ, но далеко не отличается и безкорыстіемъ. Въ дѣлѣ выбора людей онъ руководствуется простымъ капризомъ, не требуя отъ нихъ ни образованія, ни даже простой грамотности. По словамъ Э. Реклю, основаннымъ на разсказѣ одного серьезнаго автора, какой-то изъ министровъ шаха былъ обязанъ своимъ назначеніемъ единственно счастливой идеѣ—посылкѣ депеши о томъ, что дыни благополучно созрѣли!..

Благодаря такому отношенію къ дѣлу главы государства, на самые высшіе посты, сплошь да рядомъ, попадаютъ здѣсь люди самые недостойные, развивающіе только продажность, которая и безъ того царитъ въ Персіи какъ нигдѣ въ мірѣ. Никакое удовлетвореніе просителя, истца или потерпѣвшаго немыслимо въ этой странѣ безъ *пешкеша* (подарка), и, напротивъ, здѣсь нѣтъ ничего невозможнаго, когда пущены въ ходъ деньги. Этотъ традиціонный порядокъ вещей, вѣрнѣе—продажность, въ такой степени всосалась въ персидскія воззрѣнія и нравы, что пешкеши и подношенія составляютъ не только главный ресурсъ всего служилаго люда Ирана, отъ садраазама до послѣдняго мирзы, но далеко не послѣдній источникъ дохода и самого шаха, который, оказывается, такъ мало щепетиленъ въ этомъ отношеніи, что благосклонно принимаетъ, во время самыхъ смотровъ, пешкешъ даже въ 300 рублей, подносимый ему на блюдечкѣ простымъ баталіоннымъ командиромъ. Его персидское величество даже освѣдомляется при этомъ,—какая сумма?—и затѣмъ, тутъ-же на плацу, приказы-

Digitized by Google

ваетъ казначею пересчитать ее!.. Посыпались-ли, напримѣръ, жалобы на вопіющія вымогательства губернатора, или обнаружено, что командиръ полка не держитъ и половины людей, получая на всѣхъ содержаніе,—всѣ подобныя злоупотребленія кончаются въ Персіи тѣмъ, что шаху уплачиваютъ извѣстную сумму... «Всякій порокъ, одобряемый царемъ, становится добродѣтелью», сказалъ еще Саади. Персы твердо помнятъ этотъ парадоксъ, невольно раздѣляютъ его и слѣдуютъ примѣру своего повелителя тѣмъ болѣе основательно, что здѣсь, строго говоря, опредѣленное содержаніе существуетъ въ одномъ только военномъ вѣдомствѣ.

Лучшей характеристикой административныхъ нравовъ Персіи,—и въ частности примѣромъ того, во что вырождаются въ этой странѣ подражанія Европѣ,—можетъ служить одно изъ дѣтищъ Насреддинъ-шаха, называемое «Государственнымъ контролемъ». По словамъ одного вполнѣ компетентнаго европейца, вся дѣятельность этого учрежденія сведена къ открытому посредничеству между *дающими* и *берущими*. Всѣ провинившіеся въ прикарманиваніи обращаются прямо въ контроль, чины котораго торгуются и опредѣляютъ размѣръ пешкеша, предназначеннаго лично имъ и затѣмъ—шаху. Тѣмъ и кончается всякое «прегрѣшеніе вольное и невольное», и виновникъ такого порядка вещей, главный государственный контролеръ, или *Низамуль-мулькъ*, крайне популяренъ среди персовъ, какъ человѣкъ, «хотя крѣпко помнящій себя, но дающій жить и другимъ»...

Digitized by Google

Низамуль-Мулькъ.

Государственный Контролеръ.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R

Digitized by Google

Послѣ такого «государственнаго контроля» сферой наиболѣе беззастѣнчиваго хищенія «всѣхъ и вся» является военное министерство, во главѣ котораго стоитъ третій сынъ шаха и первый обиратель своего вѣдомства, Камранъ-Мирза, имѣющій титулъ *Наибе-султане*, т. е. намѣстника государя. Этотъ красивый, напыщенный, разжирѣвшій, лѣнивый и двуличный, но изысканно-вѣжливый принцъ не получилъ, какъ и другіе сыновья Насреддина, никакого европейскаго образованія, кромѣ того, что слегка болтаетъ по французски, ровно ничего не понимаетъ въ военномъ дѣлѣ и не только въ качествѣ *Эмиръ-Кебира* (военнаго министра), но и съ нравственной стороны пользуется у персовъ весьма плохой репутаціей. Разсказываютъ, что онъ очень разбогатѣлъ, пользуясь, главнымъ образомъ, содержаніемъ офицеровъ и получая, при всякомъ утвержденіи бюджета полковъ и наградъ, пешкеши чуть не по таксѣ имъ самимъ установленной; безъ этого, по цѣлымъ годамъ, онъ не прикладываетъ своей печати къ фирманамъ и грамотамъ. Не трудно себѣ представить на сколько подобное отношеніе къ дѣлу военнаго министра, да еще сына шаха, должно отзываться на порядкахъ и на самомъ состояніи персидскихъ войскъ. Но рѣчь объ нихъ мы отложимъ до предстоящаго знакомства съ ними, а теперь перейдемъ къ другимъ сферамъ.

Постъ министра иностранныхъ дѣлъ занимаетъ *Каваму-Довле*, хитрый и безграмотный персъ, ненавистникъ всего европейскаго за исключеніемъ вина,

Digitized by Google

говорящій только на родномъ языкѣ, и, закупивъ вмѣстѣ съ министромъ юстиціи всѣ пекарни столицы, произвольно назначающій столь несоразмѣрныя цѣны на хлѣбъ, что однажды вызвалъ даже цѣлый бунтъ тегеранской черни. Но... среди персовъ онъ тоже популяренъ за свою нелюбовь къ европейцамъ, которыхъ народъ считаетъ не только врагами ислама и причиной разслабленія Ирана, но и будущими виновниками его неизбѣжнаго распаденія...

Не менѣе типиченъ и другъ послѣдняго,—министръ юстиціи, этой хранительницы персидскаго права и справедливости, *Везиръ-Низамъ*, украшенный всѣми высшими отличіями своей страны, въ родѣ бриллiантоваго портрета шаха и даже посоха, осыпаннаго драгоцѣнными каменьями. Еще сравнительно недавно въ Тегеранѣ его помнятъ простымъ каменьщикомъ, строившимъ дворецъ шаха, съ которымъ онъ породнился затѣмъ, выдавъ за него свою дочь; это и было единственной причиной его возвышенія, вопреки всякимъ государственнымъ соображеніямъ и интересамъ. Съ продажной душой, съ плутовскимъ выраженіемъ рябой отталкивающей физіономіи, совершенно безграмотный фанатикъ и отъявленный врагъ Европы и ея цивилизаціи, Везиръ-Низамъ олицетворяетъ собою, по выраженію персовъ, «самого большого вора и самое большое несчастіе Ирана».

Коснувшись его вѣдомства, мы должны замѣтить, что, въ смыслѣ европейскомъ, въ Персіи нѣтъ ни спеціальныхъ судей, ни тѣмъ болѣе—судовъ колле-

Digitized by Google

гіальныхъ. Здѣсь даже не разграничена сфера дѣятельности министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ и вообще обязанности перепутаны на столько, что въ сущности первый изъ нихъ отправляетъ единолично функціи не администратора своего вѣдомства, а высшаго судилища въ государствѣ. Низшія инстанціи суда фактически замѣняются разными муллами и казіями, къ которымъ народъ привыкъ обращаться съ своими гражданскими тяжбами, и административными властями, разбирающими обыкновенно дѣла уголовныя. И тѣ, и другія, какъ принято во всемъ мусульманскомъ мірѣ, должны основывать свои рѣшенія на Шаріатѣ. Но на самомъ дѣлѣ имъ руководствуются развѣ только сельскіе муллы... Вообще кое-какая справедливость, встрѣчаемая еще въ низшихъ инстанціяхъ, прогрессивно замѣняется произволомъ въ восходящемъ порядкѣ. Всѣ *вали* и *хакимы*, эти «столпы и опоры государства», управляющіе разными провинціями, руководствуются въ своихъ приговорахъ только размѣромъ полученнаго пешкеша, и первымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служитъ Везиръ-Низамъ, который беретъ съ обѣихъ сторонъ, но всегда склоняется только на сторону болѣе заплатившаго. Исключеніе онъ дѣлаетъ только для лицъ вліятельныхъ, въ угоду которымъ подвергаетъ, безъ всякаго разбора, возмутительнѣйшимъ истязаніямъ людей, зачастую, совершенно неповинныхъ. Будучи, благодаря взяточничеству, однимъ изъ богатѣйшихъ людей страны, Везиръ-Низамъ, говорятъ, находится въ постоянномъ страхѣ быть ограбленнымъ и,

Digitized by Google

поэтому, держитъ въ своемъ дворѣ огромныхъ собакъ, что въ Персіи вовсе не принято.

Наказанія въ Персіи самыя варварскія, первобытныя. Виды или степень наказаній не опредѣлены никакимъ положеніемъ и зависятъ обыкновенно отъ произвола налагающаго. Какъ мы видѣли изъ разсказа о бабистахъ, бываютъ даже случаи, когда шахъ предоставляетъ избраніе способа казни преступниковъ разнымъ ханамъ и, по сравнительной жестокости придуманныхъ ими истязаній, судитъ объ ихъ преданности!.. Смертная казнь,—преимущественно повѣшеніе за ноги, или отсѣченіе головы короткимъ ножемъ, причемъ несчастному палачъ запускаетъ въ ноздри два своихъ пальца и, какъ барану, сгибаетъ назадъ шею,—должна утверждаться самимъ шахомъ, въ пользу котораго и поступаетъ все имущество казненнаго. На самомъ-же дѣлѣ это соблюдается только въ Тегеранѣ. Губернаторамъ, избираемымъ большею частью изъ членовъ царской фамиліи, шахъ предоставляетъ обыкновенно право жизни, пытки и смерти; а такія наказанія, какъ рубка ушей и носа, отнятіе кисти руки и даже ослѣпленіе, нерѣдко налагаются и правителями округовъ, соотвѣтствующихъ нашимъ уѣздамъ.

Къ тюремному заключенію, какъ сопряженному съ расходами, въ Персіи прибѣгаютъ рѣдко. За то тѣлесное наказаніе,—палками по пяткамъ, по 300 и болѣе ударовъ, или плетью по голой спинѣ,—во всеобщемъ употребленіи и отъ него не избавлены

Digitized by Google

Каваму-Довле.

Министръ иностранныхъ дѣлъ.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R

Digitized by Google

здѣсь ни офицеры, ни вельможи, ни даже принцы крови. «Я видѣлъ, — разсказываетъ одинъ изъ русскихъ, прожившій въ Персіи нѣсколько лѣтъ въ качествѣ инструктора, — примѣненіе такого наказанія передъ лицомъ самого шаха, надъ четырьмя *шахъ-заде*, т. е. принцами крови, да еще въ генеральскихъ чинахъ, и били ихъ при этомъ такъ усердно, что потомъ отволокли въ сторону, такъ какъ они уже не могли сами встать: кровь текла обильно и мясо на пяткахъ было въ кускахъ; фераши-же за свое усердіе получили отъ шаха 10 тумановъ»...

Характерна и причина, вызвавшая подобную расправу съ принцами... Нужно замѣтить, что принцы Каджарскаго дома сильно размножились, въ особенности въ Тегеранѣ, и утратили всякій престижъ въ глазахъ народа. Нѣкоторые изъ нихъ почти нищенствуютъ, многіе предались порочной жизни и бывали случаи, когда полицейскіе подбирали ихъ на улицѣ пьяными и вели въ участокъ наравнѣ съ бродягами. Одинъ изъ нихъ, довольно успѣшно подвизаясь въ роли Донъ-Жуана, задѣлъ, говорятъ, священную честь нѣкоего *сеида*, который не только варварски убилъ этого ловеласа царской крови, но еще позволилъ себѣ возмутительное издѣвательство надъ его трупомъ. Послѣднее обстоятельство взволновало всѣхъ принцевъ. Рѣшившись отомстить сеиду, они подстрекнули на это своихъ женъ, дочерей и прислужницъ, какъ элементъ почти не вмѣняемый въ Персіи. И вотъ, до трехсотъ женщинъ и дѣтей, въ сопровожденіи

Digitized by Google

[illegible] толпы любопытныхъ, направляются къ дому военнаго министра (сына шаха), у котораго скрылся Хорши, и, требуя его выдачи, разбиваютъ камнями окна и дѣйствуютъ вообще такъ энергично, что перепуганный принцъ-министръ спасается бѣгствомъ. [illegible] находятъ [illegible] его на площадь. [illegible] его на разведенномъ кострѣ... [illegible] учителей [illegible] въ Тегеранѣ [illegible] столицы, въ числѣ [illegible] массы [illegible] съ камнями [illegible] отношеній [illegible] что [illegible] отношение [illegible] духовенство [illegible]

[illegible]

гущественный и довольно оригинальный тріумвиратъ при его величествѣ. Первый изъ нихъ, — *Садраазамъ* Аминъ-султанъ, пользующійся настолько исключительнымъ расположеніемъ шаха, что онъ является единственнымъ персомъ, имѣющимъ доступъ въ шахскій гаремъ и котораго одариваютъ даже представители европейскихъ державъ. Этотъ молодой еще человѣкъ лѣтъ 35, сынъ погонщика муловъ, тоже не получившій никакого образованія, но считающійся большимъ умницей и, главное,—имѣвшій счастье очаровать шаха своей наружностью... Ему подчинены всѣ министры, онъ распоряжается именемъ шаха и очень популяренъ среди тегеранской черни, такъ какъ имѣетъ обыкновеніе, разъѣзжая по улицамъ столицы, бросать въ народъ деньги.

Другой совѣтникъ шаха—*Шейхъ-уль-Исламъ*, глава и верховный судья духовенства, этой дѣйствительной силы Ирана, объ которую зачастую разбиваются всѣ усилія шаховъ, подобныхъ Насреддину. Шейхъ-уль-Исламъ имѣетъ огромное вліяніе на всѣ дѣла Персіи, и онъ-же служитъ придворнымъ прорицателемъ счастливыхъ дней, съ предсказаніями котораго шахъ строго согласуетъ всѣ свои выходы изъ дворца...

Къ плеядѣ двухъ предъидущихъ, по особой близости къ шахскому величеству, принадлежитъ, несомнѣнно, и такъ называемый *Хаджа-баши*, или старшій евнухъ гарема. Сила этого безобразнѣйшаго эфіопа, въ генеральскомъ однако чинѣ, заключается въ томъ, что онъ дѣйствуетъ на шаха черезъ персоналъ

Digitized by Google

гарема; а этотъ элементъ заинтересованъ въ благоволеніи своего кастрата, и, вопреки ходячему мнѣнію о приниженности женщинъ на Востокѣ, вліяетъ въ мусульманскомъ мірѣ едва-ли не сильнѣе, чѣмъ въ Европѣ. При дворѣ-же Насреддина *эндерунъ* (женская половина) играетъ весьма значительную роль: онъ вліяетъ на всевозможныя рѣшенія и раздачу должностей, и получаетъ за это огромную массу драгоцѣнностей и денегъ въ видѣ пешкеша. Посредникомъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ служитъ Хаджа-баши, котораго, говорятъ, шахъ даже побаивается и который относится къ своему властелину на столько фамильярно, что даже европейцамъ приходилось быть свидѣтелями того, какъ онъ, прерывая аудіенцію, требовалъ шаха въ гаремъ и при этомъ кричалъ на него...

Таковы лица, которыми окружилъ себя шахъ, и таково высшее государственное управленіе, величаемое «важнѣйшею изъ реформъ Насреддина»!.. Послѣ этого намъ слѣдовало-бы перейти къ другимъ реформамъ «преобразователя» Персіи. Но... къ счастью читателя, ихъ не оказывается, если не считать нѣсколько необходимыхъ нововведеній, совершенно лишенныхъ характера измѣненія порядковъ. Такъ, шахъ украсилъ свою столицу нѣсколькими дворцами и казармами; болѣе или менѣе преобразовалъ на европейскій ладъ почти бездѣйствующіе пушечную литейную, пороховой заводъ и монетный дворъ, находящійся на откупу у частнаго лица; провелъ нѣсколько телеграфныхъ линій и создалъ школу, приготовляющую

Digitized by Google

Хаджа-баши.

Главный евнухъ шахскаго гарема.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
B L

Digitized by Google

плохихъ офицеровъ и не менѣе посредственныхъ медиковъ; при немъ-же заведены первыя въ странѣ типографія и литографія, и начали выходить въ свѣтъ совершенно безсодержательныя періодическія изданія «Иранъ», «Иттила», иллюстрированный «Шерефъ» и на французскомъ языкѣ «Echo de Perse», вѣчно переполненныя враньемъ и восхваленіями своего «царя-царей». Наконецъ, по временамъ шахъ посылаетъ заграницу, преимущественно во Францію, нѣсколько молодыхъ людей, предназначенныхъ къ той или другой профессіи, и по его повелѣнію нѣсколько ученыхъ персовъ, подъ руководствомъ нѣкоего Риза-Кули-хана, работаютъ теперь надъ составленіемъ пространной исторіи Персіи, а литература страны обогатилась за его время переводомъ нѣсколькихъ книгъ научнаго содержанія: это также нововведеніе настоящаго шаха, ибо до него ни одно произведеніе европейской печати не появлялось въ персидскомъ переводѣ.

Вотъ и всѣ дѣянія Насреддина, если прибавить, что при немъ-же появилась и единственная желѣзная дорога Персіи, построенная однимъ частнымъ предпринимателемъ на протяженіи всего 11 верстъ и соединяющая Тегеранъ съ высоко-чтимой персами гробницей Шахъ-Абдулъ-Азима *).

Сторонники Насреддинъ-шаха утверждаютъ, что значительная часть намѣченныхъ имъ реформъ не

*) Въ 1896 году и всего за три дня до празднованія пятидесятилѣтія своего царствованія, Насреддинъ-шахъ былъ убитъ въ оградѣ этой гробницы однимъ изъ бабистовъ.

Digitized by Google

могла осуществиться вслѣдствіе противодѣйствія фанатическаго, и весьма сильнаго въ странѣ, духовенства; что, напримѣръ, шахъ страстно желалъ, между прочимъ, вывести изъ затворничества персидскую женщину и, въ этихъ видахъ, даже были расклеены по улицамъ его повелѣнія, требовавшія, чтобы женщины ходили съ открытыми лицами; но затѣя кончилась тѣмъ, что сеиды сорвали со стѣнъ повелѣнія, ни одна персіянка не подчинилась требованію и шахъ былъ поднятъ на смѣхъ... Все это не лишено основанія. Въ высшей степени корыстолюбивое духовенство Ирана во многихъ случаяхъ дѣйствительно является тормазомъ, ибо оно заинтересовано въ сохраненіи старыхъ порядковъ, какъ наиболѣе удобныхъ для эксплоатированія массы. Но съ другой стороны, очень многое въ Персіи, какъ хотя-бы администрація провинцій, почта и всѣ пути сообщенія, находятся въ томъ-же первобытномъ состояніи, въ какомъ они, вѣроятно, были и при Кирѣ, и противъ ихъ улучшенія едва-ли можетъ агитировать какое-либо духовенство въ мірѣ. На вопросъ, — почему-же «реформаторъ» Ирана игнорируетъ эти и имъ подобныя сферы государственныхъ интересовъ?—мы слышали, приблизительно, такой отвѣтъ:

— Насреддинъ-шахъ, безспорно,—государь, сравнительно, гуманный и доброжелательный. Но у него есть страсти болѣе сильныя, чѣмъ служеніе государству; это — женщины и драгоцѣнности, или личное обогащеніе. Одну треть всѣхъ доходовъ страны, по-

Digitized by Google

чти не превышающихъ 15 милліоновъ рублей, поглощаетъ у него армія, другую — эндерунъ; остальная — едва хватаетъ на удовлетвореніе его жизни и личныхъ прихотей, вродѣ постояннаго пріобрѣтенія брилліантовъ и разныхъ рѣдкостей. Въ виду этого, скупость, въ особенности въ послѣдніе годы, все больше и больше овладѣваетъ шахомъ и онъ тщательно избѣгаетъ всякія мѣропріятія, сопряженныя съ расходами. Можно даже сомнѣваться, чтобы шахъ дѣйствительно сознавалъ благія послѣдствія такихъ дѣлъ, какъ устраненіе затворничества женщинъ; но онъ прибѣгаетъ къ нимъ, пытается осуществить ихъ, просто изъ подражанія Европѣ и рисуясь передъ нею, въ качествѣ реформатора, дѣлами, не требующими никакихъ издержекъ...

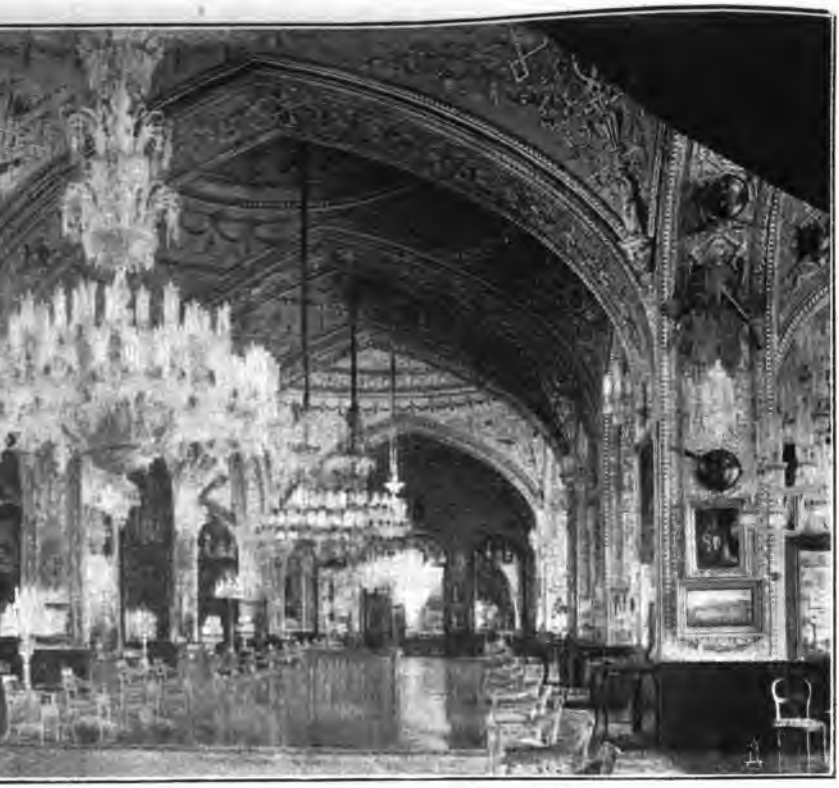
Благодаря такому отношенію къ рессурсамъ государства, Насреддинъ не сдѣлалъ ничего существеннаго для Персіи, но за то вполнѣ достигъ другой цѣли, — своего обогащенія. Въ этомъ отношеніи онъ далеко превзошелъ и самого Креза, а его тегеранскій дворецъ рисуютъ чѣмъ-то совершенно сказочнымъ. Одинъ англійскій путешественникъ, описывая архитектуру этого чуднаго зданія, на ряду съ его мизерными пристройками, прекрасныя лѣстницы и великолѣпныя залы, сады, искусственно орошаемые канавами, выложенными изумрудно-зелеными изразцами, однимъ словомъ все, удѣляетъ часть своего сообщенія такому описанію сокровищъ Насреддинъ-шаха:

Digitized by Google

«Рядомъ съ тремя комнатами,—говоритъ онъ,—убранными вполнѣ въ европейскомъ стилѣ и заполненными всевозможными вещами и вещицами, вывезенными шахомъ во время его путешествія по Европѣ, находится музей, который, къ сожалѣнію, открытъ только чрезвычайно рѣдко. Это—колоссальный залъ, раздѣленный на нѣсколько отдѣленій: тутъ лежатъ сокровища, которымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ цѣны. Какъ въ сказкахъ Шехерезады, сверкаютъ и горятъ цѣлыя груды драгоцѣнныхъ камней и золота. Блескъ ихъ положительно поражаетъ зрителя, но, затмѣвая ихъ, ослѣпляютъ рядомъ лежащія регаліи «короля-королей». Корона кажется массою жемчуговъ, брилліантовъ, яхонтовъ и изумрудовъ, огни которыхъ сказочно сверкаютъ. Одинъ поясъ, состоящій весь изъ драгоцѣнныхъ камней. вѣситъ не менѣе 18 фунтовъ. Также цѣнны и многочисленныя шашки, между которыми въ особенности одна, совершенно усыпанная брилліантами, оцѣнивается въ четверть милліона. Парадныя одѣянія, съ подходящими къ нимъ башмаками и перчатками, сплошь покрытыя брилліантами и жемчугами, составляютъ наглядную иллюстрацію роскоши и богатства восточнаго владыки, а черныя, какъ смоль, папахи изъ прекраснѣйшаго курпея съ персидскимъ гербомъ «Льва и солнца», выполненнымъ изъ крупныхъ брилліантовъ—положительно роскошны и изящны.

Трудно сосчитать всѣ ожерелья, браслеты и массу колецъ, но брилліанты, чистѣйшей воды и крупныхъ

Digitized by Google



Музей во дворцѣ Шаха.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R

Digitized by Google

размѣровъ, лежащіе безъ оправы, сосчитать невозможно. Рядомъ сверкаютъ массы сапфировъ, яхонтовъ величиною въ вишню, изумруды въ полдюйма въ діаметрѣ, есть даже такіе, величина которыхъ доходитъ при одномъ и три четверти дюйма длины до одного дюйма толщины. Глядя на бирюзу, находящуюся между другими сокровищами шаха, не трудно понять, почему персидскіе поэты такъ воспѣваютъ красоту этого небесно-голубого камня.

Самый замѣчательный по величинѣ изумрудъ величиною въ волоцкій орѣхъ; въ высокихъ четырехугольныхъ стеклянныхъ столбахъ, каждая сторона которыхъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ футъ, лежатъ отобранные лучшіе жемчуга знаменитыхъ жемчужныхъ улововъ въ Персидскомъ заливѣ. Тамъ жемчуга всевозможныхъ величинъ и окрасокъ и въ такомъ количествѣ, точно это какая-то коллекція бобовъ. Сосчитать ихъ невозможно. въ крайности ихъ можно только смѣрить литрами. Въ другихъ стеклянныхъ чашахъ сверкаютъ яхонты, бриллiанты, изумруды, сапфиры, гранаты, топазы, бериллы. Самые рѣдкостные и прекраснѣйшіе ковры и ткани висятъ и лежатъ повсюду; становится положительно затруднительнымъ, больше даже, становишься въ тупикъ, чему дать преимущество въ этомъ складѣ сказочныхъ сокровищъ и богатствъ».

Среди мусульманскихъ государей Насреддинъ-шахъ особенно выдѣлился своими заграничными путешествіями. Первый разъ онъ объѣхалъ Европу въ

Digitized by Google

1873 г., а во второй—въ 1878 г., причемъ посѣтилъ всемірную выставку въ Вѣнѣ *). Путешествія эти заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что предпринимая ихъ, шахъ долженъ былъ, къ неудовольствію всего персидскаго духовенства, нарушить старинный обычай, по которому властелины Персіи выѣзжаютъ изъ предѣловъ своей страны *только съ военными цѣлями*. Нужно знать Персію и ея духовенство для того, чтобы оцѣнить шагъ, на который рѣшился Насреддинъ, подражая своему идеалу, Петру Великому.

Выѣзды шаха изъ предѣловъ своего государства, въ особенности первое его путешествіе въ Европу, заставило заговорить чуть-ли не весь міръ, такъ какъ никто изъ его предшественниковъ даже не помышлялъ объ этомъ. Зато и Европа оказала Насреддинъ-шаху пріемы, пышность которыхъ едва граничитъ съ сказочнымъ великолѣпіемъ. Но Европа ожидала и существенныхъ результатовъ для Персіи отъ ближайшаго знакомства ея государя съ цивилизаціею Запада. Они-же, эти результаты, ограничились «рѣдкими вещами и вещицами», вывезенными шахомъ изъ разныхъ столицъ; его извѣстными мемуарами, которые въ свое время были переведены на европейскіе языки и вызывали улыбки крайнею наивностью содержанія; введеніемъ въ своемъ гаремѣ короткой одежды европейскихъ балеринъ, оказавшейся на столько во

*) Въ третій разъ шахъ объѣхалъ Европу въ 1889 г. и посѣтилъ Парижскую выставку.

Digitized by Google

вкусѣ персовъ, что быстро вошла въ моду среди аристократіи сперва Тегерана, а затѣмъ и остальной Персіи; наконецъ, послѣдними результатами были чеканка монеты съ своимъ изображеніемъ и возведеніе, на скаковомъ кругу столицы, высокаго памятника своей особѣ,—вызолоченной конной статуи изъ бронзы,—единственные случаи, когда этотъ самодержавный монархъ рѣшился переступить явное запрещеніе Корана.

Шахъ нерѣдко предпринимаетъ путешествія и внутри страны. Въ такихъ случаяхъ его сопровождаетъ часть гарема и не менѣе 10—12 тысячъ разнаго воинства и челяди. Поѣздки эти продолжаются иногда нѣсколько мѣсяцевъ и, хотя цѣлью ихъ выставляютъ обыкновенно какое-нибудь богомолье, являются истиннымъ бѣдствіемъ для посѣщаемыхъ провинцій: сперва губернаторы предаются усиленнымъ ихъ поборамъ на расходы по пріему и одариванію шаха, а затѣмъ довершаетъ дѣло отрядъ, сопровождающій его величество, опустошая страну пуще саранчи всякой. Несчастные персы не смѣютъ и заикнуться объ этихъ безобразіяхъ, такъ какъ жаловаться—значило-бы получить, въ придачу къ разоренію, еще и «удовлетвореніе» по собственнымъ пяткамъ или спинамъ...

Изъ каждой такой поѣздки, требующей со стороны другихъ коронованныхъ особъ немалыхъ расходовъ, шахъ возвращается съ большими суммами, и персы, конечно, возмущаются столь чувствительною для нихъ «набожностью» своего повелителя. У него,

Digitized by Google

впрочемъ, имѣется еще одинъ источникъ обогащенія, которымъ персы возмущаются еще съ бо́льшимъ основаніемъ. Это—посѣщеніе богатыхъ. Когда персу даютъ знать, что шахъ зайдетъ къ нему, хотя-бы на чашку чая, то счастливецъ, удостоившійся такой чести, долженъ выложить всѣ свои сокровища и драгоцѣнности, изъ коихъ его величество отбираетъ себѣ наиболѣе понравившееся, будь-то каменья самоцвѣтныя, дорогая посуда, ковры или шали... Разсказываютъ, что такимъ образомъ шахъ посѣтилъ однажды богача въ Мешедѣ и похвалилъ его домъ.

— Да будетъ онъ жертвой «Кумиру человѣчества»!—съ глубокимъ поклономъ отвѣтилъ, по обычаю, несчастный хозяинъ.

— Взялъ-бы, да его не перевезешь въ Тегеранъ!—воскликнулъ шахъ.

— Но туда, ваше величество, не трудно будетъ перевезти стоимость дома, что и хозяина избавитъ отъ хлопотъ при сооруженіи новаго,—игриво замѣтилъ одинъ изъ сановниковъ.

Этотъ ясный для обѣихъ сторонъ намекъ очень понравился шаху и онъ, конечно безъ труда, перевезъ въ свою столицу стоимость дома въ видѣ 40 тысячъ тумановъ...

«Но все это—не больше, какъ традиціонная *финансовая система* страны, гдѣ и люди, и имущества считаются достояніемъ шаха, гдѣ провинціи, хотя и безъ торговъ публичныхъ, отдаются почти на откупъ болѣе заплатившему или болѣе обѣщающему»,—объ-

Digitized by Google

ясняютъ люди, прославляющіе Насреддина во что-бы то ни стало, и, какъ-бы въ оправданіе такой системы, указываютъ на личное богатство шаха и на то, что Персія представляетъ рѣдкую страну, которая не имѣетъ государственнаго долга и не обогащаетъ европейскихъ капиталистовъ займами, заключаемыми за ростовщическіе проценты. Къ этому абсурду, который мы приводимъ какъ характернѣйшій изъ персидскихъ курьезовъ, остается только прибавить, что всѣ финансовые вопросы, представляющіе столько затрудненій въ другихъ странахъ, въ Персіи рѣшены какъ нельзя проще: Всѣ ресурсы государства поступаютъ здѣсь въ личную кассу шаха, у котораго министръ финансовъ—не больше какъ старшій сборщикъ доходовъ. По мнѣнію его величества, страна благоденствуетъ на столько, что всѣ ея нужды исчерпываются потребностью имѣть нѣсколько тысячъ сарбазовъ; онъ и содержитъ этихъ полуголодныхъ защитниковъ отечества. Затѣмъ остальное онъ расходуетъ только на себя и легко обходится поэтому безъ всякихъ займовъ. Коротко и ясно!..

Несомнѣнно, въ результатѣ такого отношенія къ дѣлу всѣхъ представителей Каджарской династіи, Персія и представляетъ отсталое государство, пришедшее въ упадокъ по территоріальному протяженію и численности народонаселенія и еще болѣе продолжающее падать въ отношеніяхъ военномъ и торгово-промышленномъ. Но персы имѣютъ самое фантастическое представленіе о своей странѣ, основан-

Digitized by Google

ное не на географіи и статистикѣ, а на поэтическихъ произведеніяхъ древнихъ своихъ авторовъ. Такъ, однажды, мы не могли разувѣрить одного очень высокопоставленнаго изъ нихъ въ томъ, что населеніе Ирана простирается *не до 60 милліоновъ*, какъ онъ утверждалъ, а едва только—*до 8*, и что Демавендъ, считаемый у нихъ «*самой высокой горой на землѣ*», возвышается надъ уровнемъ моря всего на 20 тысячъ футовъ, а не на 30 километровъ или *112 тысячъ футовъ!!*.. Весьма вѣроятно, что и шахъ, котораго обманываютъ со всѣхъ сторонъ, точно также заблуждается относительно силы и значенія своей «имперіи». Иначе, въ этомъ государѣ, маленькаго въ сущности царства, да къ тому-же и крайне слабаго, трудно было-бы объяснить его непомѣрную страсть всегда и всюду окружать себя необычайнымъ, какъ выражаются персы, *ташахустомъ* (помпой), его постоянное высокомѣріе и ни съ чѣмъ несообразные титулы, которые онъ носитъ и принимаетъ какъ должное. «Что значатъ,—восклицаетъ одинъ изъ французскихъ ученыхъ,—европейскія «величества» и «короли Божіею милостью» въ сравненіи съ этимъ «царемъ-царей, Полюсомъ вселенной, Кладеземъ мудрости, Кумиромъ человѣчества, Подножіемъ неба; монархомъ, которому солнце служитъ штандартомъ; блистательнымъ самодержцемъ, арміи котораго многочисленны какъ звѣзды на небесномъ сводѣ, и великолѣпію котораго уступаетъ самое небо!.. Между властелинами народовъ есть-ли, хотя-бы одинъ, болѣе законный, чѣмъ это

Digitized by Google

«Исхожденіе Самого Бога»?!.. Прислушайтесь къ рѣчамъ, которыя этотъ шахъ держитъ подвластнымъ ему народамъ: онѣ не менѣе высокомѣрны, чѣмъ рѣчь Артаксеркса или Дарія, когда они торжествовали и увѣковѣчивали свою славу посредствомъ вырѣзанныхъ на скалѣ надписей, на языкахъ своихъ безчисленныхъ подданныхъ!»...

Все это тѣмъ болѣе комично, что въ дѣйствительности Насреддинъ весьма далекъ отъ всемогущества. Начиная съ древнѣйшихъ временъ, во всѣ періоды своей исторіи властелины Персіи были стѣснены въ управленіи, принужденные сообразоваться во всемъ съ могуществомъ и іерархіей духовенства и аристократіи. То-же самое и теперь. Но и помимо этого, въ глазахъ своихъ подданныхъ нынѣшній шахъ—не болѣе, какъ государь de facto, но не законный монархъ, ибо, по персидской доктринѣ, одни только *сеиды* или Алиды имѣютъ право на тронъ Ирана. Затѣмъ, не только въ своей внѣшней политикѣ шахъ вынужденъ сообразоваться съ указаніями, которыя ему даютъ иностранные министры, резидирующіе при его дворѣ, но даже въ дѣлахъ внутренняго управленія власть его ограничена предписаніями Корана, обычаемъ, вліяніемъ муштаида и другихъ духовныхъ особъ, которыхъ общее уваженіе облекаетъ авторитетомъ; наконецъ, и въ этой внутренней сферѣ онъ не можетъ игнорировать совѣты и указанія иностранныхъ посольствъ, боится возбудить противъ себя общественное мнѣніе страны и еще болѣе,—неблагопріятныхъ

Digitized by Google

сужденій европейской печати. Благодаря всему этому и несмотря на грандіозные свои титулы, Насреддинъ-шахъ является въ сущности государемъ, который «царствуетъ, но не управляетъ», само собою разумѣется,— не вслѣдствіе конституціонныхъ порядковъ, какъ это бываетъ на Западѣ, а по многимъ, неблагопріятно для его личности сложившимся причинамъ, изъ коихъ на первый планъ надо поставить то, съ чего мы начали настоящій біографическій очеркъ, именно—*неспособность* Каджарской династіи вообще и несоотвѣтствіе ея настоящаго представителя требованіямъ времени. Не такимъ шахамъ оживить и вызвать къ новой жизни дряблое тѣло Ирана, переживающаго почти агонію! Эта задача была-бы по силамъ не всякому и генію съ желѣзной волей...

Но довольно о шахѣ. Заглянемъ теперь въ частную жизнь повелителя Ирана.

Его величество встаетъ довольно рано и если, по предсказанію Шейхъ-уль-ислама, день обѣщаетъ быть счастливымъ, то выѣзжаетъ обыкновенно на охоту или въ одинъ изъ многочисленныхъ загородныхъ дворцовъ, гдѣ предпочитаетъ выслушивать доклады министровъ, чтобы избѣгнуть вліяніе эндеруна... Обѣдаетъ онъ всегда одинъ, на полу, гдѣ на пеструю персидскую скатерть сразу ставятъ два-три десятка разныхъ блюдъ; ѣстъ руками, не прибѣгая къ помощи европейскихъ ножей и вилокъ. Иногда, стоя присутствуютъ при этомъ министры и принцы, которые только послѣ удаленія шаха доѣдаютъ остатки его

Digitized by Google

ѣтскій оркестръ шахскаго гарема.

Ма.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

Digitized by Google

обѣда. По вечерамъ, лежа на грудѣ разостланныхъ на полу тюфяковъ и мутакъ, шахъ слушаетъ въ своей опочивальнѣ чтеніе газетъ персидскихъ и переведенныя для него выдержки изъ иностранныхъ, при чемъ не только выпускаются, но даже подвергаются совершенной передѣлкѣ всѣ тѣ мѣста, которыя могутъ ему не понравиться. При этомъ шаху растираютъ руками спину, а его чтецъ обязанъ замѣтить то мѣсто, надъ которымъ Морфей овладѣлъ властелиномъ Ирана, для того, чтобы въ слѣдующій вечеръ продолжать отсюда чтеніе. Большую-же часть своего времени шахъ проводитъ въ эндерунѣ, кейфируя или забавляясь среди многочисленныхъ его обитательницъ.

По своимъ убѣжденіямъ, шахъ—сторонникъ многоженства, и не только не можетъ похвалиться своими принципами, но еще олицетворяетъ собою полную нравственную разнузданность. Въ этомъ отношеніи онъ—истый аристократъ Ирана; говоримъ аристократъ потому, что семейныя добродѣтели, если существуютъ въ Персіи, то только въ простомъ народѣ, а высшіе его слои давно погрязли въ чисто-вавилонскомъ развратѣ, въ сравненіи съ которымъ всѣ прегрѣшенія европейцевъ представляются чѣмъ-то даже позволительнымъ...

Шахскій *эндерунъ* или гаремъ занимаетъ въ Тегеранѣ цѣлый кварталъ, раскинувшійся по сторонамъ обширнаго цвѣтника, средину котораго занимаетъ роскошный бассейнъ съ фонтанами; съ одной стороны онъ прилегаетъ къ внутреннимъ покоямъ глав-

Digitized by Google

наго дворца, а съ трехъ другихъ обнесенъ двумя рядами высокихъ стѣнъ и охраняется постояннымъ карауломъ изъ сарбазовъ. Въ многочисленныхъ квартирахъ и отдѣльныхъ комнатахъ этого огромнаго зданія помѣщаются до 600 преимущественно молодыхъ и красивыхъ женщинъ, болѣе сотни черныхъ и бѣлыхъ евнуховъ, десятка два такихъ же кастрированныхъ мальчиковъ, приготовляющихся къ той же роли, и, наконецъ, добрая сотня слѣпыхъ музыкантовъ и пѣвцовъ и цѣлый дѣтскій оркестръ для развлеченія обитательницъ гарема. Число настоящихъ шахскихъ женъ простирается обыкновенно до 5 или 6 десятковъ; четыре изъ нихъ считаются постоянными, остальныя—*сиге* или временныя. Но цифра послѣднихъ въ сущности ничего не выражаетъ, такъ какъ составъ ихъ постоянно освѣжается: надоѣвшихъ шахъ даритъ своимъ приближеннымъ, а иногда, какъ увѣряютъ, отправляетъ даже къ предкамъ; такъ, по крайней мѣрѣ, онъ поступилъ, говорятъ, съ одною изъ женъ, которая была заподозрѣна въ свиданіи съ прежнимъ своимъ женихомъ, проникшимъ къ ней въ женскомъ костюмѣ... Взамѣнъ выбывшихъ женъ, шахъ беретъ себѣ новыхъ и это дѣлается весьма просто. По желанію его величества, одна изъ постоянныхъ женъ сзываетъ, обыкновенно на обѣдъ, болѣе или менѣе знатныхъ тегеранскихъ дѣвицъ, отличающихся наружностью. Къ нимъ входитъ шахъ, безцеремонно оглядываетъ ихъ, и разъ онъ сдѣлалъ евнуху знакъ по направленію удостоившейся выбора,—

Digitized by Google

дѣло кончено: дѣвушку уже не пускаютъ домой, а къ ея родителямъ скачутъ гонцы для извѣщенія о выпавшемъ на ихъ долю счастіи и для выполненія формальностей брака. Точно также рѣшается дѣло, когда шаху, во время его разъѣздовъ по странѣ, приглянется гдѣ нибудь та или другая дѣвушка: съ нею немедленно заключается формальный бракъ съ тѣмъ, чтобы на утро дать столь же формальный разводъ и отпустить ее на всѣ четыре стороны. Бываетъ и такъ, что честолюбивые персы, желая породниться съ шахомъ, сами ищутъ случая свести съ нимъ своихъ дочерей-красавицъ. Такъ, однажды, нѣкій разбогатѣвшій каменьщикъ устроилъ, черезъ женъ шаха, встрѣчу съ нимъ въ эндерунѣ своей дочери, которая была, конечно, разодѣта въ пухъ и прахъ, и, сверхъ того, обвѣшена драгоцѣнностями почти на сто тысячъ. Но, къ прискорбію каменьщика, шаху понравились только эти драгоцѣнности: онъ и приказалъ дѣвушкѣ снять ихъ и оставить во дворцѣ, «а самой—убираться домой»!!..

Жены шаха, за исключеніемъ одной грузинки и турчанки, принадлежатъ къ самымъ разнороднымъ классамъ Ирана; между ними вы найдете всѣ переходы, начиная отъ принцессы и кончая дочерью простого рабочаго. Несмотря на это, онѣ отличаются развѣ только наружностью; а затѣмъ, всѣ одинаково безграмотны, не развиты, разрисованы румянами и бѣлилами, откормлены и, въ сущности,—полуодѣты, хотя очень богато, такъ какъ по модѣ, установлен-

Digitized by Google

ной шахомъ въ подражаніе европейскимъ балеринамъ, юбки ихъ прикрываютъ только верхнюю половину бедеръ, а вся нижняя часть и ноги остаются голыми и разукрашены браслетами. Разница въ положеніи этихъ женъ заключается лишь въ томъ, что болѣе умныя изъ нихъ пріобрѣтаютъ вліяніе на шаха, а вмѣстѣ съ тѣмъ, получая за свои протекціи массу пешкешей деньгами и драгоцѣнностями, обезпечиваютъ себя на случай развода или смерти своего державнаго супруга, когда большинству изъ нихъ предстоитъ почти быть выброшенными изъ гарема*)...

Въ эндерунѣ и въ обществѣ такихъ его жемчужинъ Насреддинъ проводитъ обыкновенно большую часть своего времени, слушая ихъ болтовню, любуясь ихъ танцами, или развлекаясь невиннымъ зрѣлищемъ ихъ общаго купанья въ бассейнѣ... Когда же его величеству вздумается осчастливить одну изъ нихъ приглашеніемъ въ свою опочивальню,—въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ днемъ и ночью дежурятъ тѣлохранители каджарскаго племени, происходитъ довольно комичная сцена. Предшествуя приглашенной женѣ, сюда входитъ сперва старшій евнухъ и громко объявляетъ:

— Къ царю-царей и къ полюсу вселенной изволитъ проходить его царственная супруга!

По этому возгласу весь караулъ падаетъ ницъ, обернувшись спиною ко входу, закрывъ глаза и

*) Такъ и было поступлено со всѣми бездѣтными женами Насреддина въ 1896 году послѣ его убійства: военный министръ выгналъ ихъ изъ дворца еще до пріѣзда изъ Тавриза новаго шаха.

Digitized by Google

Музаферъ Эдинъ-Мирза.

Нынѣшній Шахъ.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R

Digitized by Google

уткнувшись лбомъ въ землю, и въ этомъ положеніи люди остаются до тѣхъ поръ, пока евнухъ не возвѣститъ о томъ, что прохожденіе совершилось. То-же самое повторяется и при обратномъ шествіи...

Помимо этихъ женъ, семья Насреддинъ-шаха состоитъ изъ множества дочерей и трехъ сыновей, получившихъ воспитаніе чисто-персидское и почти незнакомыхъ съ европейскимъ образованіемъ. Старшій сынъ, Зилли-султанъ или *«тѣнь государя»*, по общему мнѣнію, — человѣкъ энергичный, корыстолюбивый и жестокій до крайности. Мать его была простая рабыня и поэтому онъ лишенъ права на престолъ. Тѣмъ не менѣе ему приписываютъ честолюбивыя стремленія и, между прочимъ, на клинкѣ его драгоцѣнной сабли существуетъ, говорятъ, алмазная надпись: «Этимъ будетъ зарубленъ всякій, кто замыслитъ на престолъ Ирана, помимо первенца шахинъ-шаха». Съ юныхъ лѣтъ онъ состоитъ намѣстникомъ въ Исфагани, гдѣ нажилъ громадное богатство «тѣмъ, — какъ самъ хвалился, — что безцеремонно вѣшалъ всѣхъ хановъ, добровольно не приносившихъ ему своихъ состояній»!..

Второй сынъ, Музафаръ-Эддинъ, считается *валіатомъ*, т. е. наслѣдникомъ престола, и поэтому живетъ постоянно въ Тавризѣ, въ качествѣ намѣстника Адербейджана. Его считаютъ добрымъ, бѣднымъ, подпавшимъ подъ вліяніе духовенства и *еще менѣе способнымъ, чѣмъ его родитель* *).

*) Эта характеристика Музафаръ-Эддина вполнѣ подтверждается свѣдѣніями изъ Персіи о первыхъ его шагахъ въ качествѣ шаха.

Digitized by Google

Наконецъ, третій сынъ, Камранъ-Мирза,—*Наибе-султане* или военный министръ и главнокомандующій персидской арміи. Съ его личностью мы уже нѣсколько знакомы и поговорить о немъ намъ предстоитъ еще.

Вотъ бѣглый очеркъ, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, жизни и дѣятельности персидскаго монарха, котораго мы ожидаемъ въ Буджнуртѣ.

Digitized by Google

Зилли-Султанъ.

Старшій сынъ Шаха.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R

Digitized by Google

XIII.

13-10 іюля.

Парадное вступленіе шаха въ Буджнуртъ.—Шахскій обозъ и зять его величества.—Персидская армія.—Представленіе генерала.

Наконецъ мы узрѣли его величество «царя-царей». Сегодня въ полдень состоялось его торжественное вступленіе въ Буджнуртъ.

Агентъ нашъ Таировъ ѣздилъ вчера за переходъ отъ Буджнурта, въ лагерь шаха, за свѣдѣніями о порядкѣ встрѣчи и вернулся съ извѣстіемъ, что въ честь русскихъ гостей предстоитъ особенно парадное вступленіе и что мы должны встрѣтить его величество въ разстояніи полуфарсага отъ города. Добавлялось, что всѣ войска и сановники шаха будутъ въ парадныхъ костюмахъ.

Digitized by Google

Сегодня, въ 10 часовъ утра, мы выѣхали поэтому версты за три на югъ отъ города и расположились здѣсь на краю дороги. Казаки и текинскіе милиціонеры выстроились въ линію съ развернутыми значками, имѣя на правомъ флангѣ хоръ музыки. Всѣ были, конечно, въ парадной формѣ. День—особенно жаркій.

Еще наканунѣ вечеромъ показалась въ Буджнуртѣ голова шахскаго вьючнаго обоза; онъ непрерывно тянулся всю ночь и продолжалъ проходить по дорогѣ, на которой мы стояли еще и сегодня. Чтобы дать болѣе опредѣленное понятіе о величинѣ и свойствахъ этого транспорта, необходимо замѣтить, что одинъ только обозъ шаха состоитъ изъ нѣсколькихъ сотенъ лошадей, двухъ тысячъ верблюдовъ, четырехъ тысячъ муловъ и семидесяти шести европейскихъ каретъ, колясокъ и другихъ экипажей, большая часть которыхъ запряжена восемью или шестью лошадьми. Прибавьте къ этому, что съ шахомъ слѣдуютъ многія представительницы его *эндеруна*, т. е. женской половины дворца, чуть не вся сановная Персія, любящая комфортъ не менѣе самого повелителя, и около 12 тыс. войска, погонщиковъ, прислуги и разной придворной челяди, снабженной не только палатками и всѣмъ необходимымъ въ пути, но даже такими мелочами, какъ садовые подсвѣчники со стеклянными шарами... Такъ мы и не видѣли конца этой чудовищной, запыленной смѣси людей и животныхъ. Она продолжала тянуться по сторонамъ дороги, какъ

Digitized by Google

во время, такъ и послѣ проѣзда шаха, до поздней ночи.

Пока мы ожидали, усѣвшись въ тѣни деревьевъ, начала предстоявшаго зрѣлища, со стороны города, въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ всадниковъ съ серебряными булавами въ рукахъ, подъѣхалъ молодой блондинъ лѣтъ двадцати двухъ-трехъ, очень красивый и статный. На немъ былъ кафтанъ изъ пестраго кашемира съ большими алмазными застежками и съ жемчужными кистями по сторонамъ; на шеѣ висѣлъ портретъ шаха, украшенный бриллiантами, а съ боку сабля, оправленная въ золото. Остановившись передъ нашей группой, онъ слѣзъ съ коня и подошелъ къ генералу, неся въ лѣвой рукѣ аттрибутъ своей придворной должности, длинную золотую палку, украшенную драгоцѣнными камнями. Это былъ *Заирудъ-довле* (Утѣшеніе государства), первый камергеръ шаха и мужъ его младшей дочери, которая носитъ титулъ *Аниси-довле* — Смиреніе государства.

— Ваше превосходительство,—произнесъ онъ,—я буду имѣть счастіе представить васъ его величеству шахинъ-шаху.

Голосъ молодого камергера былъ такъ симпатиченъ, поза и манеры такъ изящны, что всѣ нашли его очаровательнымъ.

Послѣ нѣсколькихъ привѣтственныхъ словъ генералъ опустился на походный стулъ, остальные разсѣлись на разостланныхъ буркахъ. Казалось, хотя

Digitized by Google

здѣсь, подъ открытымъ небомъ, бесѣда обойдется безъ кофе и кальяна. Но нѣтъ, они словно выросли изъ земли и явились передъ нами, какъ роковые спутники персидскаго кейфа, безъ которыхъ у этихъ людей точно языкъ присыхаетъ къ горлу. Заирудъ-довле, такъ мало походившій на перса по своей наружности, оказался имъ во многихъ другихъ отношеніяхъ. Довольно сказать, что своими пустыми фразами и приторною лестью онъ могъ бы выдержать состязаніе даже съ самимъ кочанскимъ краснобаемъ.

Но не долго пришлось его слушать. Вдали раздался какой-то маршъ и показались войска, медленно приближавшіяся въ нашу сторону. Всѣ встали съ напряженнымъ вниманіемъ, приготовляясь къ необычайному зрѣлищу,—увидѣть гвардію шаха, слѣдовательно, дѣйствительный цвѣтъ персидскаго воинства... Немного погодя, мимо насъ прошелъ стройный хоръ музыкантовъ въ красныхъ мундирахъ, съ мѣдными инструментами прямо изъ Кенигреца; хору предшествовалъ верхомъ, съ саблей на голо, которою отсалютовалъ съ большимъ достоинствомъ, шутовски разодѣтый капельмейстеръ, повидимому, иностранецъ. Музыка играла весьма недурно и вообще въ смыслѣ подражанія она удалась персамъ. За нею восемь лошадей потащили на некрашенномъ деревянномъ лафетѣ тяжелое мѣдное орудіе, заряжающееся съ дула,—*саламъ-топъ* или салютаціонную пушку. Далѣе потянулись мулы, на которыхъ лежали тѣла девяти гор-

Digitized by Google

ныхъ орудій, лафеты, колеса и другія принадлежности. Всякое орудіе имѣло свой значекъ и вокругъ каждаго изъ нихъ тѣснилась толпа прислуги, разукрашенная разными перьями и лампасами и сильно напоминавшая войска изъ оперетокъ Оффенбаха. За этою батареею прошли, такъ-называемые, *замбуреки*, представившіе для насъ совершенно новое зрѣлище. На 50 прекрасныхъ верблюдахъ, подобранныхъ какъ одинъ и разукрашенныхъ бѣлыми ракушками на всей сбруѣ, были установлены старые фальконеты, первообразы пушекъ, отслужившіе дѣлу даже персидской артиллеріи еще въ срединѣ прошлаго столѣтія. За каждымъ фальконетомъ сидѣлъ артиллеристъ въ красномъ мундирѣ, а за его спиною развѣвался бѣлый значекъ, прикрѣпленный къ сѣдлу верблюда. Длинною вереницею потянулись передъ нами *замбуреки*, и этимъ закончилось прохожденіе артиллеріи, составляющей, надо замѣтить, слабѣйшій родъ войска въ арміи шаха. Говорятъ, что замбуреки очень ловко кладутъ своихъ верблюдовъ и открываютъ огонь прямо со спины животныхъ. Тѣмъ не менѣе, существованіе ихъ не больше какъ прихоть, а уничтоженіе едва-ли принесло бы ущербъ военнымъ интересамъ Ирана, что, впрочемъ, сознаютъ и сами персы.

Вслѣдъ за артиллеріею грянулъ второй хоръ музыки и началось прохожденіе регулярной пѣхоты, подготовленной въ Тегеранѣ австрійскими инструкторами. Судя по почетному караулу въ Кочанѣ, мы

Digitized by Google

ожидали увидѣть нѣчто невозможное, но пѣхота шаха оказалась значительно лучше, въ особенности его артиллеріи. Люди, правда, всевозможныхъ возрастовъ, отъ юноши до сѣдого старика, были весьма однообразно одѣты въ синіе мундиры австрійскаго покроя, съ красными погонами и съ карманными клапанами на груди и на фалдахъ. Барашковыя ихъ шапки очень похожи на такой-же головной уборъ нашей арміи, но у сарбазовъ они даже красивѣе и удобнѣе, т. е. нѣсколько выше, снабжены подбородным ремнемъ, и, сверхъ персидскаго герба, украшены крошечнымъ чернымъ султаномъ на подобіе маленькаго полураскрытаго вѣера. Обувь состояла изъ легкихъ башмачковъ и отдѣльныхъ голенищъ, которыя повязываются только для похода. На поясномъ ремнѣ висѣли патронная сумка и ножны со штыкомъ, а черезъ плечо— жестяная фляга для воды. Снаряженіе, словомъ, довольно удобное. Но люди казались крайне малорослыми и имѣли необыкновенно апатичный видъ, несмотря на то, что мы, русскіе, также представляли для нихъ нѣкотораго рода зрѣлище. Впрочемъ, эта апатія нѣсколько понятна въ пожизненныхъ солдатахъ, какими являются персидскіе сарбазы.

Три *фоуджа* или батальона такихъ войскъ, человѣкъ по 700 въ каждомъ, медленно и по 4 въ рядъ потянулись передъ нами, неся ружья свѣшенными черезъ правыя плечи. Офицеры были верхами и отличались, кромѣ сабель, галунной петличкой на воротникѣ, желтыми шелковыми шарфами и золо-

Digitized by Google

тыми шнурками на шапкахъ. Приближаясь къ нашему генералу, они опускали сабли, а начальники частей дѣлали сверхъ того, такъ называемый, заѣздъ. Въ хвостѣ каждаго *фоуджа*, одинъ изъ офицеровъ, окруженный четырьмя пѣшими ассистентами, везъ развернутое знамя и преклонялъ его для салюта. За нимъ слѣдовалъ лазаретный фургонъ, замыкавшій шествіе батальона.

Послѣ прохожденія пѣхоты мы сѣли на коней въ надеждѣ на скорое приближеніе центра зрѣлища,— самого шаха, но вскорѣ дали знать, что его величество остановился гдѣ-то въ саду и завтракаетъ. Началось новое продолжительное ожиданіе.

Было около часа пополудни, когда на краю горизонта поднялись густыя облака пыли и черныя массы иррегулярной персидской конницы, выйдя изъ-за дальнихъ садовъ и быстро развернувшись на равнинѣ по обѣимъ сторонамъ дороги, начали медленно приближаться къ возвышенію, на которомъ мы стояли.

— Ѣдетъ, ѣдетъ!—раздалось между булавоносцами Заирудъ-довле. Засуетившись, они начали выстраиваться правѣе нашихъ казаковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мимо насъ прошелъ по-взводно, съ музыкой во главѣ, превосходно одѣтый въ красные черкески, конвойный эскадронъ шаха. Это была, точная до послѣднихъ деталей, копія съ нашего петербургскаго конвоя; даже офицеры были въ русскихъ эполетахъ. Насколько можно судить

Digitized by Google

по одному прохожденію, подражаніе, кажется, удалось на этотъ разъ не по одной только внѣшности. Эскадронъ состоитъ изъ Закавказскихъ выходцевъ, обученъ по нашему уставу и нашими офицерами и по составу людей и лошадей не оставляетъ желать ничего лучшаго. Словомъ, эскадронъ произвелъ на насъ такое впечатлѣніе, что, казалось, онъ можетъ, безъ всякаго преувеличенія, съ достоинствомъ войти въ среду любой европейской арміи.

За эскадрономъ проѣхала громадная карета шаха, расписанная золотомъ и запряженная цугомъ восьмью кровными бѣлыми конями. Спустя нѣсколько минутъ мимо насъ промчалась толпа красныхъ всадниковъ, съ серебряными булавами. За ними показался самъ шахъ. Онъ медленно ѣхалъ одинъ, впереди большой свиты принцевъ, министровъ и другихъ сановниковъ, сверкая на солнцѣ своимъ бриллiантовымъ султаномъ и массой крупныхъ драгоцѣнныхъ камней на мундирѣ и саблѣ; бѣлый конь подъ нимъ также сіялъ золотымъ уборомъ. Намъ показалось, что шахъ почти не измѣнился послѣ 1878 года, когда онъ совершалъ свою вторую поѣздку въ Европу и, во всякомъ случаѣ, выглядѣлъ даже нѣсколько моложе своихъ 53-хъ лѣтъ. Тотъ-же матово-блѣдный цвѣтъ лица. тѣ-же красивые черные усы, живой взглядъ и нервныя движенія.

Нѣсколько ранѣе нашего генерала къ шаху направился молодой *Заирудъ-довле*. Остановившись въ почтительномъ отдаленіи, онъ доложилъ съ глубо-

Digitized by Google

кимъ поклономъ, что имѣетъ счастіе представиться посолъ Его Величества Императора Всероссійскаго генералъ-лейтенантъ Комаровъ. Шахъ пріостановилъ коня и подбоченился. Подъѣхалъ генералъ.

— По Высочайшей волѣ моего Августѣйшаго Повелителя, Государя Императора,—произнесъ онъ,—имѣю счастіе привѣтствовать Его Именемъ ваше величество.

Шахъ выслушалъ это, приложивъ руку къ своему султану. Принявъ затѣмъ почетный рапортъ и освѣдомившись о здоровьѣ Государя, онъ пригласилъ генерала ѣхать съ собою и направился къ казачьей сотнѣ, которая встрѣтила его персидскимъ гимномъ и дружными криками «ура». Остановившись на нѣсколько минутъ передъ нашей музыкой, шахъ сказалъ, что она превосходно играетъ персидскій гимнъ. Затѣмъ онъ проѣхалъ передъ фронтомъ, гдѣ ему былъ представленъ командиръ таманскаго полка Муратовъ. Пристально взглянувъ на атлетическую фигуру полковника съ бородой на половину закрывавшей эполеты, шахъ спросилъ, — казакъ-ли онъ? На текинцахъ онъ также остановилъ свое вниманіе и поинтересовался узнать, много-ли подобной конницы на Ахалѣ?... Послѣ всего этого шахъ свернулъ на дорогу и приказалъ, чтобы казаки слѣдовали правѣе его и впереди персидской конницы. Вообще повелитель Ирана былъ внимателенъ и милостивъ настолько, что превзошелъ всѣ наши ожиданія.

Digitized by Google

По пути шахъ не переставая разспрашивалъ генерала.

— Я помню участіе Комарова подъ Ардаганомъ,— замѣтилъ онъ между прочимъ. — Это вы были?

— Нѣтъ, ваше величество, — одинъ изъ моихъ братьевъ. Во время послѣдней войны я служилъ въ Дагестанѣ.

Остальные разспросы были въ томъ-же родѣ. Уже въ виду Буджнурта, сворачивая къ приготовленному для него саду, шахъ объявилъ генералу, что, къ сожалѣнію, не имѣетъ времени продолжать бесѣду, но что воспользуется для этого первымъ удобнымъ случаемъ. Генералъ отвѣтилъ поклономъ, и мы отдѣлились отъ громадныхъ массъ иррегулярной персидской конницы, слѣдовавшей за шахомъ. Въ Буджнуртъ мы вернулись съ пѣснями, съ трудомъ пробираясь среди нѣсколькихъ десятковъ тысячъ любопытныхъ персовъ, толпившихся на равнинѣ возлѣ города. Мусульманскою особенностью этой пестрой и въ высшей степени своеобразной массы являлось совершенное отсутствіе женщинъ. Послѣднія въ своихъ разноцвѣтныхъ чадрахъ унизывали всю линію городской ограды, какъ-бы составляя надъ нею характерный живой карнизъ.

Часа черезъ два послѣ нашего возвращенія къ намъ пріѣхалъ въ придворной каретѣ одинъ изъ приближенныхъ шаха, *Хакимулъ-мамаликъ*. Онъ привезъ генералу орденъ «Льва и солнца» и возложилъ его послѣ цѣлой напыщенной рѣчи на персидскомъ языкѣ,

Digitized by Google

которую закончилъ французской фразой «je vous filicite mon general!» Выслушавъ въ свою очередь подобающій отвѣтъ о глубокихъ чувствахъ, вызванныхъ этимъ вниманіемъ его величества шаха, Хакимулъ-мамаликъ накурился изъ кальяна, наѣлся сладостей и удалился съ часами въ 300 рублей, которые онъ принялъ, по просьбѣ генерала, «на память о сегодняшнемъ днѣ».

Завтра будемъ имѣть парадную аудіенцію у шаха.

Digitized by Google

XIV.

14-го іюля.

Парадный выѣздъ, шахскій лагерь и угощеніе.—Садъ Азаръ-багъ, его фонтаны и бельведеръ.—Аудіенція у шаха.—Визиты сановниковъ.—Персидская «иллюстрація».

Аудіенція была назначена въ 4 часа пополудни. Нѣсколько ранѣе этого, за нами прибылъ въ придворной каретѣ второй камергеръ шаха съ доброю сотнею разныхъ булавоносцевъ и скороходовъ въ красныхъ расшитыхъ ливреяхъ. Въ то-же время генералъ получилъ пятнадцать знаковъ разныхъ степеней «Льва и солнца» для раздачи офицерамъ и 20 золотыхъ и серебряныхъ медалей для нижнихъ чиновъ. Разукрасившись этими звѣздами, мы сѣли на коней и медленно тронулись за каретой, въ которой помѣстились

Digitized by Google

генералъ и камергеръ шаха. Впереди и по сторонамъ экипажа разсыпались конная прислуга и скороходы...

Садъ *Азаръ-багъ*, въ которомъ расположился шахъ, раскинутъ въ полутора верстахъ на югъ отъ Буджнурта. Дорога къ нему, начиная отъ самаго города, тянется по прямой аллеѣ, обсаженной съ каждой стороны двумя рядами тополей и снабженной двумя канавами съ проточною водою, которая наполняетъ на своемъ пути длинную цѣпь небольшихъ бассейновъ, окруженныхъ скамейками для публики. Хотя правовѣрные весьма усердно совершаютъ здѣсь свои благочестивыя омовенія, аллея эта одна изъ, такъ называемыхъ, «европейскихъ» затѣй буджнуртскаго хана. Проѣзжая по ней и задыхаясь въ густыхъ облакахъ пыли, поднятой вѣчно снующими здѣсь толпами пѣшихъ и конныхъ, мы проклинали персидскаго новатора за то, что онъ не усвоилъ простого обыкновенія поливать аллею, несмотря на такую близость и изобиліе воды. Это было тѣмъ досаднѣе, что собираясь предстать передъ очи самого шаха, мы, конечно, нарядились какъ на балъ и въ нѣсколько минутъ приняли видъ, какой бываетъ развѣ у степняковъ, только что вынесшихъ песчаную бурю...

Громадный лагерь разныхъ придворныхъ и иррегулярной конницы шаха, расположенный по обѣимъ сторонамъ аллеи, далъ намъ возможность нѣсколько познакомиться съ походною жизнью персовъ. Палатки ихъ, разнообразныя по виду и величинѣ, чрезвычайно удобны для жизни въ полѣ, но только не въ воен-

Digitized by Google

ной обстановкѣ; для этого онѣ слишкомъ тяжелы и сложны. Обыкновенно тѣневая сторона ихъ бываетъ поднята въ видѣ навѣса и позволяетъ видѣть всю внутреннюю обстановку. Въ смыслѣ персидскомъ она была комфортабельна во всѣхъ палаткахъ: вездѣ ковры, объемистая постель, громадныя подушки, масса всевозможной громоздкой посуды, неизбѣжный кальянъ и садовый подсвѣчникъ со стекломъ даже тамъ, гдѣ кейфировали три-четыре самыхъ заурядныхъ перса. Короче,—лагерь обладалъ всѣми условіями, необходимыми для того, чтобы въ военное время онъ достался непріятелю при малѣйшей неудачѣ персидскаго оружія.

Нѣсколько не доѣзжая до конца аллеи, карета остановилась, при чемъ стоявшая тутъ рота сарбазовъ взяла «на караулъ». Мы слѣзли съ коней и вслѣдъ за генераломъ вошли въ роскошно убранную палатку, въ которой передъ длиннымъ столомъ заставленнымъ фруктами и разными сладостями, сидѣли братъ шаха, принцъ Рукнудъ-довле, Заирудъ-довле и еще какой-то молодой человѣкъ, какъ намъ сказали,—одинъ изъ фаворитовъ шаха. Въ обычной бесѣдѣ прошли здѣсь полчаса, въ продолженіе которыхъ нѣсколько разъ появлялись на сцену кофе и кальяны, особенно богато разукрашенные жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, такъ какъ угощеніе, предшествующее аудіенціи, предлагалось на этотъ разъ отъ имени самаго шаха...

Но вотъ доложили наконецъ, что пора идти къ его величеству. Тучный принцъ надѣлъ свои туфли

Digitized by Google

и вышелъ изъ палатки вмѣстѣ съ генераломъ; отъ тяжести онъ еле переступалъ ногами, въ особенности когда начали подниматься вверхъ по аллеѣ. Впереди ихъ пошли оба камергера, быстро преобразившіеся въ костюмахъ, установленныхъ здѣсь, для придворныхъ церемоній. Этотъ новый нарядъ состоялъ изъ древне-персидскихъ шапокъ, — что-то вродѣ высокихъ камилавокъ съ краснымъ верхомъ, тщательно повязанныхъ бѣлою дорогою шалью, и изъ пестрыхъ кашимировыхъ халатовъ, спускавшихся до самой земли. На груди у нихъ красовались алмазныя застежки съ кистями изъ крупнаго жемчуга, а у Заирудъ-довле, сверхъ того, — и портретъ шаха. Оба камергера выступали медленнымъ шагомъ, опираясь на свои драгоцѣнныя палки. Такъ мы продефилировали между шпалерами придворныхъ служителей, низко кланявшихся въ своихъ расшитыхъ красныхъ ливреяхъ, и подошли къ шелковой оградѣ розоваго цвѣта, окружающей походную резиденцію шаха. Еще нѣсколько шаговъ, — и передъ нами открылась внутренняя, изящно-прекрасная обстановка этой резиденціи, казавшейся какимъ-то заколдованнымъ міромъ... Конецъ широкой аллеи упирался здѣсь на обширную террасу, средину которой занималъ огромный бассейнъ съ фонтаномъ, извергавшимъ массу воды на высоту нѣсколькихъ саженъ. Вокругъ этого бассейна расположены три другіе меньшихъ размѣровъ, но столь-же изящные и такъ-же съ фонтанами. За бассейнами красовался родъ бельведера, — бѣлый лѣтній дворецъ или

Digitized by Google

павильонъ Буджнуртскаго хана. Щегольской фасадъ этого зданія, обращенный къ фонтанамъ, составляетъ изящную галлерею. На цѣлый рядъ легкихъ витыхъ колоннъ, словно выточенныхъ изъ мрамора, опирается богатый карнизъ, состоящій изъ многочисленныхъ слоевъ, выступающихъ впередъ съ чудными орнаментальными украшеніями лѣпной работы. Особенно врѣзались въ памяти барельефы женскихъ головокъ, высунувшихся въ-наружу изъ медальоновъ, симметрично раскинутыхъ по карнизу. Фасадъ павильона заканчиваютъ двѣ лѣстницы подъ арками, расположенными по сторонамъ колоннады. Павильонъ и вся нижняя терраса съ фонтанами были обнесены шелковой оградой, расшитой съ внутренней стороны прелестными цвѣтными арабесками, а за нею уже вставала зеленая стѣна чинаръ и разныхъ фруктовыхъ деревьевъ Азаръ-бага.

При входѣ въ этотъ полуфантастическій дворъ стояла караульная рота сарбазовъ, а возлѣ фонтановъ и павильона виднѣлось нѣсколько персовъ. Но всѣ они точно приросли къ землѣ или окаменѣли: ни звука, ни движенія. Молчаніе самое торжественное и заразительное! Можно было подумать, что шахъ лежитъ на смертномъ одрѣ и переживаетъ послѣднюю агонію. Даже монотонный шумъ фонтановъ, способный усыпить во всякое другое время, здѣсь, среди этой эффектной обстановки, исполненной таинственной тишины, пробуждалъ и невольно смирялъ всякаго, кто переступалъ завѣтный порогъ шелковой ограды.

Digitized by Google

И такъ, точно паломники, смирившіеся передъ стѣнами великой святыни, мы молча направились къ «защитнику вселенной», и по правой лѣстницѣ поднялись на галлерею. Здѣсь камергеры приняли въ сторону и пропустили насъ, съ принцемъ во главѣ, въ оригинальную залу, расположенную въ глубинѣ павильона. Средину ея занималъ бассейнъ, изъ желтоватаго мрамора съ коричневыми прожилками, вокругъ котораго весь полъ былъ устланъ дорогими шалями. По угламъ бассейна возвышались четыре раззолоченныя колонны, подпиравшія досчатый потолокъ, покрытый простой синькой... Дорогія шали, мраморъ, позолота и... синька! Вотъ лучшая характеристика современной Персіи съ ея роскошью и цивилизаціею!..

Въ стѣнахъ залы крестообразно были расположены четыре просторныя сквозныя ниши, забранныя съ наружныхъ сторонъ разноцвѣтными стеклами въ узорчатыхъ рамахъ. Въ одной изъ нихъ стоялъ, когда мы вошли, чистенькій и гладко выбритый *Насреддинъ-шахъ*. Сіяя, по обыкновенію, драгоцѣнными камнями, покрывавшими между прочимъ и всю его саблю, онъ опирался лѣвой рукой на круглый столикъ, на которомъ лежали золотыя очки, лорнетка, осыпанная брилліантами, и жемчужныя четки, единственныя, говорятъ, въ мірѣ по величинѣ своихъ зеренъ. Въ глубинѣ комнаты виднѣлась еще фигура уже знакомаго намъ *Хакимулъ-Мамалика*, одѣтаго по европейски, но безъ сапогъ.

Digitized by Google

Генералъ подошелъ къ шаху и поклонился; то-же самое сдѣлали мы, остановившись въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Ваше величество, — началъ генералъ, — еще разъ имѣю счастіе привѣтствовать васъ именемъ Государя Императора, по случаю пребыванія вашего вблизи Его владѣній. Мой Августѣйшій Повелитель питаетъ къ особѣ вашего величества и къ вашему народу тѣ-же священныя чувства дружбы и высокаго почитанія, которыми всегда былъ преисполненъ Его Великій Родитель, и будетъ, конечно, содѣйствовать вящему укрѣпленію этихъ отношеній ко взаимной пользѣ обоихъ сосѣднихъ и дружественныхъ народовъ. Я невыразимо счастливъ, что мнѣ выпала высокая честь передать вашему величеству пожеланія и чувства моего великаго Монарха. Исполняя Его волю, пользуюсь случаемъ, чтобы принести и чувства глубокой признательности, вызванныя во мнѣ и въ присутствующихъ здѣсь русскихъ офицерахъ вниманіемъ и честью, которыя вашему величеству угодно было оказать намъ пожалованіемъ орденовъ «Льва и солнца».

Пока агентъ переводилъ все это, шахъ стоялъ неподвижно. Наконецъ, онъ переступилъ съ ноги на ногу, нервно повелъ плечами и быстро заговорилъ своимъ обычнымъ глухимъ голосомъ:

— Я всегда высоко цѣнилъ дружественныя отношенія ко мнѣ Императора Александра II и не сомнѣваюсь, что то-же самое встрѣчу со стороны его

Digitized by Google

достойнаго Преемника. Наши отношенія къ Россіи издавна были наилучшими, и Богъ дастъ, они сохранятся и на будущее время: я радуюсь всему, что дѣлается въ этихъ видахъ и самъ болѣе всего расположенъ дѣйствовать въ этомъ направленіи... Надѣюсь, генералъ, что вашъ пріѣздъ и пребываніе здѣсь послужатъ къ устраненію всякихъ недоразумѣній на нашихъ границахъ съ Ахаломъ. Впрочемъ, о пограничныхъ дѣлахъ вы будете имѣть случай поговорить *съ нимъ*,— кончилъ шахъ, указавъ движеніемъ руки на своего брата, принца Рукнудъ-довле, стоявшаго недалеко въ почтительной позѣ.

— Вы первый разъ въ Персіи?—продолжалъ шахъ, обращаясь къ генералу послѣ нѣкоторой паузы.

— Въ первый разъ, ваше величество.

— И по-персидски не говорите?

— Знаю два слова *хейли-хубъ* *) и нахожу, что ихъ совершенно достаточно здѣсь, такъ какъ мнѣ приходится только хвалить все видѣнное въ предѣлахъ Персіи.

Отвѣтъ былъ въ духѣ Ирана и произвелъ свое дѣйствіе: шахъ улыбнулся и его примѣру послѣдовали разные придворные, заглядывавшіе съ галлереи.

Послѣ этого шахъ выразилъ желаніе, чтобы ему были представлены всѣ офицеры. Послѣдовательно, начиная съ полковника Муратова, каждый изъ насъ подходилъ и становился передъ его величествомъ,

---

*) Очень хорошо.

Digitized by Google

держа руку у головнаго убора, пока длилось представленіе генерала. Шахъ стоялъ молча. По окончаніи этой процедуры онъ обратился въ генералу съ вопросомъ:

— Когда вы предполагаете вернуться?

— Я буду ждать приказанія вашего величества.

— Черезъ нѣсколько дней я намѣренъ сдѣлать смотръ моимъ войскамъ, на которомъ желаю видѣть васъ и вашихъ казаковъ. Послѣ смотра мы разъѣдемся изъ Буджнурта одновременно.

Проговоривъ это, его величество сдѣлалъ шагъ назадъ въ глубину ниши—знакъ, что аудіенція кончена. Мы отвѣсили ему поклоны и вышли тѣмъ-же порядкомъ въ сопровожденіи камергеровъ.

Сегодня вечеромъ генерала посѣтили старикъ Толозанъ, типичный французъ, уже почти 30 лѣтъ состоящій въ должности шахскаго лейбъ-медика, и, такъ называемый, «министръ полезныхъ предпріятій», *Саніудъ-довле*, пользующійся здѣсь репутаціею литератора и ученаго. Насколько велики полезныя предпріятія, которыми послѣдній облагодѣтельствовалъ Персію,—аллахъ вѣдаетъ; но я могу сказать два слова о его дѣятельности, какъ литератора и ученаго. Онъ издалъ на родномъ языкѣ нѣчто вродѣ географическаго словаря своего отечества и теперь редактируетъ «*Шарефъ*» — свѣтъ, знаніе — иллюстрированный листокъ, выходящій въ Тегеранѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ, съ портретами разныхъ дѣятелей. Передъ нами

Digitized by Google

послѣдній или восьмой номеръ этого изданія. Онъ весь состоитъ изъ одного обыкновеннаго листа писчей бумаги, занятаго двумя плохими портретами *и 44 строками крупнаго литографированнаго текста.* На первой страницѣ фигурируетъ, выражаясь языкомъ подлинника въ буквальномъ переводѣ, «его превосходительство, Мирза-Абдулъ-Манабъ-ханъ, *Насирелъ-довле* (Помощь государства), и умнѣйшій министръ торговли этого вѣчнаго и прославленнаго царства». Біографіи этого мужа, халатъ котораго украшенъ девятью звѣздами и портретомъ шаха, посвящены *11 строкъ.* За нимъ слѣдуетъ «его превосходительство, «*мусью Куски*», также «умнѣйшій посланникъ» австрійскаго императора «при дворѣ этого вѣчнаго и прославленнаго государства». Его біографія обнимаетъ также *11 строкъ*, и что курьезнѣе всего—это не случайность, а подогнано, какъ насъ увѣряли, чтобы счастливцы, попавшіе на страницы «*Шарефа*», не завидовали другъ другу въ количествѣ восхваленій!... Чисто восточная услужливость передъ вельможами, которую не мешало бы принять къ свѣдѣнію и нашимъ «иллюстраціямъ»...

Остальной текстъ «*Шарефа*» составляетъ описаніе путешествія «его величества, царя-царей и защитника вселенной, да увѣковѣчитъ аллахъ его мудрое правленіе!»

Этотъ образчикъ «свѣта», изливаемаго на вѣрноподданныхъ защитника вселенной, даетъ нѣкоторое понятіе о количествѣ европейскаго свѣта, выпавшаго на долю самаго министра-литератора. Онъ коснулся

Digitized by Google

его, какъ и всей почти персидской «интеллигенц и», ровно настолько, чтобы достаточно плохо говорить по-французски и не считать оскверняющимъ общество гяуровъ. И довольно, ибо больше здѣсь и не требуется, а очень оевропеившихся даже просто не любятъ всѣ, не исключая и самого шаха. Такъ или иначе, но «на безлюдіи и Ѳома дворянинъ» и въ этомъ смыслѣ Саніудъ-довле одинъ изъ передовыхъ людей Персіи...

Digitized by Google

XV.

16-го іюля.

Стрѣла государства, его дворецъ и баня.—Визиты вельможамъ.—Фонари въ Персіи.—Переговоры съ принцемъ и приглашеніе на парадный обѣдъ.

Еще два дня прошли въ Буджнуртѣ, точно въ сказочномъ мірѣ, и дни эти были столь-же богаты эффектами и впечатлѣніями, какъ и всѣ предъидущіе.

Вчера утромъ посѣтилъ генерала наслѣдственный правитель Буджнурта, Яръ-Магомедъ-ханъ, *Сагамудъ-довле* (стрѣла государства), тотъ самый, кому городъ обязанъ своимъ относительнымъ благоустройствомъ. По внѣшности это самый обыкновенный курдъ, черный. рябой и нѣсколько полный. Но сдержанный въ

Digitized by Google

рѣчахъ и простой въ обращеніи, онъ не бьетъ на ханскій эффектъ и составляетъ въ этомъ отношеніи пріятный контрастъ правителю Кочана. Скромно усѣвшись въ пріемной, ханъ началъ извиняться передъ генераломъ, что хлопоты по пріему шаха не позволяли ему до сихъ поръ явиться и засвидѣтельствовать свое почтеніе. Но онъ радъ представившемуся случаю познакомиться съ *сардаромъ* сосѣдней страны, готовъ къ его услугамъ и т. д. Ханъ удалился, выслушавъ въ свою очередь, за кальяномъ и кофе, благодарнось генерала за пріемъ, похвалы за воспитаніе дѣтей и образцовые порядки, заведенные имъ въ Буджнуртѣ. Кстати, Буджнуртъ произвелъ весьма хорошее впечатлѣніе на шаха, который наградилъ поэтому Яръ-Магомедъ-хана званіемъ *Амиръ-тумана* или полнаго генерала...

Подъ вечеръ генералъ предпринялъ поѣздку верхомъ, чтобы отдать визиты бывшимъ у него министрамъ и сановникамъ. Муратовъ и я, по обыкновенію, сопровождали генерала. Объѣздъ начался съ буджнуртскаго хана, дворецъ котораго примыкаетъ къ сѣверо-западной части городской ограды. Сквозь арочныя ворота, расположенныя подъ красивымъ двухъ-этажнымъ флигелемъ, обращеннымъ, по восточному обыкновенію, фасадомъ внутрь, мы вошли въ обширный садъ, напоминавшій яркій персидскій коверъ своими симметрично раскинутыми цвѣтниками. Средину сада занимаетъ роскошный узорчатый бассейнъ, а далѣе, въ глубинѣ его, красуется самый дво-

Digitized by Google

рецъ, какъ говорятъ, chef d'oeuvre новѣйшей иранской архитектуры. Внѣшность дворца напоминаетъ мечеть. Внизу онъ обнесенъ галлереею съ изящными легкими колоннами, а надъ серединою его возвышается огромный голубой куполъ, увѣнчанный башней, которая въ свою очередь покрыта куполомъ съ высокимъ шпицемъ. Двѣ другія башни, весьма оригинальнаго вида, расположены по сторонамъ этой главной, и всѣ три блестятъ на солнцѣ своими цвѣтными изразцовыми узорами.

На крыльцѣ этого причудливаго зданія насъ встрѣтилъ самъ хозяинъ, украшенный лентой и звѣздами... Внутренность дворца вполнѣ восточная. Вездѣ зеркальные потолки, бѣлыя стѣны съ лѣпными украшеніями, орѣховыя двери и окна съ разноцвѣтными стеклами и наконецъ, мраморные полы. Чистота образцовая. Но все европейское какъ-то не лѣпится къ этому персидскому великолѣпію, и всякая попытка смастерить и пристегнуть сюда что бы то ни было изъ культуры Запада, вызываетъ невольный смѣхъ. Такъ, въ богатой пріемной у хана стоялъ простой некрашеный столъ, одинъ изъ тѣхъ, что бываютъ на нашихъ кухняхъ. Здѣсь-же были на-глухо задѣланы въ стѣны географическія карты подъ стеклами, и *бѣдная Италія очутилась вверхъ ногами*... На замѣчаніе по этому поводу одного изъ насъ, ханъ отвѣтилъ съ добродушной улыбкой:

— Все равно!... Вѣдь они повѣшены только для красоты. Внизъ-ли головой виситъ карта или вверхъ,—

Digitized by Google

я одинаково ничего не прочту. Такъ стоитъ-ли изъ-за этого портить стѣну?!...

Особенно оригинальна комната, смежная съ пріемной. Средину ея занимаетъ очень красивый мраморный бассейнъ, обставленный вокругъ лимонными и другими деревьями. Въ углу этой комнаты растетъ громадный платанъ, выходящій, черезъ отверстіе въ потолкѣ, наружу и тамъ раскинувшійся надъ дворцомъ исполинскою шапкой.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ въ пріемной за кальянами и кофе, Яръ-Магомедъ-ханъ предложилъ намъ осмотрѣть его роскошную баню. Она стоитъ тутъ-же въ саду, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома. Вслѣдъ за хозяиномъ мы вошли въ восьмиугольную мраморную залу, въ которую свѣтъ падаетъ по обыкновенію сверху, изъ круглыхъ оконъ, расположенныхъ въ сводѣ. Средину залы занимаетъ обширный круглый бассейнъ съ фонтаномъ и отсюда звѣздообразно расходятся во всѣ стороны небольшія мраморныя лѣстницы, ведущія въ отдѣльныя сводчатыя комнаты, выходящія въ центральную залу какъ хоры. Далѣе слѣдуютъ, по разсказамъ, какія-то потайныя комнаты, но мы ихъ не видѣли. Во всякомъ случаѣ бани построены превосходно. Ханъ лично руководилъ ея работами и, понятно, приложилъ здѣсь все свое умѣнье, такъ какъ помимо своего спеціальнаго назначенія, она служитъ ему и для препровожденія времени. Говорятъ, что иногда онъ проводитъ въ банѣ цѣлые дни; ѣстъ и спитъ здѣсь, или кей-

Digitized by Google

фируетъ въ дыму кальяна, подъ усыпляющій говоръ жемчужныхъ брызговъ и, конечно, не безъ представительницъ своего переполненнаго гарема...

Отъ буджнуртскаго хана мы направились въ шахскій лагерь, гдѣ посѣтили Хакимулъ-Мамалика, Саніудъ-довле и наконецъ красавчика-камергера, Заирудъ-довле. Мы бы слишкомъ повторялись, разсказывая отдѣльно о каждомъ изъ этихъ посѣщеній; ограничимся поэтому общей замѣткой. Палатки этихъ господъ одна причудливѣе другой; онѣ поражаютъ великолѣпіемъ и роскошью и въ нихъ вы забываете, что сидите въ походномъ шатрѣ. Но пріемъ вездѣ былъ одинъ и тотъ-же: кальяны, кофе, сладости, изысканная любезность и безсодержательныя рѣчи. Маленькое отступленіе въ этомъ отношеніи сдѣлалъ, какъ и можно было ожидать, Саніудъ-довле,—«ученый» министръ и редакторъ персидскаго «Свѣта». Онъ досталъ свой барометръ-анероидъ и попросилъ насъ объяснить ему устройство и употребленіе этого хитраго инструмента, что и было исполнено. При этомъ присутствовалъ и докторъ Толозанъ, почти неразлучный другъ министра полезныхъ предпріятій; по всей вѣроятности, онъ не замедлилъ бы выручить пріятеля изъ бѣды, если бы разные анероиды не составляли для него, послѣ тридцатипятилѣтняго пребыванія въ Персіи, такую-же диковину, какъ и его сановному другу...

Заирудъ-довле очень сожалѣлъ, что ему не удалось показать намъ *нагара* или оркестръ туземной

Digitized by Google

персидской музыки. Пробираясь къ нему и лавируя между ставками разныхъ вельможъ, мы слышали гулъ барабановъ и крикливое завываніе какой-то трубы, звуки которой сильно напоминали кавказскую зурну. Оказалось, что этой музыкой развлекался зять шаха, но принужденъ былъ распустить ее до нашего пріѣзда, за наступленіемъ часа, послѣ котораго всякій шумъ возлѣ шахской ставки строго воспрещается, въ особенности во время рамазана, т. е. мусульманскаго поста

— Какая досада, что мнѣ не удалось показать вамъ *нагара!*—началъ Заирудъ-довле, усадивъ генерала на почетное мѣсто. — Это было-бы особенно интересно для васъ. Представьте: труба въ пять локтей и барабанъ ужасный!...

Послѣ такого вступленія молодой хозяинъ представилъ генералу своихъ гостей, между которыми одного перса, въ бѣломъ шелковомъ халатѣ и въ такомъ-же тюрбанѣ, назвалъ туземнымъ лейбъ-медикомъ шаха и своимъ задушевнымъ другомъ... У Заирудъ-довле мы просидѣли за разными лакомствами около двухъ часовъ, благодаря его развязной умѣлости порхать отъ одного предмета къ другому, слегка затрогивая своимъ пѣвучимъ голосомъ то своеобразныя прелести тегеранской жизни, то содержаніе персидской поэмы, то наконецъ давнишнюю свою мечту объѣхать Европу и непремѣнно побывать какъ въ русскомъ *Патирѣ*, такъ и въ очаровательномъ *Парисѣ*. Молодой человѣкъ, словомъ, кипитъ жизнью.

Digitized by Google

Заирудъ-Довле.

(Зять Шаха, Церемоніймейстеръ).

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R

Digitized by Google

Обстановка его палатки была роскошнѣе, чѣмъ у кого-бы то ни было, а при эффектномъ свѣтѣ нѣсколькихъ канделябръ съ высокими хрустальными абажурами, она даже казалась фантастическою. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ: его молодая жена принцесса *Аниси-довле* (смиреніе государства) ѣдетъ вмѣстѣ съ гаремомъ шаха и ежедневно ждетъ, не дождется, конечно, таинственныхъ покрововъ ночи, чтобы въ сопровожденіи дряблаго евнуха, который, кстати, фигурировалъ тутъ-же около палатки, явиться къ своему возлюбленному и снять передъ нимъ свое покрывало «смиренія государства»...

Заговоривъ о литературныхъ произведеніяхъ современнаго Ирана, и восторгаясь ими, Заирудъ-довле выложилъ передъ нами нѣсколько литографированныхъ книгъ въ щегольскихъ переплетахъ и показалъ, какъ особенную рѣдкость, одну переплетенную рукопись, повѣствующую объ эротическихъ приключеніяхъ какого-то дервиша. Рукопись дѣйствительно была интересная, но для насъ только по своимъ иллюстраціямъ. Акварельные ея рисунки, изображающіе сцены персидской жизни съ непремѣннымъ участіемъ героя-дервиша, были исполнены на столько художественно и талантливо. что трудно даже предположить, чтобы они вышли изъ-подъ кисти персидскаго мастера, въ чемъ однако насъ увѣряли. Въ заключеніе всего Заирудъ-довле предложилъ генералу свой раскрашенный портретъ, съ длинною собственноручною надписью самаго мармеладнаго свойства.

Digitized by Google

— Очень прошу *джанаби-дженрала* принять это на память о нашей встрѣчѣ въ Хоросанѣ.—произнесъ онъ, вручая свое изображеніе, — и буду счастливъ, если онъ удостоитъ меня своимъ портретомъ: этимъ онъ докажетъ, что не отвергаетъ моей дружбы.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ генералъ.—Но свой портретъ я могу только прислать изъ Асхабада.

— Тѣмъ лучше: это будетъ счастливая для меня причина, по которой его превосходительство, хотя однажды, вспомнитъ меня и послѣ разлуки.

Вся бесѣда велась и ведется здѣсь въ такихъ приблизительно выраженіяхъ...

На обратномъ пути въ городъ насъ провожали съ нѣсколькими фонарями, величина которыхъ не уступала по крайней мѣрѣ двумъ турецкимъ барабанамъ. По поводу ихъ мирахуръ принца высказалъ намъ такую истину: «У большого человѣка все должно быть большое»...

Сегодня генералъ былъ приглашенъ къ принцу Рукнудъ-довле «для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ». Къ назначенному времени обычно обставленная карета подвезла насъ къ знакомому павильону, въ которомъ, поджавши ноги на креслѣ, уже ожидалъ его высочество. Вошли, раскланялись, усѣлись. Но здѣсь приступить прямо къ дѣлу значило бы нарушить самыя священныя правила общежитія и этикета. Поэтому, наговорились предварительно о взаимномъ здоровьи, оказали должное вниманіе новостямъ и слухамъ, и затѣмъ только перешли, подъ звуки неизбѣжнаго каль-

Digitized by Google

яна, къ дѣятельности въ Хоросанѣ русскихъ *кяргузаровъ* или агентовъ. Принцъ началъ съ того, что господа эти по всѣмъ возникающимъ дѣламъ сносятся не съ персидскимъ кяргузаромъ, а съ мѣстными ханами, и, находя въ этомъ нарушеніе международнаго обычая, просилъ генерала о возстановленіи порядка. Рядомъ съ этимъ онъ-же высказалъ желаніе, чтобы мелкія пограничныя дѣла по возможности оканчивать путемъ прямыхъ сношеній, не прибѣгая къ посредничеству дипломатіи... Далѣе онъ поднялъ вопросы о необходимости персидскаго консула въ Асхабадѣ, о разныхъ мѣрахъ къ уменьшенію преступленій на границѣ Хоросана и Ахала, и наконецъ,—о способѣ наказанія провинившихся.

— Если персъ совершитъ хоть маленькую кражу на вашей землѣ, — воскликнулъ, между прочимъ, принцъ,—и вы его пришлете ко мнѣ,—я съ него, съ живого сдеру шкуру!..

Въ заключеніе его высочество просилъ, чтобы на Ахалѣ при слѣдствіяхъ не вскрывали труповъ персовъ, такъ какъ по персидскимъ понятіямъ это считается оскорбленіемъ праха.

— Да и кромѣ того, - продолжалъ принцъ,— разъ человѣкъ убитъ, такъ уже внутренности его не помогутъ къ раскрытію виновника преступленія...

Отвѣчая на все это, генералъ обѣщалъ свое содѣйствіе во всѣхъ подходящихъ случаяхъ и отклонилъ отъ себя нѣкоторыя дѣла, какъ выходящія изъ круга его служебныхъ полномочій.

Digitized by Google

По возвращеніи домой генералъ получилъ приглашеніе на парадный обѣдъ, который дается по приказанію шаха. Въ большомъ запечатанномъ конвертѣ ему поднесли билетъ изъ толстой бристольской бумаги съ золотымъ изображеніемъ наверху персидскаго герба и съ текстомъ, тисненнымъ также золотомъ:

«Azod-ol-Mulk. ministre privé et garde des sceaux, prie m-er le general Komaroff de vouloir bien lui faire l'honneur de diner chez lui, le Dimanche 29/17 iuilet, à 7 heures».

Такіе-же именные билеты получили и всѣ офицеры. Такъ какъ угощеніе устраивается также для казаковъ и милиціонеровъ, то персы справлялись пьютъ-ли они водку и крайне удивились, когда имъ отвѣтили, что въ нашихъ войскахъ она замѣнена чаемъ... Кстати, по поводу предстоящаго обѣда, разсказывали здѣсь, что шахъ разослалъ своихъ охотниковъ на травлю кабановъ, чтобы угостить русскихъ любимымъ ихъ блюдомъ... Но это, оказалось, базарная утка, пущенная однимъ изъ мѣстныхъ шутниковъ.

Digitized by Google

XVI.

Буджнуртъ, 17-го іюля.

Ширъ-Магомедъ-ханъ и совѣтъ министровъ.—«Мечъ государства» и штальмейстеръ шаха.—Парадный обѣдъ.

Сегодня утромъ командующій войсками снова ѣздилъ въ шахскій лагерь съ визитомъ къ *Азодъ-ольмульку*, къ старѣйшему изъ министровъ и хранителю государственныхъ печатей, который представляетъ особу шаха во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, когда лично не присутствуетъ его величество. На возвратномъ пути генералъ посѣтилъ дядю буджнуртскаго правителя, *Ширъ-Магомедъ-хана*, того философа и покровителя дервишей, о личности котораго мы сказали нѣсколько словъ по поводу его деревни Гермиханъ. Онъ былъ у генерала наканунѣ и произвелъ на него

Digitized by Google

очень хорошее впечатлѣніе. Ширъ-Магомедъ-ханъ или *дядя*, какъ его запросто называютъ здѣсь, человѣкъ далеко не простой, даже выдающійся между персами, хотя не безъ странностей. Его домъ, расположенный въ громадномъ саду на краю города, состоитъ изъ длиннаго ряда комнатъ. Здѣсь, *между рѣдкостями*, разставленными по нишамъ, выглядываютъ и бутылки съ одеколономъ, и ромъ ямайскій, и даже «двойное очищенное вдовы Поповой». Во второмъ, смежномъ саду, выстроены зданіе для его нахлѣбниковъ-дервишей и высокая пяти-этажная башня «для обозрѣнія Буджнурта». Гаремъ его состоитъ изъ четырехъ женъ и нѣсколькихъ невольницъ-туркменокъ; но увѣряютъ, что онъ ихъ никогда не видитъ... Ширъ-Магомедъ-ханъ уже слышалъ о томъ, что вчера генералъ былъ на совѣщаніи у принца Рукнудъ-довле и, заливаясь хохотомъ, разсказывалъ по этому поводу:

— Для того, чтобы дать принцу матеріалъ для переговоровъ съ вами, наканунѣ былъ созванъ совѣтъ министровъ, куда приглашенъ былъ и я, какъ человѣкъ знакомый съ мѣстностью и дѣлами этой окраины. Меня и дѣти не разсмѣшили-бы такъ, какъ эти умныя головы Ирана!.. Возникъ. между прочимъ, вопросъ о томъ, въ какомъ направленіи лежитъ Асхабадъ? Вы не повѣрите, но одинъ изъ министровъ указалъ пальцемъ въ сторону Мекки!.. Эхъ, да развѣ это Иранъ?!. Онъ выродился давно! Утратилъ всѣ свои древнія достоинства, не пріобрѣлъ новыхъ и

Digitized by Google

теперь представляетъ изъ себя одну изъ тѣхъ... сладострастныхъ женщинъ, отъ которыхъ нужно отворачиваться!..

Передаю этотъ разсказъ со словъ полковника Муратова, такъ какъ мнѣ самому не пришлось быть у Ширъ-Магомедъ-хана. Я ѣздилъ въ это время, по порученію генерала, въ персидскій лагерь, чтобы получить свѣдѣнія о порядкѣ предстоящаго завтра смотра, на которомъ должны принять участіе и наши казаки и милиціонеры. Но отъ кого получить эти свѣдѣнія, когда въ войскахъ шаха всѣ приказанія передаются, говорятъ, словесно и нѣтъ ничего, что соотвѣтствовало-бы нашему штабу и его начальнику?.. Въ шахскомъ лагерѣ я обратился съ этой дилеммой къ первому персу, который показался мнѣ поважнѣе другихъ.

— Вы должны обратиться прямо къ «мечу государства» *),—объяснилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте узнать, гдѣ пребываетъ «мечъ государства»?

— Ставка главнокомандующаго, принца Важихулла-мирзы, въ лагерѣ регулярныхъ войскъ; это по ту сторону города.

— Извините моё невѣдѣніе, но «мечъ государства» это и есть принцъ Важихулла-мирза?

— Бали, бали (да, да), — быстро проговорилъ персъ, точно испугавшись моего вопроса.

---

*) По-персидски — *Сейфъ-оль-мулькъ.*

Digitized by Google

Я поблагодарилъ и поскакалъ... Передъ ставкой главнокомандующаго мнѣ объявили, что принцъ отсутствуетъ. Но къ счастію, я здѣсь наткнулся, должно быть, на одного изъ крупныхъ офицеровъ; онъ пригласилъ меня слѣзть и войти въ палатку принца, говоря, что его высочество ходитъ по лагерю и скоро вернется. Солнце пекло немилосердно. Вступивъ подъ тѣнь роскошнаго шатра, открытаго съ двухъ сторонъ, я познакомился съ любезнымъ персомъ и съ особеннымъ удовольствіемъ выпилъ стаканъ немедленно предложеннаго имъ холоднаго шербета. Но мой новый знакомый, на воротникѣ котораго блестѣла петличка генеральскаго галуна, молчалъ упорно; надо было сказать что нибудь.

— У васъ, конечно, готовятся къ завтрашнему смотру? — спросилъ я, видя передъ собою бѣлѣющій лагерь, въ которомъ было нѣкоторое оживленіе.—Мы ждемъ его съ большимъ любопытствомъ...

— Правда, очень интересно... «Мечъ государства» большой мастеръ военныхъ эволюцій. Вы не видѣли его?

— Не имѣлъ удовольствія.

— Очень, необыкновенно хорошій человѣкъ, просто прелесть!—воскликнулъ персъ, дополняя свой восторгъ энергическимъ жестомъ.—Вотъ онъ идетъ.

Къ палаткѣ медленно приближался въ это время, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, стройный красавецъ лѣтъ 35, одѣтый въ сюртукъ изъ тонкаго верблюжьяго сукна, — самъ Важихулла-мирза. Онъ

Digitized by Google

что-то очень весело разсказывалъ. Подойдя къ нему, я представился и объяснилъ цѣль своего пріѣзда.

— Очень радъ, — произнесъ принцъ своимъ необыкновенно располагающимъ тономъ, протягивая руку и приглашая садиться. — Эй! что у васъ тамъ... кофе, кальяны!... Какъ здоровье его превосходительства, генерала? — продолжалъ онъ, когда мы опустились на походные стулья

— Генералъ прекрасно чувствуетъ себя въ Персіи, — отвѣтилъ я, — и поручилъ мнѣ узнать о здоровьи вашего высочества и выразить его сожалѣніе, что обстоятельства до сихъ поръ не позволили ему представиться вамъ.

— Дастъ Богъ, мы познакомимся...

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ біографическаго характера принцъ продолжалъ разспрашивать:

— Вы, вѣроятно, первый разъ у насъ въ Иранѣ? Какъ вамъ понравились наши войска?

— Мы всѣ въ восторгѣ отъ нихъ. Откровенно говоря, мы не ожидали увидѣть здѣсь ничего подобнаго.

— Видите-ли, — прервалъ принцъ, — не такъ давно еще я былъ въ Петербургѣ, — подносилъ новому Императору саблю отъ имени шаха. Я видѣлъ тогда русское войско Оно безподобно. Но это войско создано вѣками и многочисленными войнами. Мы-же теперь только взялись за то, что у васъ сдѣлалъ еще Петръ, потому что до послѣдняго времени, строго говоря, у насъ не было регулярнаго войска: были

Digitized by Google

только однообразно одѣтые сарбазы, вооруженные всякимъ европейскимъ бракомъ и предводимые сарбазами-же въ офицерскихъ костюмахъ. Теперь не то... Правда, наши регулярныя войска мнѣ напоминаютъ младенца, только начинающаго ходить Но пройдетъ время, младенецъ окрѣпнетъ, и, я ручаюсь, у насъ будетъ войско, способное помѣряться съ кѣмъ угодно *)!...

— Безъ всякаго сомнѣнія, ваше высочество. И ручательство ваше будетъ тѣмъ основательнѣе, — толкнулъ меня нелегкій вставить,—что организація у васъ, насколько я могу судить. прекрасная; а военный духъ всегда былъ присущъ иранцамъ не менѣе чѣмъ кому-бы то ни было.

— Бали, бали, — засіялъ принцъ. — Это правда. Военнаго духа намъ не занимать. Сколько угодно!... Нужно было видѣть нашихъ молодцовъ во время войны съ курдами шейха Ибейдулла!...

Съ трудомъ сдерживая предательскую улыбку, я сначала углубился въ свою чашку, затѣмъ перешелъ къ кальяну и черезъ нѣсколько минутъ просилъ разрѣшенія удалиться. Принцъ всталъ, сообщилъ нуж-

---

*) Нельзя не замѣтить здѣсь, что въ словахъ любезнаго принца было очень мало правды и что регулярныя войска шаха совершенно не прогрессируются. Основаніе регулярнымъ войскамъ положено въ Персіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, при Фатали-шахѣ, его наслѣдникомъ Аббасъ-мирзой. Генералъ Ермоловъ, ѣздившій въ Персію въ 1816 году въ качествѣ чрезвычайнаго посла, говоритъ, что персидская артиллерія *въ отличномъ порядкѣ, что баталіоны такъ хороши, что подобныхъ нѣтъ даже у него въ кавказскомъ корпусѣ*... Теперь-же объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

Digitized by Google

ныя свѣдѣнія относительно парада и простился со мною съ обычною своею любезностью.

Около 6-ти часовъ вечера за нами прибыли 5 придворныхъ каретъ, запряженныя по обыкновенію бѣлыми шестериками цугомъ. Ихъ сопровождала цѣлая толпа пѣшей и конной прислуги въ красныхъ расшитыхъ ливреяхъ, съ полковникомъ Сулейманъ-ханомъ во главѣ. Сулейманъ-ханъ, армянинъ изъ Карабага, христіанинъ. Онъ прослужилъ здѣсь четверть вѣка въ роли топографа и теперь, по странной прихоти судьбы, или вѣрнѣе персидскихъ воззрѣній на вещи, очутился шталмейстеромъ шаха. Свою метаморфозу онъ объяснилъ такимъ образомъ:

— Здѣсь это все равно!... Завтра могутъ приказать быть топографомъ и тому, кто въ жизни своей не бралъ въ руки инструмента, кромѣ скребницы. И удивляться этому нельзя, когда здѣсь назначенія, сплошь-да-рядомъ, зависятъ отъ людей, достойныхъ быть развѣ конюхами...

Время, назначенное для обѣда, миновало, и мы уже болѣе часа ожидали въ парадныхъ формахъ сигнала къ отъѣзду; но либералъ Сулейманъ-ханъ не торопился.

— Шахъ изъявилъ желаніе,—объяснилъ онъ,— лично осмотрѣть всѣ приготовленія, и мнѣ дадутъ знать, когда это будетъ сдѣлано. Кромѣ того, нужно, чтобы немного стемнѣло, такъ какъ приготовлена иллюминація...

Digitized by Google

Наконецъ стемнѣло и извѣстіе получено. Мы размѣстились по каретамъ и медленно, шагъ за шагомъ, потянулись по знакомой аллеѣ въ сторону шахскаго лагеря. Конные фераджи съ серебряными булавами въ рукахъ, по обыкновенію, открывали поѣздъ; за ними съ важностью сановниковъ выступали по сторонамъ каретъ скороходы, и весь кортежъ замыкался взводомъ иррегулярной конницы. Характерныя толпы персовъ тѣснились шпалерами по сторонамъ аллеи и она казалась иллюминованною отъ массы фонарей, горѣвшихъ въ лагерѣ и въ рукахъ любопытныхъ... Недалеко отъ ставки шаха поѣздъ свернулъ направо и черезъ нѣсколько минутъ въѣхалъ въ обширный дворъ, огороженный стѣной изъ бѣлой парусины, расшитой съ внутренней стороны цвѣтными персидскими узорами. Тысячи разноцвѣтныхъ фонарей составляли какъ-бы огненный карнизъ надъ этой оригинальной оградой и эффектно выдѣляли ее отъ выступавшей за нею непрерывной стѣны деревьевъ. Яркій свѣтъ разливался по всему двору и на немъ виднѣлись только два хора музыки, сверкавшіе своими мѣдными инструментами...

Мы вышли изъ экипажей при звукахъ русскаго гимна и, пройдя между двумя оркестрами, поднялись по ступенямъ платформы въ обширную, составленную изъ нѣсколькихъ палатокъ, шелковую залу, въ которой разбѣгались глаза отъ ослѣпительной роскоши ковровъ и цвѣтныхъ тканей, залитыхъ цѣлыми снопами яркихъ огней разныхъ импровизированныхъ

Digitized by Google

люстръ и канделябровъ. При входѣ въ нее генерала встрѣтилъ старикъ Азодъ-оль-мулькъ, окруженный положительно сверкающимъ букетомъ разныхъ «стрѣлъ» и «утѣшеній» Ирана. Въ видѣ министровъ, принцевъ и генераловъ здѣсь было около 80 разныхъ *мульковъ* и *довле*, и всѣ они блестѣли шитьемъ мундировъ, массой орденовъ и драгоцѣнными камнями. Изъ этого яркаго букета шалей, золота и брилліантовъ особенно выдѣлялись своей представительной внѣшностью принцъ Важихулла-мирза, котораго, если-бы не персидская шапка, легко было принять за элегантнаго европейскаго генерала, и, наконецъ, своими скромными европейскими костюмами—докторъ Толозанъ и какой-то молодой шведъ, дантистъ шаха.

Послѣ нѣсколькихъ привѣтственныхъ словъ Азодъ-оль-мулькъ пригласилъ генерала къ почетному мѣсту и всѣ усѣлись. Хозяева перемѣшались съ гостями, но по незнанію языка большинство тѣхъ и другихъ ограничивалось однимъ переглядываніемъ, пока не выступилъ на сцену докторъ Толозанъ. Громко и съ развязностью истаго француза, онъ началъ разсказывать на родномъ языкѣ какой-то случай изъ своей многолѣтней практики и привлекъ къ себѣ вниманіе всѣхъ понимающихъ и не понимающихъ... Черезъ нѣсколько минутъ явилась другая выручка: у входа показались десятки персовъ, вооруженныхъ дорогими кальянами. Тихо и чинно они разбрелись по залѣ и точно также скрылись изъ нее, снабдивъ всѣхъ желающихъ своими курительными аппаратами:

Digitized by Google

ими вооружились и нѣкоторые изъ нашихъ, остальные достали папиросы. Еще нѣсколько секундъ, — и среди тишины, нарушаемой только голосомъ Толозана, грянулъ цѣлый оркестръ кальяновъ, началось генеральное куреніе. Ароматъ ширазскаго табаку наполнилъ вскорѣ всю залу. Легкія облака дыма все еще носились подъ шелковымъ сводомъ, когда Азодъ-оль-мулькъ поднялся съ своего мѣста и, взявъ генерала подъ руку, направился при звукахъ персидскаго марша и въ сопровожденіи всѣхъ остальныхъ въ смежное отдѣленіе палатокъ, гдѣ ожидала закуска.

Затѣйливая восточная роскошь царила и въ этой комнатѣ полуфантастическаго дворца, созданнаго персами для пріема русскихъ. Его составлялъ огромный наметъ, подбитый алымъ сукномъ съ цвѣтными шелковыми разводами, и средину его занималъ обширный ярко освѣщенный столъ, заставленный массой бутылокъ и всевозможными гастрономическими издѣліями Востока и Запада. Одного этого стола было-бы достаточно, чтобы насытить добрую сотню даже чудовищно прожорливыхъ текинцевъ. Между тѣмъ, настоящія гомерическія приготовленія насъ ожидали только въ столовой, куда вскорѣ мы и отправились.

Нечего и говорить, что убранство столовой послужило предметомъ особой заботливости распорядителей пріема; она и превзошла всѣ наши ожиданія. Во всю длину обширной залы, еще болѣе характерной, чѣмъ двѣ первыя, тянулся столъ, роскошно сервированный по-европейски. Правда, онъ былъ накрытъ

Digitized by Google

простымъ бѣлымъ коленкоромъ; но въ походной обстановкѣ такія прорѣхи простительны персамъ, у которыхъ не въ обычаѣ скатерти, да и вообще большіе обѣды. Серебро и хрусталь были за то образцовые. Особенную роскошь стола составляли болѣе сотни чашъ, блюдъ и вазъ настоящаго китайскаго фарфора, симметрично разставленныя со всевозможными измышленіями затѣйливаго кулинара. Кромѣ разныхъ приправъ и соусовъ и цѣлыхъ пирамидъ изъ фруктъ и конфектъ, на нихъ фигурировали зажаренные цѣликомъ гуси, бараны и Богъ вѣсть что еще, такъ какъ до всего этого никто и не дотронулся. Наконецъ, надъ этими грудами яствъ горѣли цѣлые огненные букеты многочисленныхъ канделабръ, переливая свѣтъ сквозь разноцвѣтные шары и придавая всей обстановкѣ мягкій полуфантастическій колоритъ. Можно было подумать, что передъ нами осуществился одинъ изъ сказочныхъ чертоговъ пирующаго царевича, если-бы вмѣсто воздушныхъ гурій мы не видѣли вокругъ себя бородатыхъ персовъ. Эффектъ, словомъ, былъ необычайный...

Усѣлись. Командующій войсками и рядомъ съ нимъ Азодъ-оль-мулькъ на почетномъ мѣстѣ. Впереди и по сторонамъ ихъ—разные министры, зятья и родственники шаха. Далѣе размѣстились остальные персы и русскіе по карточкамъ, лежавшимъ на каждомъ приборѣ. Обѣдъ начался съ consommé, но, казалось, никогда не кончится, такъ какъ меню, лежавшія передъ нами съ золотымъ изображеніемъ «Льва и солнца», сулили ровно пятнадцать такихъ тяже-

Digitized by Google

ловѣсныхъ блюдъ, какъ tschilo khébab, pilo supréme. agneau farsi, tschilo avec differants ragouts, и все это съ прибавленіемъ à la persane. За этими солидными вещами слѣдовала еще цѣлая шеренга разныхъ punch, crême, gelée, torte royale, fruits, sucreries и т. д. За каждымъ блюдомъ намъ разливали европейскія вина, оставляя самихъ персовъ прохлаждаться своимъ излюбленнымъ шербетомъ...

Въ срединѣ обѣда появилось шампанское. Азодъ-оль-мулькъ всталъ съ бокаломъ въ рукѣ и провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора, причемъ долго перечислялъ на персидскомъ языкѣ разныя прилагательныя. Министръ «полезныхъ предпріятій» передалъ этотъ тостъ по-французски. Раздались дружные крики *ура*, и музыка заиграла «Боже, Царя храни», который всѣ прослушали стоя, держа руки «подъ козырекъ». Въ отвѣтъ на это генералъ провозгласилъ здоровье его величества шаха, сопровождая свой тостъ также нѣсколькими прилагательными. Раздались новое *ура* и персидскій гимнъ. Немного спустя, пили также здоровье командующаго войсками и, наконецъ, Азодъ-оль-мулька.

Было около полуночи, когда мы поднялись изъ-за стола и вышли въ пріемную. Здѣсь снова повторилась сцена генеральнаго куренія, послѣ которой мы распростились и вернулись домой, по прежнему, въ шахскихъ каретахъ.

Завтра предстоитъ интересное зрѣлище,—смотръ персидскихъ войскъ.

Digitized by Google

XVII.

Буджнуртъ, 18-го іюля.

Атаки больныхъ. — Десте-хатъ шаха. — Парадъ. — Ученье пѣхоты и конвойнаго эскадрона.—Церемоніальный маршъ.— Эволюціи казаковъ и стрѣльба шахской артиллеріи.

Больные ежедневно осаждаютъ здѣсь доктора Вагнера еще пуще, чѣмъ это дѣлалось въ Кочанѣ. Характерны нѣкоторыя просьбы, съ которыми обращались къ нему персы: возвратить зрѣніе человѣку, ослѣпшему двадцать лѣтъ тому назадъ; дать лекарство отъ безплодія, продолжающагося чуть не столько-же времени, или подкрѣпить силы Мафусаилу, разсказывающему о временахъ Аббасъ-мирзы, какъ о вчерашнемъ днѣ... Одна женщина обратилась даже съ такою просьбою:

— У меня шесть дочерей и ни одного сына. Дай лекарство, чтобы слѣдующія дѣти были мальчики. Съ этою цѣлью, по совѣту одной женщины, я долго пила фотогенъ, но это средство не помогаетъ.

Digitized by Google

Вагнеръ изворачивался довольно ловко въ подобныхъ случаяхъ, и слава о его всемогуществѣ въ такой степени распространилась среди буджнуртскаго населенія, что въ послѣдніе дни толпы больныхъ чуть не прудили нашу улицу съ самаго разсвѣта. За свою усердную почти десятидневную возню докторъ вознагражденъ былъ весьма оригинально: единственная беззубая старушка, которой пришла мысль отблагодарить его, поднесла ему дыню.

— Голубушка!—воскликнулъ Вагнеръ,—«мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь»!.. Примиже и ты отъ меня этотъ пятикранникъ и купи что-нибудь своимъ дѣтямъ.

— Вы лечите,—отвѣтилъ вмѣсто старушки одинъ изъ персовъ,—даромъ лекарства даете, да еще и деньги въ придачу... Понятно, почему васъ, русскихъ, даже текинцы полюбили...

Сегодня все утро командующаго войсками прошло въ пріемѣ разныхъ сановниковъ. Пріѣзжали между прочими молодой Заирудъ-довле и Азодъ-оль-мулькъ, каждый съ толпою своихъ приближенныхъ. Визитъ послѣдняго ознаменовался маленькимъ курьезомъ, по поводу котораго у насъ говорили, смѣясь, что «горбатаго, видно, могила исправитъ»... Старику министру особенно понравился полковникъ Муратовъ, такъ что, разсказывая о чемъ-то, онъ не отводилъ отъ него своихъ глазъ. Полковникъ всталъ и вышелъ, но черезъ нѣсколько минутъ снова явился въ гостинную, уже по приглашенію министра.

Digitized by Google

— Садитесь здѣсь, напротивъ меня,—обратился къ нему Азодъ-оль-мулькъ,—мнѣ очень пріятно смотрѣть на васъ...

Для насъ, военныхъ, особенный интересъ представлялъ персидскій парадъ, состоявшійся сегодня послѣ обѣда...

Лагерь регулярныхъ войскъ шаха разбитъ въ верстѣ отъ Буджнурта, на равнинѣ передъ сѣвернымъ его фронтомъ. Здѣсь, передъ рядами палатокъ, войска вытянулись въ одну общую линію, лицомъ къ городу. На правомъ флангѣ стояли конвойный эскадронъ и артиллерія, въ центрѣ три—фоуджа и, наконецъ, иррегулярная конница была массирована на лѣвомъ флангѣ и большею частью скрывалась за холмами, гребень которыхъ занимали всадники буджнуртскаго хана; послѣдніе, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, были всѣ въ красныхъ рубашкахъ, надѣтыхъ поверхъ халатовъ и сшитыхъ, какъ говорили, въ одну ночь, спеціально для этого парада. Передъ фронтомъ войскъ, на нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, были разбиты два большихъ шатра: красный для шаха и бѣлый для нашего генерала, и въ обоихъ красовались столы, награможденные фруктами и разными сластями съ неизбѣжнымъ шербетомъ. Наши казаки и милиціонеры заняли по указанію принца Важихулла-мирзы, командовавшаго всѣмъ парадомъ, почетное мѣсто противъ шахской ставки. Весь Буджнуртъ высыпалъ, конечно, на невиданное имъ зрѣлище и всѣ возвышенія со стороны города были покрыты сплошными массами народа.

Digitized by Google

Было около 4 часовъ пополудни, когда генералъ пріѣхалъ на плацъ и расположился въ бѣлой палаткѣ. Вслѣдъ за нимъ сюда-же явился принцъ Рукнудъ-довле, одѣтый совершенно по домашнему. въ туфляхъ и даже безъ сабли. Послѣ обычнаго персидскаго пролога онъ предъявилъ генералу только что полученный имъ *дестъ-хатъ* или собственноручный рескриптъ шаха, повелѣвающій ему вступить съ *Сардаромъ Ахала* въ переговоры относительно Саракса. Документъ этотъ начинался такимъ образомъ: «Рукнудъ-довле! Сараксъ намъ принадлежитъ со временъ Афросіаба и потому я долженъ вступиться за свои права, укрѣпленныя многочисленными вѣками» и т. д. Выслушавъ желаніе персовъ и приводимые ими мотивы, генералъ отвѣчалъ:

— Ваше высочество! Мнѣ повелѣно привѣтствовать его величество шаха, но я не уполномоченъ на переговоры по какимъ-бы то ни было вопросамъ, и потому не считаю себя въ правѣ входить въ дипломатическую сферу, которая всецѣло остается за нашимъ посломъ въ Тегеранѣ.

Этимъ окончились всѣ переговоры... Въ палатку вошелъ вскорѣ принцъ Важихулла-мирза, блестящій и элегантный, какъ и наканунѣ; за нимъ начали появляться одинъ за другимъ разные министры и генералы... Пока здѣсь прохлаждались кальянами и кофе, персидскія войска переживали ту послѣднюю агонію выравниванія частей по жалонерамъ, которая вездѣ предшествуетъ на смотрахъ всеобщему и торжествен-

Digitized by Google

ному замиранію. Офицеры по обыкновенію метались, какъ угорѣлые, суета и шумъ далеко не отсутствовали, конечно, и особенно потѣшная возня происходила при выстраиваніи *замбурековъ*, гдѣ верблюды и ревомъ, и ляганіемъ протестовали противъ палочныхъ ударовъ какого-то маленькаго офицера, добивавшагося отъ нихъ особенно педантическаго равненія. Этотъ педантизмъ, однако, далеко не проглядывалъ въ одеждѣ, въ особенности персидскихъ генераловъ. Одинъ изъ нихъ, очень представительный, щеголялъ въ красныхъ чакчирахъ съ золотыми лампасами и въ лакированныхъ ботфортахъ; другой, рядомъ съ нимъ, былъ въ австрійскомъ мундирѣ съ лентой черезъ плечо и въ то-же время въ короткихъ персидскихъ башмакахъ и въ синихъ ситцевыхъ шароварахъ, которые, съежившись къ колѣнямъ, обнаруживали далеко не аполлоновскія икры своего хозяина; третій, наконецъ, присутствовавшій на вчерашнемъ обѣдѣ въ расшитомъ мундирѣ съ лентой и звѣздами, сегодня выѣхалъ на смотръ въ простомъ кафтанѣ и безъ всякихъ украшеній, и этотъ послѣдній состоялъ при особѣ шаха и передавалъ его приказанія. Сѣдла этихъ господъ также представляли крайнее разнообразіе, начиная отъ персидскаго и кончая англійскимъ. Съ извѣстной точки зрѣнія все это, конечно, мелочи и суть не въ нихъ; тѣмъ не менѣе, въ глазахъ военнаго, сроднившагося съ иными порядками, совокупность подобныхъ мелочей, встрѣчавшихся чуть не на каждомъ шагу, какъ-то невольно низводитъ «цвѣтъ

Digitized by Google

персидскаго воинства» на ступень нѣсколько патріархальную, чтобы не сказать комическую...

Когда въ войскахъ установился нѣкоторый порядокъ, Важихулла-мирза вышелъ изъ палатки и сѣлъ на коня. Смотръ начинался, и мы съ любопытствомъ ожидали увидѣть нѣчто въ родѣ объѣзда войскъ, принятаго во всѣхъ арміяхъ. Ни чуть не бывало,—ни объѣзда, ни привѣтствія. Командующій войсками принцъ молча и тихо подъѣхалъ одинъ къ правому флангу артиллеріи. взглянулъ на равненіе и простоялъ здѣсь до самаго появленія шаха.

Но вотъ, промчались со стороны города красные фераджи съ серебряными булавами въ рукахъ, разгоняя всюду толпившійся народъ. Вслѣдъ за ними показалась въ отдаленіи конная толпа персовъ и передъ нею шахъ. Въ черномъ мундирѣ, расшитомъ какъ у нашихъ камергеровъ, и въ лакированныхъ ботфортахъ, онъ нѣсколько по старчески сидѣлъ на бѣломъ выхоленномъ конѣ, медленно выступавшемъ подъ золотымъ уборомъ и расшитыми золотомъ бархатными чепраками. Къ его суконной шапкѣ былъ привязанъ громадный козырекъ*), а въ лѣвой рукѣ онъ держалъ вмѣстѣ съ поводьями большой раскрытый зонтъ. Около его стремянъ шли два скорохода въ красныхъ кафтанахъ и въ какихъ-то шутовскихъ красныхъ шапкахъ, напоминавшихъ по виду пѣтушиные гребни...

*) Подобные козырьки въ большомъ ходу въ Персіи и они тѣмъ удобны, что надѣваются только при надобности и свободно поворачиваются въ ту сторону, откуда солнце.

Digitized by Google

Шахъ былъ еще далеко отъ фланга войскъ, когда къ нему подъѣхалъ шагомъ Важихулла-мирза. Принцъ опустилъ саблю и, не произнеся ни одного слова, поѣхалъ вслѣдъ за его величествомъ. Здѣсь-же встрѣтили шаха принцъ Рукнудъ-довле и нашъ генералъ въ сопровожденіи своей свиты. Привѣтливо улыбаясь, шахъ пригласилъ генерала ѣхать рядомъ съ собою... Конвойный эскадронъ обнажилъ въ это время шашки, а его музыка заиграла персидскій гимнъ. Никакой общей команды не было. Немного погодя, то-же самое сдѣлала артиллерія и ея музыка, причемъ верблюды замбурековъ не замедлили выказать полное непризнаніе регулярнаго строя. Фоуджи взяли въ свою очередь «на краулъ» и преклонили знамена.

Медленно и молча проѣхавъ до средины пѣхотной линіи, шахъ снялъ и швырнулъ въ сторону свой козырекъ, который былъ поднятъ кѣмъ-то изъ свиты. Свернувъ затѣмъ вправо, онъ остановился недалеко отъ красной палатки.

— Пусть фоуджи покажутъ теперь свое ученье,— обратился онъ къ принцу Важихулла-мирза.

Тотъ поскакалъ и лично передалъ это приказаніе. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ три баталіона медленно свернулись въ отдѣльныя колонны, еще медленнѣе выдвинулись впередъ и начали продѣлывать одновременно разныя эволюціи. Одинъ изъ нихъ разсыпалъ цѣпь, построилъ кучки для встрѣчи «сувари» и, собравъ ихъ, приготовился для открытія трехъ-ярусного огня. Другой перемѣнилъ фронтъ и, также разсы-

Digitized by Google

павъ цѣпь, примкнулъ на ходу штыки и бросился въ атаку съ характерными криками «я, Али!» Это былъ тегеранскій фоуджъ, пользующійся, говорятъ, особымъ расположеніемъ шаха. Наконецъ, третій баталіонъ, продѣлавъ ружейные пріемы и повороты, началъ маневрировать съ барабаннымъ боемъ, но ужасно вяло.

Этимъ закончились эволюціи персидской пѣхоты, исполнявшей всѣ построенія по командѣ особыхъ молодыхъ офицеровъ, называющихся здѣсь *учителями*. Командиры баталіоновъ только присутствовали при этомъ и не произносили ни одного слова.

Послѣ пѣхоты выдвинулся впередъ конвойный эскадронъ. По командѣ своего маіора изъ кавказскихъ уроженцевъ онъ продѣлалъ по русскому уставу, отчетливо и лихо, всѣ ломки фронта и перестроенія; ходилъ въ атаку, строилъ лаву. Ученье окончилось отчаянной джигитовкой, во время которой офицеры и многіе изъ нижнихъ чиновъ проскакали стоя на сѣдлахъ, не хуже любого наѣздника изъ цирка. Вообще эскадронъ произвелъ превосходное впечатлѣніе и онъ дѣйствительно представляетъ собою жемчужину, по крайней мѣрѣ среди войскъ, сопровождающихъ теперь повелителя Ирана.

Пока происходили эволюціи эскадрона, шахъ разсказывалъ генералу Комарову нѣкоторыя подробности устройства и вооруженія своей арміи.

— Въ Европѣ я присматривался,—сказалъ онъ между прочимъ,—къ организаціи разныхъ армій и принялъ наконецъ систему австрійскую для своей пѣхоты и артиллеріи, и русскую, казачью—для конницы. Су-

Digitized by Google

ществующія нынѣ регулярныя части послужатъ кадрами для постепеннаго приведенія моей арміи къ должной численности. Она вся будетъ вооружена скорострѣльными ружьями австрійскаго образца Моузера. — Это *хейли-хубъ-системъ*! — воскликнулъ въ заключеніе шахъ и повернулъ коня къ красной палаткѣ. Здѣсь онъ слѣзъ и принялся за лакомства...

Черезъ четверть часа начался церемоніальный маршъ. Шахъ накинулъ на себя пальто и съ биноклемъ въ рукѣ сталъ въ тѣни своей палатки. Передъ нимъ, шагахъ въ тридцати, потянулись войска узкой походной колонной. За хоромъ музыки, который остановился противъ шаха, пародировалъ съ обнаженной саблей принцъ Важихулла-мирза; онъ отсалютовалъ и заѣхалъ къ его величеству. Медленно прошли затѣмъ артиллерія гуськомъ съ навьюченными орудіями, замбуреки попарно и вся пѣхота по четыре въ рядъ; спѣшенный конвойный эскадронъ пробѣжалъ по той-же колоннѣ по всѣмъ правиламъ гимнастическаго искусства, на носкахъ съ поднятыми руками, и заключилъ собою прохожденіе регулярныхъ войскъ.

По четыре-же въ рядъ и съ обнаженными саблями показалась послѣ этого иррегулярная конница, простиравшаяся до 6-ти тыс. всадниковъ. Она даже не раздѣлена на правильныя тактическія единицы и каждая значительная ея группа, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, носитъ названіе своей провинціи или племени. Люди и лошади этой неорганизованной массы прекрасны, но только какъ сырой матеріалъ, изъ ко-

Digitized by Google

тораго при благопріятныхъ условіяхъ можетъ выработаться кавалерія настоящая. Затѣмъ, всѣ всадники одѣты довольно однообразно, въ сѣрые или черные кафтаны, а лошади ихъ подобраны по мастямъ и всѣ, какъ одна, въ серебряныхъ сбруяхъ. Но это все, что можно сказать хорошаго объ этой конницѣ. Вооруженіе разнокалиберное до кремневокъ включительно; подготовки конечно никакой, такъ какъ войско прежде всего непостоянное, а состоитъ изъ зажиточныхъ конниковъ, вышедшихъ изъ разныхъ деревень по вызову хановъ; языка командпаго не понимаютъ... Отдѣленія этихъ всадниковъ то наѣзжали другъ на друга, то растягивались и мчались въ догонку, но, поровнявшись съ шахомъ, каждое изъ нихъ непремѣнно кланялось его величеству, что выходило довольно оригинально.

Шахъ молча пропустилъ всѣ свои войска, такъ какъ выражать одобреніе здѣсь не принято. Онъ только изрѣдка направлялъ бинокль въ ту или другую группу людей и, дождавшись послѣдняго отдѣленія шахсеванскихъ всадниковъ, обратился къ генералу Комарову:

— Ну, теперь покажите вашихъ казаковъ.

По сигналамъ полковника Муратова, сотня на рысяхъ выдвинулась впередъ, развернулась на карьерѣ и, послѣ немедленной разсыпной атаки, тѣмъ-же аллюромъ построила фронтъ по переднему уступу.

— Довольно, *хейли-хубъ!* — воскликнулъ шахъ и потребовалъ коня.

Digitized by Google

Взобравшись на лошадь при помощи своего зятя, его величество выѣхалъ черезъ лагерь въ поле, гдѣ должна была произойти стрѣльба артиллеріи. Здѣсь уже стояла въ линіи батарея изъ девяти горныхъ орудій на маленькихъ желѣзныхъ лафетахъ, а передъ нею, въ разстояніи приблизительно одной версты, виднѣлись двѣ мишени. Въ тылу батареи, за каждымъ орудіемъ былъ воткнутъ въ землю его значекъ и тутъ-же лежали ящики съ зарядами. Шахъ слѣзъ съ коня и приказалъ открыть огонь.

Долго возились персы, прежде чѣмъ наладили первое орудіе. Послѣ длиннаго дребезжащаго сигнала и еще болѣе длинной команды офицера, наконецъ, грянулъ выстрѣлъ и снарядъ перелетѣлъ черезъ мишень. Второе орудіе уже наводилъ самъ принцъ Важихулла-мирза, но результатъ былъ прежній. Всего въ четверть часа было выпущено 12 снарядовъ и всѣ они перелетѣли черезъ мишень, къ величайшему, однако, удовольствію шахской свиты, которая послѣ каждаго выстрѣла безцеремонно выражала свой восторгъ разными жестами и восклицаніями. Восторгался-ли самъ шахъ, Аллахъ вѣдаетъ. Но послѣ двѣнадцатаго неудачнаго выстрѣла онъ круто повернулъ отъ батареи, сѣлъ на коня и въ сопровожденіи всѣхъ окружавшихъ направился къ ожидавшей его каретѣ. Здѣсь у экипажа, выразивъ еще разъ повелителю Ирана свою признательность за оказанный пріемъ, генералъ откланялся, и мы возвратились въ городъ.

Digitized by Google

XVIII.

ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ ИРАНА.

Составъ древнихъ армій и военныя качества персовъ. — Устройство постоянныхъ войскъ и инструктора-европейцы, военныя реформы шаха, численность и состояніе всѣхъ родовъ оружія. — Казачья бригада, корпусъ офицеровъ и дисциплина. — Смотры шаха и результаты боевыхъ испытаній. — Курьезная реформа и заключеніе.

Свѣдѣнія или, вѣрнѣе, впечатлѣнія, изложенныя въ предъидущемъ разсказѣ и касающіяся лишь небольшого, да къ тому-же и отборнаго отряда, не могутъ, конечно, служить основаніемъ для сужденія объ общей массѣ персидскаго воинства, а тѣмъ болѣе — о военномъ могуществѣ Ирана. Между тѣмъ, состояніе вооруженныхъ силъ этой страны, и въ особенности ихъ организація, представляютъ слишкомъ

Digitized by Google

Камранъ-Мирза, Наибе-Султане.

3-й сынъ Шаха. Военный Министръ.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R

Digitized by Google

много оригинальнаго, чисто-персидскаго, чтобы можно было оставить ихъ безъ вниманія. Поэтому мы здѣсь взглянемъ нѣсколько ближе на дѣло.

Въ древности, — особенно въ дни Кира, Дарія и Ксеркса, когда династія, народъ и армія находились, по мнѣнію историковъ, въ полномъ разцвѣтѣ силъ и національнаго самосознанія и когда предпринимались походы въ Скиѳію, въ Среднюю Азію, во Фракію, въ Египетъ и въ Грецію, — Персія неоднократно выставляла даже милліонныя арміи. Но замѣчательно, что и въ эти отдаленныя времена, какъ и впослѣдствіи, государи Ирана набирали свои прославленныя арміи у покоренныхъ народовъ окрестныхъ странъ и что сами персы составляли только, сравнительно незначительное, ядро ихъ. Такъ, армія Ксеркса, собранная для покоренія Греціи и простиравшаяся до 1.700.000 людей, состояла изъ 69 народовъ Азіи и Египта, а послѣднюю большую армію Ирана, съ которою Надиръ вступилъ въ Индію, почти на двѣ трети составляли уроженцы Малой и Средней Азіи, Авганистана и Закавказья. Слѣдовательно, и слава этихъ походовъ, составившихъ громкую военную репутацію древнихъ иранцевъ, принадлежитъ имъ болѣе или менѣе не основательно. Затѣмъ, успѣхъ, и то не всегда, выпадалъ на долю персовъ только при подавляющемъ численномъ превосходствѣ ихъ силъ. Объ этомъ, даже помимо похода Македонскаго героя, свидѣтельствуетъ вся исторія персовъ: арабы, курды, турки, туркмены, белуджи, авганцы и кавказцы всегда

Digitized by Google

одерживали надъ ними верхъ во время войнъ и мѣстныхъ возстаній. Наконецъ, и въ новѣйшее время шахи предпочитаютъ наполнять свою армію вообще, а конницу даже исключительно, изъ племенъ тюркскаго или туркменскаго происхожденія. именно изъ сѣверозападныхъ провинцій, гдѣ воинственные инстинкты гораздо болѣе развиты, чѣмъ въ областяхъ, обитаемыхъ собственно персами. Сопоставляя все это, нельзя не придти къ тому заключенію, что персы, эти наслѣдники вѣковой цивилизаціи, вполнѣ сознавая свое интеллектуальное превосходство надъ сосѣдними народами, къ своему несчастію, стоятъ гораздо ниже ихъ въ отношеніи мужества; что народъ этотъ прежде всего *не воинственный* и не былъ таковымъ даже въ блестящій періодъ своей военной исторіи. Причина этого, помимо крайней впечатлительности персовъ и отсутствія у нихъ всякой выдержки, заключается въ томъ, что этотъ въ высшей степени даровитый народъ, при всей своей умственной живости, никогда не былъ въ состояніи понять необходимости подчиненія отдѣльнаго лица общественнымъ интересамъ. Въ новѣйшее-же время онъ еще утратилъ всякое понятіе о патріотизмѣ и дорожитъ только религіею...

Такъ это или иначе, но до начала XIX столѣтія Персія не имѣла не только регулярнаго, но и какого бы то ни было постояннаго войска. Всякій разъ, когда въ этомъ встрѣчалась надобность, она призывала народныя ополченія. Каждый изъ мѣстныхъ правителей призывалъ тогда къ оружію всѣхъ людей,

Digitized by Google

способныхъ носить его, при чемъ имѣющіе лошадей составляли конницу такой-то провинціи, а остальные— ея пѣхоту; вся же забота высшаго правительства сводилась къ обезпеченію ихъ продовольствіемъ и боевыми припасами. Само собою разумѣется, что, при такой системѣ, ополченія разныхъ провинцій являлись только болѣе или менѣе значительными толпами, безъ всякой организаціи и дѣленія на правильныя части, весьма различныя по духу, но одинаково не способныя къ маневрированію, хотя трудно встрѣтить людей лучше персовъ въ ходьбѣ: они могутъ дѣлать удивительные переходы, въ особенности при бѣгствѣ...

Постоянныя войска, или собственно пѣхоту и артиллерію по европейскому образцу, устроилъ при Фатали-шахѣ его извѣстный наслѣдникъ Аббасъ-мирза, и тогда, благодаря французскимъ и англійскимъ инструкторамъ, дѣло это было поставлено настолько хорошо, какъ мы замѣтили выше, что еще въ 1816 году генералъ Ермоловъ нашелъ персидскую артиллерію *въ отличномъ порядкѣ*, а баталіоны такими, какихъ, по его словамъ, въ то время *не было даже въ кавказскомъ корпусѣ*... Въ 1826 году Персія вела съ Россіею послѣднюю войну, которая должна была убѣдить сыновъ Ирана въ томъ, что бороться съ европейскими державами имъ не по силамъ и что дни ихъ военнаго могущества померкли безвозвратно. Въ силу-ли такого убѣжденія, какъ полагаютъ нѣкоторые, Персія, что называется, махнула рукой на свое военное устройство, или же просто, по всегдашней

Digitized by Google

своей близорукости, продолжала заблуждаться относительно его состоянія; но дѣло въ томъ, что въ теченіе цѣлаго полустолѣтія послѣ Туркменчайскаго мира, страна эта ровно ничего не сдѣлала въ интересахъ своихъ вооруженныхъ силъ, и не только не усовершенствовала ихъ, но даже не поддержала на той сравнительной высотѣ, на которую нѣкогда были подняты благодаря усиліямъ Аббаса-мирзы. Только въ 1873 году, во время перваго своего заграничнаго путешествія, Насреддинъ-шахъ имѣлъ случай видѣть благоустроенныя европейскія арміи и не могъ, конечно, не замѣтить бездну, отдѣляющую ихъ отъ его собственныхъ войскъ. Тогда-то, по возвращеніи изъ Европы, онъ и приступилъ къ мѣропріятіямъ, которыя величаются «военными реформами Насреддина». Посмотримъ же въ чемъ состояли эти преобразованія и къ чему привели они...

По обыкновенію всѣхъ подражателей, шахъ прежде всего обратилъ вниманіе, конечно, на внѣшность своего воинства и одѣлъ пѣхоту и артиллерію въ куртки австрійскаго покроя. Затѣмъ онъ снабдилъ не всѣ войска. а только показную часть ихъ, столичный гарнизонъ, австрійскими же по преимуществу инструкторами; организовалъ четыре порядочныхъ оркестра музыки и одну плохую школу для приготовленія офицеровъ, и, наконецъ, поручилъ своимъ чиновникамъ, изрядно при этомъ нажившимся, закупить въ Австріи оружіе, о достоинствахъ котораго не трудно судить по остроумному замѣчанію одного

Digitized by Google

изъ правдивыхъ біографовъ Насреддина, что посланникъ Австро-Венгріи только для того и сидитъ въ Тегеранѣ, чтобы сбывать персамъ весь негодный военный матеріалъ своего государства... Все это дѣйствительно измѣнило внѣшность тегеранскаго гарнизона, но ровно ничего не внесло въ дѣло улучшенія внутреннихъ качествъ не только всей арміи, но даже этихъ нѣсколькихъ баталіоновъ. расположенныхъ въ столицѣ и составляющихъ гордость шаха. Главная причина этого заключается въ томъ, что, начиная отъ самого шаха и кончая послѣднимъ изъ его офицеровъ, въ Персіи никто не понимаетъ военнаго дѣла даже на столько, чтобы отличать существенныя его требованія отъ второстепенныхъ; да и никто не преданъ этому дѣлу, а потому въ арміи всюду царитъ глубокая лѣнь и халатность. Народъ персидскій гнушается военной службой и въ сарбазы шаха идетъ только тотъ, кому, такъ сказать, пресѣчены всѣ остальные пути къ существованію, кому нечѣмъ откупиться отъ этой службы, или не на что поставить за себя другого бѣдняка. При этомъ, строго говоря, воспитанія войскъ не существуетъ въ Персіи: обучаются лишь тегеранскіе баталіоны, да и тѣ—ружейнымъ только пріемамъ и маршировкѣ.

Плохое обученіе персидскихъ войскъ обыкновенно взваливаютъ на инструкторовъ европейскихъ. Винить ихъ, конечно, было бы естественно, если-бъ сами персы не были виновны въ выборѣ этихъ учителей военнаго дѣла, въ качествѣ которыхъ здѣсь фигурируютъ

Digitized by Google

не только отброски всѣхъ европейскихъ армій, но даже и лица, никогда не имѣвшія съ этими арміями ничего общаго. Такъ, одинъ изъ нихъ, оказывается, итальянецъ, торговавшій въ Неаполѣ статуэтками, а въ Тегаранѣ набивающій для шаха чучелъ и собирающій персидское старье, которое отправляетъ на родину для продажи. Другой—семидесятилѣтній, почти выжившій изъ ума старикъ, служившій въ молодости въ австрійской кавалеріи, бывшій потомъ камергеромъ и за что-то лишенный этого званія. Третій—бывшій кондукторъ австрійскаго трамвая. Четвертый—отставной унтеръ-офицеръ австрійской артиллеріи, тайно занимавшійся въ Тегаранѣ виноторговлей. Пятый—пруссакъ, служившій въ Сухумѣ телеграфистомъ и «въ своемъ фатерландѣ только выдержавшій экзаменъ на фендриха»...

Всѣ эти и еще два-три такихъ-же «военныхъ» возведены въ званія персидскихъ генераловъ и, разряженные почти въ опереточные костюмы собственной фантазіи, фигурируютъ больше на пріемахъ шаха и въ свитѣ военнаго министра, а затѣмъ, раза два въ недѣлю и не болѣе часа или двухъ, занимаются обученіемъ тегеранскихъ баталіоновъ, какъ уже сказано, «ружистикѣ и шагистикѣ», въ чемъ и заключается вся ихъ военная подготовка. Патроновъ людямъ никогда не выдаютъ и стрѣльбѣ они вовсе не обучаются. Уже въ этомъ инструктора совершенно не повинны:

— Зачѣмъ попусту тратить дорого стоющіе патроны?!—возражаетъ обыкновенно военный министръ

Digitized by Google

на всякій докладъ о необходимости стрѣльбы.—Вѣдь въ военное время придется стрѣлять не въ птицъ, даже не въ одиночныхъ людей, а въ массы, по которымъ и мальчики наши не дадутъ промахъ!...

Казармы хотя имѣются въ Тегеранѣ, но представляютъ буквально голыя комнаты, въ которыхъ сарбазы могутъ только валяться на каменномъ полу; въ нихъ и живутъ поэтому только холостые бездомники. Болѣе же трехъ четвертей состава баталіоновъ—люди семейные и живутъ на квартирахъ, слѣдовательно лишены всякаго присмотра.

Офицеры даже этихъ столичныхъ частей, за исключеніемъ двухъ-трехъ, вышедшихъ изъ военной школы, люди преимущественно безграмотные, произведенные изъ нижнихъ чиновъ и ханскихъ служителей по протекціи или за плату и, конечно, безъ всякого экзамена. Подобные офицеры весьма часто прислуживаютъ своимъ ханамъ и ихъ гостямъ, наравнѣ съ простыми лакеями...

Командиры частей еще менѣе удовлетворительны. Нѣкоторая постепенность въ дѣлѣ повышенія въ чинахъ соблюдается въ Персіи только относительно офицеровъ безъ средствъ и связей, для которыхъ служба является единственнымъ источникомъ существованія. Лица же состоятельныя и имѣющія значеніе по рожденію, но въ смыслѣ военномъ нисколько не отличающіяся отъ сарбазовъ, получаютъ прямо, конечно за плату, чинъ обыкновенно сартиба, и такія назначаются по преимуществу командирами частей.

Digitized by Google

Вообще о значеніи въ войскахъ корпуса офицеровъ, здѣсь не имѣютъ никакого понятія; они и состовляютъ поэтому наименѣе удовлетворительную часть вооруженныхъ силъ Персіи. Производить въ чины, до капитана включительно, предоставлено даже иностраннымъ инструкторамъ. Военный министръ производилъ прямо въ полковники, и быстро затѣмъ въ генералы даже такихъ лицъ, какъ безграмотный водоносъ изъ курдовъ. Нечего и говорить, что шахъ въ этомъ отношеніи фантазируетъ еще болѣе: онъ жаловалъ въ маіоры простыхъ рядовыхъ, а въ генералы даже десятилѣтняго мальчика!... Здѣсь же все еще царитъ и мѣстничество.

Но все это—полбѣды. Значеніе офицеровъ подрывается главнымъ образомъ тѣмъ, что никакіе чины и служебныя положенія не избавляютъ ихъ отъ самыхъ даже позорныхъ наказаній. Раньше мы уже привели случай, когда по приказанію шаха, и на его глазахъ, публично были избиты почти до полусмерти четыре принца-генерала. Трудно передать все безобразіе подобныхъ истязаній, чинимыхъ военнымъ министромъ даже надъ командирами, за самыя простыя иногда провинности, безъ суда и разслѣдованія, на плацу во время ученья и передъ фронтомъ войскъ, при чемъ ихъ же подчиненные, солдаты, являются исполнителями экзекуцій, послѣ которыхъ злополучные «полковники» и «генералы», только что ошельмованные какъ бродяги, снова вступаютъ въ роли начальниковъ!... Точно такъ-же поступаютъ и ханы-

Digitized by Google

командиры относительно своихъ подчиненныхъ. Такъ, при одномъ изъ моихъ пріѣздовъ въ персидскій Сараксъ былъ такой случай: по приказанію мѣстнаго хакима, сартиба Али-Марданъ-хана, одинъ изъ его офицеровъ, провинившійся въ какой-то неисправности по службѣ, былъ привязанъ ногами къ бревну и, послѣ изряднаго количества палочныхъ ударовъ по голымъ пяткамъ, оставался въ такомъ видѣ въ теченіи трехъ сутокъ подъ палящими лучами іюльскаго солнца!...

Все это настолько дико, что можетъ показаться невѣроятнымъ. Но... потому-то несчастная страна, о которой идетъ рѣчь, и представляетъ одну изъ послѣднихъ ступеней упадка и разложенія, что подобныя вещи не только возможны въ ней, но онѣ еще— не самыя гнусныя въ ряду ея порядковъ. Конечно, прямымъ послѣдствіемъ персидскаго обращенія съ офицерами долженъ быть неминуемый подрывъ въ самомъ корнѣ чинопочитанія и дисциплины. И дѣйствительно. этихъ главныхъ устоевъ всякаго военнаго устройства вовсе и не оказывается въ персидской арміи, какъ свидѣтельствуютъ о томъ люди вполнѣ компетентные, хотя шахъ и его военный министръ, повидимому, убѣждены въ противномъ и нерѣдко высказываютъ это европейцамъ.

Наша рѣчь касалась до сихъ поръ, главнымъ образомъ, пѣхотныхъ частей тегеранскаго гарнизона, составляющаго цвѣтъ персидскаго воинства. Что же послѣ этого сказать объ остальныхъ «*баталіонахъ*» шаха, разбросанныхъ мелкими командами въ разныхъ

Digitized by Google

захолустьяхъ Ирана?!.. Если судить по тѣмъ изъ нихъ, которыхъ намъ случалось видѣть въ важнѣйшихъ пограничныхъ пунктахъ Адербейджана, Мазандерана, Гиляна и, въ особенности, Хорасана, то каждый изъ нихъ—жалкія двѣ-три сотни полуголодныхъ и ничему не обученныхъ оборванцевъ. Не «солдатъ» въ настоящемъ смыслѣ, а даже персидскихъ *сарбазовъ* въ нихъ можно узнать только по ихъ допотопнымъ пистоннымъ ружьямъ, которыхъ, кстати, не умѣютъ держать даже посѣдѣвшіе на службѣ шаха, хотя, конечно, не по недостатку способностей,—персы очень способны,—а просто потому, что въ этомъ искусствѣ не далѣе ушли и ихъ учителя-офицеры...

Воинская повинность въ Персіи состоитъ въ томъ, что каждый округъ, не стѣсняясь ни какимъ возрастомъ людей, выставляетъ свой *фоуджъ* (баталіонъ), нормальный составъ котораго долженъ простираться до 800 человѣкъ. Но на самомъ дѣлѣ баталіоны рѣдко достигаютъ этой цифры, и численность ихъ колеблется между двумя и шестью стами, причемъ замѣстительство допускается въ такихъ широкихъ предѣлахъ, что каждая часть представляетъ смѣсь всевозможныхъ возрастовъ, начиная отъ безусаго юноши и кончая сѣдыми стариками, нанимающимися на службу въ третій и четвертый разъ.

По спискамъ военнаго министерства вся персидская пѣхота состоитъ изъ 77 такихъ территоріальныхъ фоуджей, долженствующихъ составить въ общемъ силу около 60 тысячъ штыковъ. Въ дѣйстви-

Digitized by Google

тельности-же подъ ружьемъ находится не болѣе шестой части этого, а остальные пребываютъ обыкновенно, въ интересахъ хановъ-командировъ, въ отпускахъ, и собираются только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда шахъ потребуетъ ихъ на смотръ.

Артиллерія Ирана, какъ мы отчасти видѣли на смотру въ Буджнуртѣ, на столько еще ниже его пѣхоты, что она, въ качествѣ боевого элемента, пожалуй, не заслуживала-бы и вниманія. Тѣмъ не менѣе, мы, хоть бѣгло, коснемся чисто-персидскихъ и весьма типичныхъ особенностей ея устройства, какъ необходимыхъ для общей характеристики шахской арміи.

На площадяхъ главнымъ образомъ Тегерана, а затѣмъ и всѣхъ болѣе значительныхъ городовъ, какъ Тавризъ, Мешедъ и Исфаганъ, точно такъ-же какъ и на валахъ пограничныхъ укрѣпленій въ родѣ Келата и Саракса, Персія имѣетъ до тысячи фальконетовъ и почти такое-же количество мѣдныхъ и бронзовыхъ пушекъ и мортиръ всевозможныхъ видовъ и величинъ, на которыхъ сыны Ирана наивно или съ ироніею указываютъ иностранцамъ, какъ на военное могущество своего шахинъ-шаха. Но все это, въ буквальномъ смыслѣ,—старый хламъ, накопившійся за послѣдніе три вѣка, валяющійся большею частью безъ лафетовъ и станковъ, и, конечно, не могущій имѣть никакого примѣненія. Затѣмъ имѣется около ста орудій болѣе или менѣе отвѣчающихъ современнымъ требованіямъ. Четыре стальныя изъ нихъ получены въ подарокъ изъ Россіи и составляютъ конную батарею;

Digitized by Google

остальныя, системы преимущественно Ухаціуса, разновременно пріобрѣтены въ Австріи и составляютъ 8 батарей пѣшихъ и столько-же горныхъ.

Персидская особенность этихъ частей заключается въ томъ, что ни одна изъ нихъ не имѣетъ зарядныхъ ящиковъ, а снаряды, въ случаѣ войны, предположено подвозить на вьюкахъ; собственно *артиллерійскихъ* лошадей батареи также не имѣютъ, за исключеніемъ одной конной; орудія перетаскиваются на учебный плацъ и обратно на каретныхъ лошадяхъ дворцовой конюшни или на людяхъ, когда эти старыя клячи заняты отправленіемъ прямыхъ своихъ обязанностей, т. е. катаютъ по городу и его окрестностямъ жемчужинъ шахскаго гарема.

Еще одна замѣчательная особенность, до которой могли додуматься только въ Персіи: артиллеріею завѣдуютъ здѣсь отдѣльно три хана, другъ другу не подчиняющіеся. Одинъ изъ нихъ содержитъ людей, другой завѣдуетъ орудіями, третій долженъ вѣдать лошадей, а за неимѣніемъ таковыхъ, занимается пріискиваніемъ ихъ для подвозки орудій на ученье. «Выходитъ такъ,—разсказываетъ бывшій инструкторъ:—если жены шаха поѣхали кататься или въ путешествіе, то лошадей для артиллеріи нѣтъ, а если одинъ изъ хановъ-командировъ скажетъ, что сегодня почему-либо не можетъ дать людей на ученье, то пушки остаются безъ прислуги».

Затѣмъ, артиллерія шаха, какъ и остальные роды войскъ, стрѣльбѣ не обучаются. Отъ нея требуютъ

Digitized by Google

только церемоніалъ, надъ которымъ персы точно помѣшались и «который нужно видѣть для того, чтобы имѣть вѣрное понятіе о состояніи этого оружія въ Персіи! Ѣздовые ниже всякой критики,—сбруя съ шорами, но вся повязана веревочками и зачастую рвется; колеса скрипятъ, какъ у немазанной телѣги; лошади бьются, такъ какъ привыкли только къ каретамъ, орудія отстаютъ» и т. д.

Однажды,—по словамъ того-же повѣствователя,—во время подобнаго церемоніала артиллеріи, военный министръ замѣтилъ ея инструктору—австрійцу, что оси нужно смазывать масломъ для того, чтобы онѣ не скрипѣли.

— Масло,—отвѣтилъ послѣдній громко и при всѣхъ,—съѣдаютъ ханы-командиры, а на орудія никто его не даетъ.

Но это нисколько не измѣнило дѣла... Къ довершенію всего, *топчи* или пушкари составляютъ наиболѣе распущенный элементъ персидскаго войска. «Часовой-артиллеристъ, заснувшій на площади подъ орудіями, поставивъ у колеса свою обнаженную саблю, или занимающійся, примостившись на одномъ изъ орудій, куреніемъ кальяна, починкой платья, а то и бритьемъ своей или чьей-либо бороды,—дѣло, говорятъ, настолько обыкновенное въ Тегеранѣ, даже чуть не передъ окнами самого шаха, что поразить кого-нибудь могъ-бы скорѣе исправный часовой».. Только двѣ горныя батареи, и въ особенности—конная, составляютъ въ этомъ отно-

Digitized by Google

шеніи исключеніе и выдѣляются сравнительнымъ порядкомъ.

Такова артиллерія шаха, составляющая, какъ уже было сказано, слабѣйшій даже изъ персидскихъ родовъ оружія. Взглянемъ теперь на *кавалерію* этой страны.

До самаго послѣдняго времени Персія никогда не имѣла постоянной конницы, а тѣмъ болѣе—регулярной. Въ случаѣ призыва къ оружію, ея провинціи выставляли болѣе или менѣе значительныя дружины конниковъ, общая численность которыхъ,по крайней мѣрѣ въ теченіи послѣднихъ двухъ вѣковъ, никогда не переваливала за три десятка тысячъ, даже при наибольшемъ напряженіи силъ, какъ это было при Надирѣ и Ага-Магомедъ-шахѣ, не считая, конечно, вспомогательные контингенты бывшихъ тогда полунезависимыхъ владѣній. Эта небольшая, сравнительно, масса, да къ тому-же неорганизованная и ничему необученная, являлась однако солидной боевой силой, такъ какъ персы считались природными кавалеристами и превосходили большинство своихъ сосѣдей не только качествомъ лошадей и достоинствомъ оружія, но постоянно и численностью. Геродотъ утверждаетъ, что, помимо стрѣльбы изъ лука, персы обучали своихъ сыновей отъ 5 до 20 лѣтъ только двумъ наукамъ: ѣздить верхомъ и говорить правду. Если это и было когда-либо въ Персіи, то повальная лживость ея сыновъ давно вытѣснила изъ этой страны всякую правду. Что-же касается до наѣздничества, то дѣйствительно даже въ началѣ настоящаго столѣтія персы

Digitized by Google

вызывали единодушныя похвалы иностранцевъ своей ловкостью на конныхъ ристалищахъ и при бросаніи копій. Теперь — не то. Въ теченіи послѣдняго полувѣка Персія выродилась, между прочимъ, и въ кавалерійскомъ отношеніи. Увлеченіе торговлей и ремеслами, какъ естественный результатъ съ одной стороны ослабленія государства и обѣдненія страны, а съ другой — продолжительнаго мира и болѣе оживленныхъ сношеній съ сосѣдями, заглушили въ иранцахъ прежнюю ихъ любовь къ коню, къ оружію и къ наѣздничеству. Въ связи съ этимъ значительно пало и коневодство. Дорогое огнестрѣльное оружіе предковъ, переходившее изъ рода въ родъ, стало также никуда негоднымъ. И наконецъ, самое главное, — требованія войны измѣнились на столько, что конники, хотя-бы и природные, могутъ представить боевую силу государства только въ составѣ частей правильно организованныхъ, снабженныхъ современнымъ оружіемъ и надлежащимъ образомъ подготовленныхъ. При отсутствіи-же всего этого, конница, и особенно многочисленная, будетъ если не обузой арміи, то оружіемъ, такъ сказать, обоюдоострымъ, т. е. крайне полезнымъ при успѣхѣ и столь-же вреднымъ при неудачѣ... Посмотримъ-же теперь, что представляетъ собою нѣкогда славная, по преданіямъ, персидская конница и на сколько она отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ.

Постоянная персидская кавалерія, созданная Насреддинъ-шахомъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, со-

Digitized by Google

стоитъ всего изъ конвойнаго эскадрона, который мы видѣли, и изъ такъ называемой «*казачьей бригады*», численность которой не всегда достигаетъ даже 750 человѣкъ. Этотъ въ сущности *милиціонный конный полкъ* совершенно произвольно названъ *бригадой*, а тѣмъ болѣе—*казачьей*, ибо, помимо костюма кавказскихъ горцевъ, часть эта не имѣетъ ничего общаго съ казаками ни въ своемъ устройствѣ, ни въ способѣ комплектованія и несенія службы. Персидскую бригаду составляютъ *наемники*, выходцы изъ Закавказья и мѣстный сбродъ, нуждающійся въ пропитаніи. Всякій поступающій въ нее долженъ имѣть собственную лошадь съ сѣдломъ, кинжалъ и шашку. Отъ казны онъ получаетъ жалованье, фуражъ, кормовыя деньги, форменное обмундированіе, стоимость котораго удерживаютъ изъ содержанія, и, на время ученья—берданку, за цѣлость которой, какъ и мундирной одежды, *долженъ поручиться кто-либо*, такъ какъ предполагается, и не безъ основанія, что наемникъ можетъ исчезнуть, захвативъ съ собою и то, и другое.

Обученіемъ бригады занимается русская военная миссія, состоящая изъ 5 офицеровъ и нѣсколькихъ урядниковъ, получающихъ огромное содержаніе *), и вообще поставленныхъ отлично. Отчасти, конечно, по винѣ самихъ персовъ, не предъявляющихъ этимъ военнымъ «миссіонерамъ» никакихъ серьезныхъ тре-

*) Помимо содержанія отъ своего правительства, члены этой миссіи получаютъ отъ Персіи въ годъ: полковникъ 10 тысячъ, офицеры—по 5 тысячъ и урядники—по 1200 рублей.

Digitized by Google

бованій, а можетъ быть и тормозящихъ ихъ дѣятельность, но справедливость требуетъ сказать, что, по сознанію самихъ инструкторовъ, польза, приносимая ими кавалерійскому дѣлу Ирана, проблематическая и, съ точки зрѣнія военныхъ интересовъ шаха, оставляетъ желать весьма многаго. Старшій инструкторъ и фактическій командиръ бригады, обыкновенно полковникъ нашего генеральнаго штаба, носитъ названіе «завѣдывающаго обученіемъ персидской кавалеріи». Но онъ, какъ и его помощники, и въ глаза не видитъ эту «кавалерію» и имѣетъ дѣло съ одной лишь тегеранской или казачьей бригадой, которая въ смыслѣ азіатскомъ ѣздитъ весьма порядочно, даже джигитуетъ на манеръ кавказцевъ; но она «обучается», по сокращенному русскому уставу, военнымъ премудростямъ лишь на столько, на сколько это необходимо для прохожденія церемоніальнымъ маршемъ, что составляетъ альфу и омегу персидскихъ требованій и излюбленную *тамашу* (зрѣлище) самого шаха и его приближенныхъ. Вотъ и все! Стрѣльбѣ люди не обучаются, какъ и въ пѣхотѣ; живутъ они также большею частью внѣ казармъ и собираются только въ часы ученій, раза два въ недѣлю. На качество офицеровъ здѣсь также не обращено вниманія: ихъ производитъ не только военный министръ за плату, но и самъ командиръ бригады безъ особаго разбора. Благодаря этому, число офицеровъ, большею частью совершенно негодныхъ, такъ не пропорціонально велико въ бригадѣ, что въ первыхъ двухъ ея полкахъ

Digitized by Google

одинъ офицеръ приходится на каждыхъ 7 нижнихъ чиновъ, а въ третьемъ—даже на 5!..

Не смотря, однако, на такую массу начальствующихъ, дисциплина въ этой «образцовой персидской части» также краснорѣчиво отсутствуетъ, какъ и въ остальныхъ войскахъ Ирана; и бригада служитъ въ Тегеранѣ только рекламой персидскихъ войскъ въ глазахъ пріѣзжающихъ туда иностранцевъ, которымъ шахъ очень любитъ ее показывать...

Остальную конницу шаха составляютъ, по увѣренію персовъ. 50 полковъ или дружинъ, выставляемыхъ разными провинціями и простирающихся въ общемъ до 25 тысячъ всадниковъ, которые получаютъ отъ казны только одно жалованье, по 7 рублей въ мѣсяцъ, и обязаны имѣть за это свою лошадь, оружіе и полное снаряженіе. Но это войско существуетъ только на бумагѣ или, во всякомъ случаѣ, оно не постоянное. Всадники этихъ дружинъ принадлежатъ къ зажиточной части сельскаго, по преимуществу, населенія, которое не попадаетъ въ пѣхоту и считаетъ унизительнымъ наняться въ «казачью» бригаду шаха. Лошади ихъ большею частью превосходны, и сами они представляютъ весьма доброкачественный матеріалъ, который въ умѣлыхъ рукахъ можетъ составить какую угодно кавалерію. Но этихъ-то рукъ и недостаетъ Персіи, и ея конные дружинники живутъ по домамъ въ своихъ провинціяхъ, имѣютъ отличное холодное оружіе, а огнестрѣльнымъ вооружены кто чѣмъ попало, ни чему не обучаются, о

Digitized by Google

хъ и его свита на смотру войскъ.

ЖЪ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

Digitized by Google

дисциплинѣ не имѣютъ никакого представленія и лишь въ кои-вѣки, по требованію шаха, собираются въ Тегеранъ на смотръ. Опредѣленной формы обмундированія они также не имѣютъ. Какъ-то шахъ одѣлъ было одинъ изъ полковъ въ какую-то пародію кавказскихъ черкесокъ и въ старыя прусскія каски. Но его величество и самъ вскорѣ замѣтилъ весь комизмъ такого одѣянія; оно было брошено и всадники начали ходить, по прежнему, въ своихъ барашковыхъ шапкахъ, въ кафтанахъ персидскаго покроя и въ башмакахъ.

Смотры шаха въ высшей степени своеобразны. Они какъ нельзя болѣе характеризуютъ и Насреддинъ-шаха, и его военные порядки и, наконецъ, персидскія воззрѣнія на вещи. Поэтому мы приведемъ здѣсь разсказъ о нихъ русскаго офицера-очевидца, въ теченіи 6 лѣтъ вращавшагося между персидскими войсками.

Шаху вздумалось посмотрѣть такой-то полкъ,— говоритъ онъ,—и вотъ хану-командиру шлютъ приказаніе, чтобы онъ черезъ недѣлю или двѣ привелъ свой полкъ въ Тегеранъ. Ханъ собираетъ людей, нанимаетъ обыкновенно на всѣхъ базарахъ недостающихъ лошадей, занимаетъ у сосѣднихъ хановъ нужное количество шашекъ, сѣделъ и т. д. и является съ полкомъ въ Тегеранъ. День смотра. Мѣсто дѣйствія—огромный «машкъ-майданъ» (учебный плацъ), обнесенный каменной стѣной, съ двумя воротами на противоположныхъ сторонахъ. Въ одной сторонѣ плаца

Digitized by Google

раскинутъ великолѣпный красный шатеръ шаха. Всадники осматриваемаго полка, часовъ за пять, начинаютъ по одиночкѣ прибывать на плацъ и становятся у стѣны его въ одну шеренгу, на разстояніи другъ отъ друга около аршина, въ виду того, чтобы не съѣзженные жеребцы не грызлись и людей казалось больше. Ранжировки по росту и мѣстамъ, конечно никакой. Офицеры становятся рядомъ съ нижними чинами, но ближе къ воротамъ, откуда долженъ ѣхать шахъ. Ближе всѣхъ къ воротамъ—ханъ-командиръ.

Но вотъ и шахъ. Онъ прибываетъ въ каретѣ шестеркой, цугомъ, съ красными хвостами у лошадей. У воротъ онъ тихо и важно высаживается, осматриваетъ величественно, черезъ очки, которыя сперва непремѣнно протретъ, плацъ и затѣмъ садится на откормленнаго коня, беретъ въ руки красный зонтикъ, подъ которымъ и направляется мимо стоящихъ всадниковъ къ шатру. Въ это время командуютъ «хабардаръ!» *) и всѣ всадники, по мѣрѣ приближенія шаха, кланяются ему до сѣдла, держа руку у папахи. Прибывъ въ шатеръ, его шахское величество садится на золотое кресло, начинаетъ ѣсть приготовленные на столѣ огурцы, персики, виноградъ и другіе фрукты, запивая ихъ шербетомъ, и приказываетъ начать смотръ. Внутри шатра, у стѣнъ, становится свита и ближе всѣхъ къ шаху—его сынъ военный министръ, а у входа—мирза, т. е. грамотей, ревизоръ, коего обязан-

*) *Вниманіе*, точнѣе, *извѣститесь*, соотвѣтствуетъ командѣ «смирно».

Digitized by Google

ность называть шаху имена всѣхъ проѣзжающихъ мимо него офицеровъ и считать нижнихъ чиновъ, чтобы провѣрить, въ томъ-ли они количествѣ, какое должно быть. Этотъ мирза уже раньше повидалъ хана и, конечно, получилъ отъ него должный пешкешъ, а потому всегда оказывается, что всѣ люди на лицо, хотя-бы ихъ не хватало на сотню и другую...

Смотръ начинается.—Идутъ справа по одному, въ трехъ шагахъ одинъ отъ другого, мимо шаха. Впереди всѣхъ, конечно,—ханъ, но можетъ быть, читатель подумаетъ,—орломъ, съ сознаніемъ своего достоинства и на великолѣпномъ конѣ, какъ подобаетъ командиру кавалерійской части; нѣтъ,—пѣшій, неся на блюдѣ, или прямо на блюдечкѣ, золотыя монеты, сумма которыхъ, смотря по величинѣ полка, колеблется между сотней и тысячью тумановъ *). Онъ останавливается противъ шаха и, съ подобострастною рѣчью отмѣнно—персидскаго свойства, подноситъ ему «эту скудную экономію полка». Шахъ обыкновенно спрашиваетъ при этомъ «*чанта инжасъ*» (сколько тутъ)? и я слышалъ однажды, какъ онъ, принявъ золото, сказалъ стоявшему сзади казначею «*бешмуръ*» (сосчитай), что и было, конечно, исполнено...

За ханомъ ведутъ коня въ шелковой уздечкѣ и подъ дорогимъ покровомъ; это тоже подарокъ шаху. Когда его подводятъ, стоящій впереди шатра шахскій *мирахуръ* (конюшенный), тоже получившій еще ра-

*) Туманъ персидскій—около 3 рублей.

Digitized by Google

нѣе свою долю отъ хана, начинаетъ выкрикивать достоинства и родословную коня, увѣряя, что онъ потомокъ знаменитыхъ производителей, хотя-бы подъ попоною стояла кляча...

Затѣмъ начинается прохожденіе офицеровъ на конѣ, при чемъ каждый изъ нихъ поочередно останавливается, кланяется до сѣдла, держа руку у папахи и ждетъ пока мирза назоветъ его и доложитъ болѣе или менѣе длинную родословную; но послѣднее дѣлается лишь въ томъ случаѣ, если офицеръ заранѣе заплатилъ этому докладчику за шахское къ себѣ вниманіе... За ханомъ и офицерами, которые, пройдя передъ его величествомъ, становятся около шатра, въ такомъ-же порядкѣ проходятъ нижніе чины, представляющіе всѣ возрасты отъ 16 и до 60 лѣтъ. Мирза ихъ не называетъ, а только пересчитываетъ; они и не останавливаются, а прямо *уходятъ по одному съ плаца*, чѣмъ и кончается весь смотръ. Впрочемъ, иногда, послѣ прохожденія людей, шахъ приказываетъ задержать ихъ и пустить по площади въ карьеръ съ гикомъ. Нужно только видѣть сколько ихъ тогда валится, хотя болѣе трусливые и совсѣмъ не скачутъ, не смотря на команду! Послѣ этого, ни къ кому въ сущности не обращаясь, шахъ произноситъ свое обычное *«хейли-хубъ»* (очень-хорошо)! и уѣзжаетъ съ плаца въ каретѣ, провожаемый низкими поклонами свиты... Въ день такого, чисто-опереточнаго зрѣлища, устраиваемаго шахомъ, — заканчиваетъ свой разсказъ офицеръ-очевидецъ, — трудно достать

Digitized by Google

лошадь на базарахъ Тегерана: всѣ они нанимаются подъ всадниковъ...

Послѣ всего сказаннаго о вооруженныхъ силахъ Ирана, всякіе выводы и предположенія объ ихъ военныхъ качествахъ едва-ли будутъ не лишними. Поэтому, вмѣсто нихъ, мы разскажемъ, въ заключеніе настоящаго очерка, о двухъ-трехъ боевыхъ испытаніяхъ, выпавшихъ на долю персидскаго воинства за послѣднюю четверть вѣка.

Въ 1860 году Насреддинъ-шахъ предпринялъ походъ на Мервъ, которымъ владѣли тогда теке-туркмены, съ цѣлью вырвать это старинное достояніе персидскаго государства изъ рукъ полудикихъ номадовъ. Армія шаха, выступивъ изъ Саракса подъ начальствомъ принца Султанъ-Мурадъ-Мирзы, въ составѣ болѣе 20 тысячъ регулярной пѣхоты, съ 34 орудіями и съ многочисленной иррегулярной конницей, подошла къ лѣвому берегу Мургаба и остановилась противъ существовавшей тогда крѣпости сарыковъ, *Порсу-кала*. Усиливъ этотъ пунктъ и оставивъ здѣсь подъ прикрытіемъ большую часть своихъ тяжестей, главныя силы персовъ двинулись далѣе, по лѣвому берегу рѣки, къ мѣсту расположенія нынѣшней крѣпости Мервъ или *Коушутъ-ханъ-кала*. Здѣсь въ то время существовала только *кала* сарыковъ хотя и обширная, но крайне слабой профили; въ ней сосредоточились текинцы со всего оазиса, по обыкновенію съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ. Персы остановились противъ этой калы на противоположномъ

Digitized by Google

берегу Мургаба и, окопавшись предварительно, открыли бомбардировку текинскаго оплота, гдѣ произвели среди обороняющихся страшныя опустошенія и почти панику. Боясь наступленія персовъ на правый берегъ, текинцы разрушили мостъ и окончательно ушли съ поля внутрь своей ограды. Но персы точно и не думали воспользоваться результатомъ бомбардировки и произведеннымъ впечатлѣніемъ. Продолжая окапываться, они и въ слѣдующіе дни ограничивались однимъ артиллерійскимъ огнемъ, который теперь уже не производилъ прежняго дѣйствія, такъ какъ текинцы успѣли вырыть почти безопасныя убѣжища для себя и своихъ семействъ. Такъ прошелъ почти мѣсяцъ. Ободренные явною нерѣшительностью своего противника, текинцы сами перешли, наконецъ, къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Они вышли изъ калы подъ начальствомъ Коушутъ-хана, быстро навели мостъ черезъ рѣку передъ самымъ носомъ персидскихъ войскъ и энергически напали на нихъ среди бѣлаго дня. Результатъ былъ блестящій. Текинцы возвратились съ нѣсколькими персидскими орудіями, а ихъ противники съ своимъ «регулярнымъ» войскомъ понесли громадныя потери и послѣ этого не смѣли выходить изъ-за окоповъ даже за водой къ Мургабу.

Противники, такимъ образомъ, помѣнялись ролями, и о наступленіи персовъ уже не могло быть и рѣчи, такъ какъ текицы, не ограничиваясь первымъ успѣхомъ, продолжали свои нападенія, и наносили пораженіе за пораженіемъ.

Digitized by Google

Кончилось тѣмъ, что принцъ Султанъ-Мурадъ поднялъ свои войска и направился съ ними обратно въ Порсу. Текинцы только того и ждали. Они вышли изъ калы старъ и молодъ и обрушились на персовъ въ открытомъ полѣ. Пораженіе послѣднихъ было ужасное. Едва около трехъ сотъ всадниковъ спаслись въ бѣгствѣ съ главнокомандовавшимъ; все остальное бѣжало, побросавъ оружіе и артиллерію, и было или перебито, или взято въ плѣнъ. Преслѣдуя жалкіе остатки персидскихъ воиновъ, но главное въ погонѣ за принцемъ, текинская конница съ небольшимъ въ сутки проскакала съ лишнимъ 120 верстъ и достигла Саракса, гдѣ были сдѣланы громадныя заготовленія для арміи, и, что называется, стерла этотъ пунктъ съ лица земли въ то самое время, когда пѣшіе собратья этихъ туркменъ чинили самый безпощадный разносъ съ войсками и запасами, остававшимися въ Порсу. Таковъ былъ конецъ этого злополучнаго нашествія персовъ. Въ Мервѣ сосредоточилась послѣ этого такая масса плѣнныхъ и оружія, что цѣна на невольника-перса спала съ 500 рублей на 5, а за ружье едва платили два—три крана *).

Второе затѣмъ испытаніе персидскаго оружія было вызвано въ 1880 году возстаніемъ курдовъ, въ Салмастѣ и Урміи, подъ начальствомъ шейха Ибейдуллы.

*) Въ числѣ огромнаго имущества, доставшагося тогда побѣдителямъ, оказалась и драгоцѣнная сабля самого принца-главнокомандовавшаго, оцѣненная въ 12 тысячъ рублей. Ее, какъ народную трофею, мервскіе текинцы поднесли въ 1888 году Наслѣднику Цесаревичу нынѣ царствующему Государю Императору.

Digitized by Google

Крупныхъ столкновеній при этомъ не было. Тѣмъ не менѣе, войска шаха дѣйствовали такъ нерѣшительно, вяло, и такъ часто подвергались неудачамъ, что возмущеніе грозило принять довольно широкіе размѣры, если-бъ его подавленію не способствовалъ, своимъ появленіемъ на границѣ, русскій обсерваціонный отрядъ, выставленный тогда на Араксѣ подъ начальствомъ генерала Алхазова.

Наконецъ, въ 1883 году, для наказанія небольшаго туркменскаго племени при-атрекскихъ гокленовъ, за совершенное ими вторженіе въ персидскіе предѣлы съ цѣлью грабежа, шахъ послалъ большой отрядъ, который былъ разбитъ этими кочевниками и обращенъ въ бѣгство, при чемъ потерялъ большую часть своихъ лошадей и муловъ.

Повелитель Ирана вознегодовалъ при извѣстіи объ этой неудачѣ. Онъ созвалъ въ столицу всѣхъ военачальниковъ, начиная съ своего сына, военнаго министра, и держалъ имъ приблизительно такую рѣчь:

— Я васъ собралъ, чтобы вы объяснили мнѣ,— почему всѣ мои предшественники, какъ Фатали и Магомедъ шахи, были всегда побѣдителями? Мои-же войска,—куда ни пошлю ихъ, даже для наказанія шайки туркменъ,—всегда остаются побѣжденными, и если возвращаются, то—съ позоромъ. Какая тутъ причина?

Долго сановники Ирана, съ глубокими поклонами, отнѣкивались, что не могутъ разрѣшить этого вопроса, что подобныя задачи сподручнѣе пресвѣт-

Digitized by Google

лой головѣ его величества и т. д. Такіе отвѣты еще болѣе разсердили шаха.

— Въ такомъ случаѣ я самъ отвѣчу,—продолжалъ онъ.— Мои предшественники побѣждали потому, что были окружены не такими «*педеръ секами*» и «*педеръ сухтами*» (прохвостами и собачьими сынами) какъ вы!... Главная вина тутъ моего сына, военнаго министра, который не дѣлаетъ никакихъ «реформъ» въ арміи... Прими немедленно мѣры къ улучшенію моего войска, чтобы оно ничѣмъ не отличалось отъ войскъ европейскихъ! — грозя пальцемъ, закончилъ шахъ, уже обращаясь къ сыну.

Отвѣсивъ его величеству глубокіе поклоны за выслушанное, сановники удалились. Но министръ-сынъ въ тотъ-же день собралъ военный совѣтъ, на которомъ весьма серьезно обсуждался вопросъ,—чѣмъ персидскія регулярныя части отличаются отъ такихъ-же европейскихъ, и чего не достаетъ первымъ? Послѣ долгаго совѣщанія было, наконецъ, рѣшено, что русскіе солдаты отличаются отъ персидскихъ сарбазовъ только суконными галстуками, а австрійскіе—перчатками. «И что-же?!—восклицаетъ по этому поводу Мисль - Рустемъ (псевдонимъ) въ своей біографіи Насреддинъ-шаха,—дня черезъ три мы увидѣли на смотру его величества у солдатъ нѣкоторыхъ баталіоновъ суконные галстуки, *одѣтые языкомъ поверхъ мундира*, и у каждаго за поясомъ—*по одной* нитяной перчаткѣ, такъ какъ по цѣлой парѣ не хватило на тегеранскомъ базарѣ!.. И это фактъ!

Digitized by Google

Вотъ такія-то опереточныя реформы и реформаторы,—вмѣстѣ съ общею развращенностью правящаго слоя и его растлѣвающимъ для всѣхъ примѣромъ,—и составляютъ несчастіе персовъ, народа, при всемъ своемъ нравственномъ паденіи все еще способнаго пробудиться отъ вѣковаго сна, встряхнуть свою апатію и съ новыми силами пуститься на путь прогресса, достойный его прежней цивилизаціи и славы. Но для этого Персія ждетъ своего генія и, быть можетъ, дождется... если только еще ранѣе ее не расчленятъ и не проглотятъ европейскіе благодѣтели во имя гуманности и другихъ столь же громкихъ... словъ и фразъ.

Digitized by Google

XIX.

Асхабадъ 22-го іюля.

Пожалованіе портрета и отъѣздъ изъ Буджнурта.—Хейрабадъ.—Путь до Герана.—Чудовищный проходъ.—Фирюза и Асхабадъ.

На другой день послѣ парада мы уже собирались выѣхать изъ Буджнурта, когда мирахуръ принца Рукнудъ-довле извѣстилъ нашего агента, что черезъ нѣсколько минутъ онъ «явится къ генералу со знакомъ высшаго къ нему благоволенія его величества царя-царей». Добавлялось, что по обычаю Ирана его должны встрѣтить на этотъ разъ съ сахаромъ и разными сладостями.

Въ саду накрыли столъ, выставили на немъ четыре головы сахару и груду разныхъ цукатъ и пер-

Digitized by Google

сидскихъ печеній. Черезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно явился мирахуръ, неся въ рукахъ большой футляръ, покрытый зеленымъ бархатомъ.

— Его величество шахинъ-шахъ, — обратился онъ къ генералу, — познакомившись поближе съ вашимъ превосходительствомъ, нашелъ справедливымъ пожаловать вамъ высшій знакъ его благоволенія, портретъ, украшенный бриллiантами, и предоставилъ мнѣ честь поднести его вашему превосходительству. Шаху угодно при этомъ, чтобы пожалованный вамъ орденъ, «Льва и Солнца» первой степени, былъ переданъ начальнику вашего штаба, генералу Мейеру.

Проговоривъ все это, мирахуръ поднялъ футляръ къ своему челу и поднесъ затѣмъ генералу, который отвѣчалъ:

— Я глубоко тронутъ столь лестнымъ вниманіемъ и честью, оказанными мнѣ его величествомъ шахомъ, и буду безконечно счастливъ, если жизнь пошлетъ мнѣ когда-нибудь случай доказать его величеству мою душевную признательность.

Портретъ былъ весьма изящной работы и стоилъ 1.200 персидскихъ тумановъ или около 3.600 руб. Тѣмъ не менѣе на верху блаженства былъ только мирахуръ, который получилъ за исполненіе своей миссіи, кромѣ всѣхъ сластей стола, золотые часы, револьверъ, дорогой серебряный жбанъ и 400 рублей золотомъ.

— И шахъ больше не далъ-бы! — говорилъ онъ съ восторгомъ уже въ отсутствіи генерала. — Носилъ

Digitized by Google

я однажды къ одному изъ «френговъ» *) дорогой подарокъ отъ принца. Такъ тотъ, каналья, выслалъ мнѣ сто крановъ, которые я отъ злости тутъ-же роздалъ его людямъ.

Послѣ этой сцены, около 9-ти часовъ утра, мы одновременно выѣхали изъ Буджнурта: шахъ на Кочанъ, а мы на Асхабадъ. Первый ночлегъ нашъ былъ въ знакомомъ уже Гермиханѣ, гдѣ насъ догналъ персидскій чиновникъ, присланный принцемъ Рукнудъ-довле для разныхъ услугъ въ предѣлахъ Персіи.

На слѣдующій день мы проѣхали по горной странѣ около 60 верстъ, перевалили черезъ два хребта; пересѣкли живописныя, утопающія въ зелени, деревни *Шихъ*, *Халва-Чешме* и нѣсколько другихъ и прибыли въ *Хейрабадъ*, который, въ видѣ небольшого глинянаго укрѣпленія, лежитъ на высотѣ около 7 т. фут. надъ уровнемъ Каспія. Деревню эту окружали прелестные луга, за которыми на высотахъ въ изобиліи раскинутъ хвойный лѣсъ. Воздухъ былъ чудный. Температура понизилась ночью до +3 R. и это въ іюлѣ, чуть не подъ бокомъ у Ахала, гдѣ жара ниже 40 или 50° принимается лѣтомъ какъ особая милость, ниспосланная небомъ!...

Изъ Хейрабада мы выступили рано утромъ. Трудно себѣ представить что-либо хуже дороги отсюда до деревни Гиранъ, лежащей на днѣ глубокаго ущелья! Въ продолженіе четырехъ часовъ мы спускались внизъ

*) Такъ называютъ персы всѣхъ западно-европейцевъ.

Digitized by Google

по каменистымъ косогорамъ, крутымъ и неудобнымъ настолько, что принуждали спѣшиться и самыхъ привычныхъ всадниковъ, не разъ извѣдавшихъ ѣзду по глухимъ тропинкамъ въ захолустьяхъ Кавказа. Мѣста эти непроходимы даже для вьюковъ; они и пошли у насъ по другой дорогѣ. Тропинка имѣетъ, впрочемъ, и свою привлекательную сторону: мѣстами она извивается среди богатой растительности и поминутно пересѣкаетъ прохладныя струи бойкой горной рѣчки...

За Гираномъ и рѣчка, и тропинка вступили въ горную трещину Копетдагскаго хребта, которая въ видѣ тѣснаго извилистаго корридора непрерывно тянется около 36 верстъ Тѣснина поразительная! Вертикальные утесы въ 5—6 т. футовъ высоты, точно почернѣвшія отъ времени циклопическія стѣны, встаютъ на всемъ ея протяженіи, по обѣимъ сторонамъ шумной рѣчки, извивающейся, какъ и тропинка, между громадными глыбами обвалившагося камня. Трудно себѣ представить обстановку болѣе дикую и болѣе величественную! Эти скалы-великаны, передъ которыми и громады Кавказа устыдились-бы своего роста, висѣли надъ нами въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, точно подпирая самое небо и едва обнаруживая, на недоступной высотѣ, его узкую, но раскаленную полосу... Но вотъ они разступились сразу и тутъ, у воротъ тѣснины, предстала передъ нами, въ зелени роскошныхъ садовъ, деревня *Фирюза*, прославившаяся храбростью своего населенія и еще болѣе красотою женщинъ. Это послѣдній пунктъ пер-

Digitized by Google

сидской территоріи, служившій до покоренія Ахала театромъ ежедневныхъ схватокъ съ текинскими аламанами.

Послѣ небольшаго привала въ Фирюзѣ мы послали прощальный привѣтъ гостепріимному Ирану, этой «дремлющей въ дыму кальяна классической странѣ плова и шербета», сдѣлали новыхъ 30 верстъ уже по голой равнинѣ Ахала и къ вечеру прибыли въ Асхабадъ.

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google